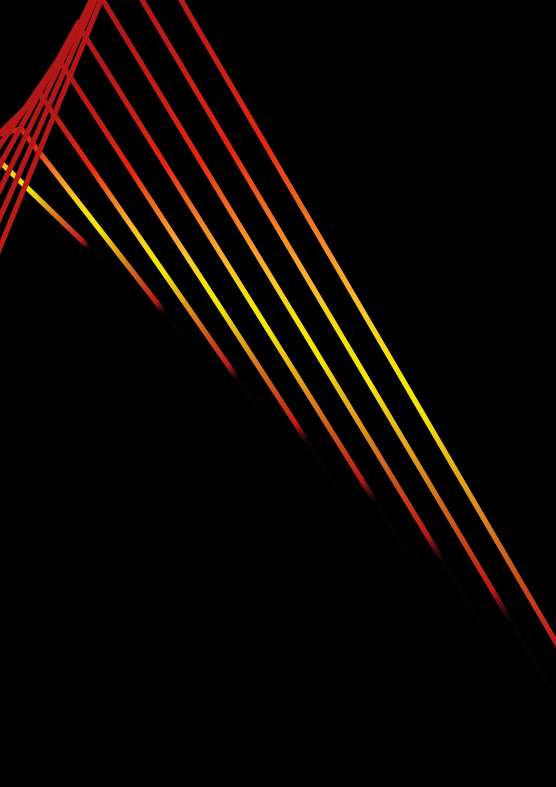

Международный Аспект

ТОМ 3. ВЫПУСК №3 (9)
ИЮЛЬ—СЕНТЯБРЬ 2022

International

VOL. 3 NO. 3 (9)
JULY—SEPTEMBER
2022

Aspect

MGIMO NEW-SCI GENERATION SYMPOSIUM: ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

От Pax Britannica к Pax Americana: опыт
либерального империализма Британской
империи и США

Половникова Анна, Калугина Полина

• 8

Субъективные восприятия национальных
интересов политическими лидерами как
причина Крымской войны (1853 – 1856 гг.)

Багач Михаил, Белоусов Евгений, Саркисянц Артур

• 30

Особенности трансформации социальной
политики Европейского союза

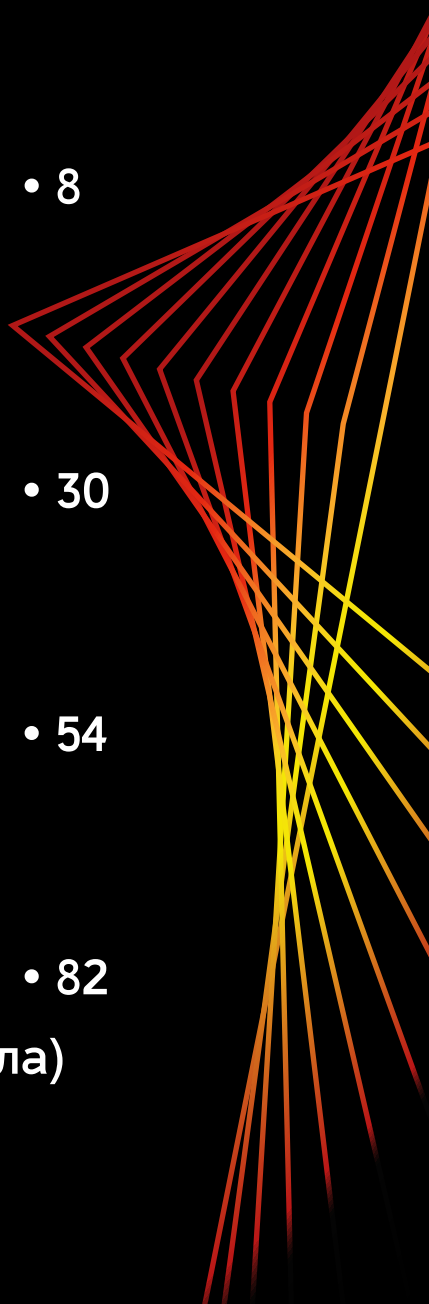
Гущин Никита, Киселева Ирина, Посаженникова Анастасия

• 54

Балансирующее поведение малых
государств Востока: взгляд вне рамок
неореализма (на примере Монголии и Непала)

Кушхов Борис, Тютин Андрей

• 82

International Aspect

ACADEMIC JOURNAL

Published since 2020 4 issues per year
Vol. 3, No. 3, 2022

Международный Аспект

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал издается с 2020 г. 4 выпуска в год
Том 3, Выпуск 3, 2022

Издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования «Московский
государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес издателя: 119454 Москва, проспект Вернадского, 76

Содержание

интервью

- Интервью с Евгением Кузнецовым, председателем Научного студенческого общества МГИМО МИД РФ (у) 2021/2022 учебного года, и с Еленой Бурдиной, главным редактором журнала «Международный аспект», о проведении Международного студенческого научного форума MGIMO New-Sci Generation Symposium • 4
- Равиль Шигапов*

история международных отношений

- От Pax Britannica к Pax Americana: опыт либерального империализма Британской империи и США • 8
- Половникова Анна, Калугина Полина*

- Субъективные восприятия национальных интересов политическими лидерами как причина Крымской войны (1853 – 1856 гг.) • 30
- Багач Михаил, Белоусов Евгений, Саркисянц Артур*

мировая экономика

- Особенности трансформации социальной политики Европейского союза • 54
- Гущин Никита, Киселева Ирина, Посаженникова Анастасия*

международные отношения

- Балансирующее поведение малых государств Востока: взгляд вне рамок неореализма (на примере Монголии и Непала) • 82
- Кушхов Борис, Тютин Андрей*

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
Елена Бурдина

Заместитель
главного редактора
Сергей Матюшкин

Редакторы
Алина Севостьянова
Амир Марданов
Валерия Контрерас Кооб
Варвара Кеня
Дарина Сибуль
Евгений Кузнецов
Елена Бурдина
Елизавета Агапова
Кирилл Вошинский
Кирилл Ноздря
Марина Нумарина
Равиль Шигапов
Самира Раджабова
Сергей Матюшкин
Таира Китаева

Ответственный
редактор выпуска
Равиль Шигапов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Редакционного совета
Андрей Анатольевич
Байков, К.полит.н.

Ирина Вячеславовна
Болгова, К.ист.н.

Игорь Александрович
Истомин, К.полит.н.

Для связи с редакцией: intaspect@intaspect.ru
intaspect.ru

119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76
+7 (495) 229-41-78

Содержание

interview

Interview with Evgeny Kuznetsov, former President of the MGIMO Scientific Student Society (2021/2022), and with Elena Burdina, chief editor of International Aspect, on the New-Sci Generation Symposium

Ravil Shigapov

• 4

history of international relations

From Pax Britannica to Pax Americana: The Experience of Liberal Imperialism in the British Empire and the United States

Anna Polovnikova, Polina Kalugina

• 8

Subjective Perceptions of National Interests by the Political Leaders As a Cause of the Crimean War (1853-1856)

Mikhail Bagach, Evgeniy Belousov, Artur Sarkisyants

• 30

world economy

Features of the Transformation of the Social Policy of the European Union)

Nikita Gushchin, Irina Kiseleva, Anastasia Posazhennikova

• 54

international relations

Balancing Behaviour of Non-Western Small States: Beyond Neorealism (Case-Study of Mongolia and Nepal)

Boris Kushkhov, Andrei Tiutin

• 82

EDITORS

3

Chief Editor

Elena Burdina

Deputy Chief Editor

Sergei Matyushkin

Editors

Alina Sevostyanova

Amir Mardanov

Darina Sibul

Elena Burdina

Elizaveta Agapova

Evgeny Kuznetsov

Kirill Nozdria

Kirill Voshchinsky

Marina Numarina

Ravil Shigapov

Samira Radzhabova

Sergei Matyushkin

Taira Kytaeva

Valeria Kontreras-Koob

Varvara Kenya

Managing Editor of the issue

Ravil Shigapov

EDITORIAL BOARD

Head of the

Editorial Board

Andrey Baykov, Ph.D. in
Political Science

Irina Bolgova, Ph.D. in
History

Igor Istomin, Ph.D. in
Political Science

Contact the editorial via: intaspect@intaspect.ru
intaspect.ru

76, Vernadsky ave., Moscow, Russia, 119454
+7 (495) 229-41-78

**Интервью с Евгением Кузнецовым,
председателем Научного студенческого
общества МГИМО МИД РФ (у) 2021/2022
учебного года, и с Еленой Бурдиной,
главным редактором журнала
«Международный аспект», о проведении
Международного студенческого научного
форума MGIMO New-Sci Generation
Symposium**

Равиль Шигапов

*ответственный редактор выпуска, глава отдела корректорской
правки журнала «Международный аспект»*

interview

**Interview with Evgeny Kuznetsov, former
President of the MGIMO Scientific Student
Society (2021/2022), and with Elena Burdina,
chief editor of International Aspect, on the
New-Sci Generation Symposium**

Ravil Shigapov

managing editor of the issue, head of the correction department

ЕВГЕНИЙ, РАССКАЖИ КРАТКО О ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ФОРУМА

Евгений К.: Миссию форума мы определили так – способствовать созданию нового поколения российских ученых и аналитиков и формированию позитивного имиджа профессии ученого-международника.

Работа над форумом – коллективное творчество. В Оргкомитет вошли проректор по научной работе А.А. Байков и директор Института международных исследований М.А. Сучков. В состав жюри вошли ведущие ученые и преподаватели МГИМО. Подготовкой форума и работой с участниками занимался секретариат, куда вошли активисты команды НСО. Нас всегда поддерживали наши друзья, молодые ученые из ИМИ – А.Р. Маргоев, Н.С. Липунов и А.Д. Давыдов.

ЕЛЕНА, ЕВГЕНИЙ, В
ЧЕМ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ ЭТОГО
ФОРУМА В СРАВНЕНИИ
С ПОХОЖИМИ
МЕРОПРИЯТИЯМИ,
ПРОВОДИМЫМИ В ДРУГИХ
ВУЗАХ?

Евгений К.: Главная особенность MGIMO New-Sci Generation Symposium в том, что форум проводился по двум направлениям: исследовательском и аналитическом. В рамках аналитического трека каждый клуб НСО превратился в мозговой центр, в котором студенты подготовили экспертные доклады по темам, затрагивающим интересы Российской Федерации. Работа аналитического трека повторяет практику научно-исследовательских центров, занимающихся экспертным

сопровождением внешней политики России. Организацией этого трека занимался Валерий Перунов.

Елена Б.: Организация форума по двум трекам позволила привлечь к работе большое число студентов из МГИМО и других вузов и затронуть очень широкий круг научных проблем. На исследовательском треке форума MGIMO New-Sci Generation Symposium было организовано три секции в соответствии со специализацией журнала «Международный аспект».

В ЧЕМ СОСТОЯЛИ
ОСОБЕННОСТИ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ТРЕКА «МЕЖДУНАРОДНЫЙ
АСПЕКТ»? ПОЧЕМУ БЫЛ
СДЕЛАН ВЫБОР В ПОЛЬЗУ
ГРУППОВОГО ФОРМАТА
РАБОТЫ С УЧАСТИЕМ
НАУЧНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ?

Евгений К.: Исследовательский трек «Международный аспект» воспринял классическую модель проведения научных конференций, группа студентов под руководством научного руководителя подавала единую заявку от исследовательской команды. Организацией этого трека занимались редакторы научного журнала «Международный аспект». Ответственный секретарь – Елена Бурдина, главный редактор издания. В рамках исследовательского трека мы организовали три секции: история международных отношений, мировая экономика и международные экономические отношения и современная мировая политика. Групповой формат исследования

— хорошая возможность научиться работать в команде, распределять обязанности в научном коллективе, вместе заняться редактурой и пройти процесс от зарождения идеи и разработки концепции исследования до публикации в журнале. Этот выпуск — результат работы более сотни студентов, авторов статей и докладов, редакторов журнала «Международный аспект» и нашего секретариата.

Елена Б.: На исследовательском треке участники писали свои научные работы в составе команд по 2-4 человека. Это, с одной стороны, учит студентов проектной работе, ведь крупные исследования в рамках грантов проводятся командой ученых. С другой стороны, такой формат позволил разделить задачи между участниками и глубже проработать каждую часть статьи, а научный руководитель помогал направить ход работы студентов. Важно, что команда должна была подготовить полноценный текст статьи, а не тезисы выступления. Таким образом, к моменту представления своих работ на форуме участники провели полноценное научное исследование.

КАКИЕ ИНТЕРЕСНЫЕ ВОПРОСЫ БЫЛИ ЗАТРОНУТЫ В ХОДЕ ОБСУЖДЕНИЯ ДОКЛАДОВ?

Елена Б.: В рамках трех секций у участников была свобода формулировки темы, и круг вопросов получился очень широким: например, в секции по истории международных отношений были доклады о причинах Крымской войны и о японской пропаганде в годы второй мировой войны. Многие доклады в секциях

по экономике и по политическим проблемам были посвящены вопросам серьезного прикладного значения, например, применению санкций в международных отношениях. При этом участники активно использовали теорию международных отношений, экономические теории для объяснения явлений мировой политики и экономики.

КАКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ДАВАЛИ ЭКСПЕРТЫ УЧАСТНИКАМ?

Евгений К.: Некоторые команды подошли к исследованию как подготовке доклада на семинаре. Это поднимает очень важную проблему: в бакалавриате не хватает курсов по методологии исследований, которые помогли бы студентам структурировать свой обширный объем знаний и обрести систему. Это как из калейдоскопа сделать мозаику.

Елена Б.: Члены жюри положительно оценили проделанную работу студентов и давали индивидуальные советы каждой команде. Думаю, многим запомнилась такая рекомендация: нужно быть искренне заинтересованным в теме своего исследования, но, представляя результаты аудитории, нужно сделать акцент на том, что было бы интересно большинству слушающих. Это помогает вдохновить обсуждение доклада, а ведь именно продуктивная дискуссия и является целью выступления.

КАКОВЫ ИТОГИ ФОРУМА? КАКОЙ ВКЛАД ОН ВНЁС В РАЗВИТИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЮ НАУКИ В МГИМО?

Евгений К.: В MGIMO New-Sci

Generation Symposium приняло участие более 200 студентов МГИМО и других вузов России. В рамках аналитического трека клубы подготовили 19 докладов, и спикеры от сообществ выступали на закрытии форума 13 апреля 2022 года. Доклады были направлены руководству МГИМО. В исследовательском треке приняли участие 42 студенческих команды. Главный итог форума, на мой взгляд, состоит в том, что мы пробудили живой интерес к науке у студентов младших курсов, ведь большая часть участников форума — студенты 1 и 2 курса бакалавриата.

Елена Б.: Важно, что в форуме приняли участие студенты как младших, так и старших курсов, также магистранты. Начинающие исследователи смогли узнать, как правильно работать над научной статьей, углубились в сферу своих исследовательских интересов — для студентов бакалавриата это очень ценный опыт. По итогам исследовательского трека отобрано четыре статьи команд-победителей, с которыми можно ознакомиться в этом выпуске.

КАКОЕ НАПУТСТВИЕ ВЫ МОЖЕТЕ ДАТЬ БУДУЩИМ УЧАСТНИКАМ ФОРУМА?

Евгений К.: Форум — отличная возможность войти в мир науки, научиться работать в коллективе, полностью познакомиться с процессом исследования — от зарождения идеи и обсуждения в команде до публикации статьи в ведущем студенческом научном журнале нашего университета — «Международном аспекте»! Участвуйте в MGIMO New-Sci Generation Symposium этой весной! Если хотите присоединиться

к команде организаторов — пишите на официальную почту НСО: nso@inno.mgimo.ru с пометкой NSGS.

Елена Б.: Не бойтесь браться за трудные и малоисследованные темы, пробуйте раскрывать вопросы, интересные вам, и делать первые шаги по внесению своего вклада в науку! Ждём вас на следующем форуме MGIMO New-Sci Generation Symposium!

От Pax Britannica к Pax Americana: опыт либерального империализма Британской империи и США

Половникова Анна, Калугина Полина
МГИМО

РЕЗЮМЕ

История либерального империализма в международных отношениях уходит корнями в конец XIX — начало XX века, когда колониальные системы европейских государств претерпевали значительную трансформацию, связанную с постепенным переходом к косвенным механизмам управления и ростом популярности идей либерализма. Концепция империи за долгое время своего существования прошла различные варианты теоретического осмысления. К XIX веку фокус научных поисков сместился с концепции империи на понятие империализма. В 1860 – 1870-е гг. в среде британской интеллектуальной элиты начала формироваться идея либерального империализма — гармонизации либеральной идеологии и ценностей с имперскими установками и принципами. Хотя на сегодняшний день не существует единства в подходах к самому понятию империя, представляется возможным выделить ряд признаков (среди которых легитимность, универсализм и стремление к изменению статуса-кво как мотивация внешней политики), характерных для данного феномена. Авторы исходят из гипотезы о том, что исторический опыт

Британской империи и США представляет собой опыт практической реализации идеи о либеральной империи. Авторы концентрируются на анализе особенностей внешней политики Британской империи и США в XIX – н. XX в. Приводится сравнение Британии и США через призму понятия «империя». Авторы приходят к выводу о том, что Британская империя являлась идеал-типическим примером либеральной империи. Выражением этого был Pax Britannica — мировой порядок, основанный на легитимной власти Британской империи, осуществляющей экспорт ценностей под прикрытием мессианских идей и играющей роль арбитра в поддержании «баланса сил». Авторы приходят к заключению, что представляется возможным рассматривать США в качестве пост-колониальной либеральной империи (гегемонии). Несмотря на то, что в настоящее время ведется речь о кризисе либерализма и эрозии американского влияния, современный мировой порядок все еще функционирует на основе возглавляемых США международных институтов и общей приверженности развитых стран либеральным ценностям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

либеральный империализм; империя; либеральная гегемония; Pax Britannica; Pax Americana; мировой порядок

From Pax Britannica to Pax Americana: The Experience of Liberal Imperialism in the British Empire and the United States

Anna Polovnikova, Polina Kalugina
MGIMO

ABSTRACT

The concept of empire has known different variants of theoretical understanding over a long period of its existence. By the 19th century, the focus of scholarly enquiry had shifted from the concept of empire to that of imperialism. In the 1860s-1870s, the idea of liberal imperialism, which was the harmonisation of liberal ideology and values with imperial attitudes and principles, began to take shape among the British intellectual elite. Although today there is no consensus concerning the very notion of empire, it seems possible to identify a number of features (including legitimacy, universalism and the desire to change the status quo as a cornerstone of foreign policy) that are characteristic of this phenomenon. The authors proceed from the hypothesis that the historical experience of the British Empire and the United States is an experience of practical

implementation of the idea of liberal empire. The authors focus on the analysis of the peculiarities of foreign policy of the British Empire and the USA in the 19th and early 20th centuries. The authors conclude that the British Empire is a paragon of a liberal empire. The expression of that was Pax Britannica, a world order based on the legitimate power of the British Empire, which exported values under the guise of messianic ideas and played the role of arbitrator in maintaining “balance of power”. The authors conclude that it seems possible to consider the US as a post-colonial liberal empire (hegemony). Although there is a lot of talk about the crisis of liberalism and the erosion of American influence, the current world order still functions on the basis of the US-led international institutions and shared commitment of the developed countries to liberal values.

KEYWORDS

liberal imperialism; empire; liberal hegemony; Pax Britannica; Pax Americana; world hegemony

Contact the author via polovnikova.anna@list.ru , kalugina.polina@bk.ru

ВВЕДЕНИЕ

Принято считать, что расцвет европейских колониальных держав пришелся на середину XIX века – начало XX века^[1]. При этом в рассматриваемый период колониальные системы европейских государств претерпевали значительную трансформацию, связанную с постепенным переходом к косвенным механизмам управления на фоне роста популярности идей либерализма. Данная работа посвящена проблеме практической реализации концепции либерального империализма. Целью работы является анализ процесса зарождения идеи либерального империализма и реализации этих установок во внешнеполитической практике Великобритании и США в XIX – середине XX веков.

В соответствии с поставленной целью были определены следующие задачи:

1. рассмотреть внешнюю политику Британской империи конца XIX – начала XX как классический пример политики либерального империализма;
2. определить отличительные черты, которые позволяют рассматривать США в качестве либеральной империи (гегемонии).

Научная новизна работы обусловлена тем, что в рамках одного исследования приводится сопоставление исторического опыта двух стран – Великобритании и США на базе теоретического конструкта либерального империализма. Актуальность работы связана с тем, что в настоящее время активно ведется

дискуссия о том, являются ли США гегемоном в рамках постбиполярного мирового порядка, в связи с чем интересным представляется выявить черты сходства и различия между идеал-типической моделью *Rex Britannica* и *Rex Americana*.

В работе авторы прибегают к концептуальному анализу наиболее значимых теоретических работ, посвященных рассматриваемой проблематике и конкретно-историческому анализу внешней политики Великобритании и США в периоды, репрезентативные для целей данного исследования. Авторы обращаются к структурной теории империализма Й. Галтунга и концепции либеральной гегемонии Дж. Миршаймера.

В межвоенный период и в первые десятилетия после Второй мировой войны наблюдается рост антиимпериалистических настроений, в результате чего концепция либерального империализма утонула в потоках критики политики колониализма и долгое время оставалась вне научной дискуссии. Возрождение интереса ученых к имперской проблематике пришлось на период становления гегемонистского направления в теории международных отношений и связано с попыткой осмысления роли США в новом мировом порядке. Пионером в этой области стал Й. Галтунг с работой «Структурная теория империализма» (1972). В современной науке проблематике империализма посвящены такие работы, как книга Дж. Снайдера «Мифы империи» (1972), книга

[1] Liberal imperialism in Europe // edited by Matthew P. Fitzpatrick. — New York, Palgrave Macmillan, 2012. — P. 4.

М. Хардта и А. Негри «Империя» (2004), статья Ф. Помпера «История и теория империй» (2005). Историко-конкретный анализ либерального империализма представлен прежде всего книгой Б.Ю. Кагарлицкого «От империй — к империализму цивилизации» (2010) и сборником статей «Либеральный империализм в Европе» под редакцией М. Фитцпатрика (2012). Концептуальное осмысление Великобритании как империи предлагает Н. Фергюсон в книге «Империя: чем современный мир обязан Британии» (2013). Подход к США как к либеральной империи (гегемонии) представлен статьями Дж. Айкенберри. Этот вопрос также затронут в вышеупомянутой книге М. Хардта и А. Негри и в работах Дж. Миршаймера.

ИМПЕРИЯ: ОТ ИДЕИ К ТЕОРИИ

Дать определение понятиям *империя* и *империализм* достаточно не просто в виду того, что различные исторические периоды воплотили его в разных формах: принято выделять империи морские (неконсолидированные, метрополия имеет составными частями только морские коммуникации) и континентальные (консолидированные, метрополия имеет с составными частями сухопутные коммуникации),

идеократические (функционирование определяется трансцендентными целями) и колониальные (создание определяется целью обеспечить неэквивалентный обмен товарами между метрополией и колониями)^[2]. Многообразие исторических форм способствовало тому, что сложились различные подходы к самому понятию, среди которых на сегодняшний день можно выделить два крупных направления. Приверженцы первого подхода концентрируют своё внимание на экономическом аспекте рассматриваемой проблематики^[3]. Приверженцы второго подхода рассматривают империю в политологической парадигме. В отечественной литературе в рамках данного подхода выделяются, в свою очередь, три модели: а) геополитическая (империя как доминирование на определенной территории при постоянной территориальной экспансии^[4]); б) идеократическая (центральным принципом империи выступает комплекс религиозно-государственных идей^[5]); в) структурная (империя как макросоциальный центр^[6]). Представляется, что у зарубежных авторов, начиная с работы Й. Галтунга «Структурная теория империализма» (1972), структурная модель на данный момент является наиболее востребованной.

[2] Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь // Отв. ред. А.О. Чубарьян. — М.: Аквилон, 2014. С. 124-126.

[3] Дж. Гобсон. Империализм, 1902; К. Каутский. Империализм, 1912; К. Каутский. Национальное государство, империалистическое государство и союз государств, 1917; В.И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма, 1917; И. Валлерстайн. Мир-система Модерна, 1974 — 1989; Кагарлицкий Б.Ю. От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации, 2010.

[4] Фрумкин К.Г. Пространственная эстетика империй // Свободная мысль. — 2002. — No 9. — С. 72-78.

[5] Лурье В. От древнего Рима до России XX века: преемственность имперской традиции // Общественные науки и современность. — 1997. — No 4. — С. 123-133.

[6] Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. — М.: Московская школа политических исследований, 2007.

Говоря о тех признаках, которые объединяют различные построения, начнем с того, что само слово *империя* происходит от латинского слова *imperiū* — «законная власть», «суверенное право». Следовательно, первым признаком империи является ее связь с государственностью как формой осуществления легитимной власти. При этом важно отметить, что на пике развития Древнеримской империи для римлян не было никакой разницы между *imperiū* и *orbis terrarum* («кругом земным»), т.е. совокупностью всех известных римлянам стран и народов^[7]. Именно тогда начала формироваться идея трансцендентно единого *Pax Romana*, при этом универсализм обеспечивался переносом ценностей империи (начиная от римского права, заканчивая римскими дорогами) на все территории, ставшие частью *Pax Romana*. Эту черту можно считать вторым важнейшим признаком империи. С началом становления и развития европейского колониализма проявляется третий важный признак империи — постоянное стремление державы перераспределить расстановку сил на международной арене в свою пользу: вспомним череду «войн за наследство» XVI — XVIII веков, противостояние европейских держав и Османской империи, англо-испанские и англо-голландские войны, противоборство Англии и Франции. Это эмпирическое наблюдение нашло теоретическое подтверждение у

ряда исследователей, в частности у Г. Моргентау^[8].

«ТРИ КИТА» РАХ BRITANNICA

Г. Киссинджер выделяет три этапа становления Британской империи^[9]. Сначала Англия в ходе англо-испанских войн была вынуждена отвоевывать право на господство на море у Испании — именно после разгрома англичанами в 1588 «Непобедимой армады» английская морская империя стала осязаемой реальностью. На втором этапе последовала борьба с экономической экспансией Голландии (англо-голландские войны) и геополитическими притязаниями Франции (кульминацией стала Семилетняя война). Вопрос о том, чьим будет мир: английским или французским, был окончательно решен с окончанием наполеоновских войн в 1815 году, когда сложился новый мировой порядок, построенный вокруг трех главных держав — Австрии, Великобритании и России (потерпевшая поражение Франция осталась на задворках нового мирового порядка). Этот порядок получил название Венской системы международных отношений, или «европейского концерта». При этом П. Кеннеди отмечает^[10], что весьма скоро, на фоне определенного «отставания» России и роста нестабильности в Австрии, Великобритания стала естественным «дирижером» в рамках «европейского

[7] Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. — М.: Издательство «Европа», 2007. — С. 49.

[8] Morgenthau H. Politics among nations: the struggle for power and peace. — New York, 1948. — P. 27.

[9] Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. В. Верченко. — М.: Издательство АСТ. — 2018. — С. 10.

[10] Kennedy P. The rise and fall of the great powers. Economic change and military conflict from 1500 to 2000. — London, Unwin Hyman Limited. — P. 172-175.

концерта». Таким образом, можно говорить о складывании Pax Britannica, ибо Великобритания выступала не просто гарантом нового порядка, но она сама стала «международной системой могущества и влияния»^[11].

На чём же основывалась эта система? Для простоты изложения можно говорить о том, что Pax Britannica покоился на «трёх китах». Одной из основ стала огромная территория Британской колониальной империи: на пике своего могущества она включала территории Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии, Индии, островов в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах, территорий в Тропической и Южной Африке. При этом важным является факт юридического закрепления легитимности британской власти на всех подконтрольных территориях. Кроме того, размеры Британской империи измерялись не только территориями, которые непосредственно входили в её состав, но и масштабами её влияния: викторианская Британия стала всемирным банкиром. Она была нетто-экспортером капитала, а её прямые иностранные инвестиции превышали французский экспорт капитала более, чем в двое^[12], что позволило инвестициям стать для Британской Империи мощным рычагом влияния (по мнению Б. Кагарлицкого, в

этом контексте можно даже говорить о британских «неформальных колониях» в Латинской Америке^[13]).

Вторая основа — это активная экспансия ценностных установок и ориентиров. Когда британцы получали управление некоторой территорией, они пытались перенести на её почву (точно так же, как прежде поступали римские легионеры) определенные черты и установки, который были присущи британскому общественному укладу (право, административные методы и хозяйственные практики). При этом главной идеей, отличающей Британскую империю от европейских соседей, была идея свободы, которую можно назвать британским либеральным универсализмом: вера в благотворное влияние либеральных идей (и прежде всего идеи свободы) на весь мир. Отметим, что британские колонии в Америке и Вест-Индии никогда не подвергались плотному бюрократическому контролю^[14]. Даже Австралия, которая изначально задумывалась как своего рода тюрьма, послужила в конечном счете освобождению высланных туда каторжников^[15]. В 1830-е годы был принят Акт об отмене рабства на территории Британской империи, положения которого подразумевали не только освобождение невольников всех цветов кожи, но и

[11] Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. — М.: Издательство «Европа», 2007. — С. 186.

[12] Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии / Пер. с англ. К. Бандуровского. — М.: Астрель, 2013. — С. 329.

[13] Кагарлицкий Б.Ю. От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — С. 595.

[14] Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. — М.: Издательство «Европа», 2007. — С. 213.

[15] Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии / Пер. с англ. К. Бандуровского. — М.: Астрель, 2013. — С. 159.

режим постоянного патрулирования африканских берегов с целью пресечения перевозки рабов (т.е. снова идея свободы работает не только на территории метрополии, но и в её колониях). В викторианскую эпоху одновременно происходит разворот, с одной стороны, в сторону еще большего либерализма (так, в 1846 Великобритания переходит к свободной торговле, а в 1859 в была основана и сразу набрала невероятную популярность Либеральная партия); с другой стороны — от осуждения империализма и колониальных практик к идее о благотворности британского влияния на колонизованные территории (здесь представляется важным отметить, что существовала длительная дискуссия в британских политических и интеллектуальных кругах о соотношении либеральных и имперских ценностей при довольно сильных позициях «антиимпериалистического лобби»). Мысль о том, что в условиях растущей конкуренции на международной арене Великобритании жизненно необходимо укрепление империи, нашла материальное воплощение: в 1884 г. группой политиков, ученых и публицистов была создана Лига имперской федерации, программа которой предполагала более тесное объединение метрополии и колонии, что, хотя и не было реализовано, свидетельствует о растущей значимости империи для британского общества^[16]. При этом если раньше Британская империя была «в лучшем случае безнравственной», то в викторианскую эпоху

британцы не только мечтали править миром, но и «дать ему искупление^[17]»: в британских колониях активизировалась деятельность миссионеров (среди наиболее значимых имен — Роберт Моффет, Дэвид Ливингстон, Джон Филипп).

Третья характерная черта Британской империи состоит в её роли арбитра в мировом порядке при обеспечении в первую очередь собственных интересов. Логику британской внешней политики в викторианскую эпоху определяло сочетание двух факторов: приверженность либеральным идеалам и прагматика баланса сил. Ниже представлен краткий обзор того, как это сочетание определяло мероприятия Великобритании по важнейшим вопросам, стоявшими перед Форин Офис в этот период^[18]. Говоря о европейских революциях, стоит отметить, что позиция британских политиков была двойственной: их идейные симпатии были на стороне либеральных и национальных движений, тогда как прагматическим интересам Великобритании соответствовало сохранение Венского порядка. В конечном итоге, рамки дозволенной поддержки революционных движений определяла именно приверженность Великобритании своей роли балансира: например, было поддержано отделение Бельгии от Нидерландов с закреплением нейтралитета Бельгии (с целью не допустить превращения Бельгии в «марионетку» той или иной

[16] Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. — М.: Международные отношения, 2016. — С. 196.

[17] Там же, с. 175.

[18] К важнейшим вопросам автор относит 1) отношения к европейским революциям 1830 — 1840-х гг.; 2) Восточный вопрос; 3) экспансия за пределами Европейского континента.

крупной державы), но при этом не было поддержано восстание венгров против Австрии (сохранение целостности и суверенитета Австрии входило в систему Венского порядка). В Восточном вопросе главным для Великобритании было, в терминах премьер-министра лорда Пальмерстона, «всемерное ослабление России^[19]» с целью не допустить усиления её позиций в Европе и на Востоке в виду того, что, с одной стороны, потенциальное усиление России ставило под угрозу баланс сил в Европе, а с другой стороны, её активное освоение туркестанских хлопковых плантации, могло представлять угрозу экономическим интересам Ост-Индской компании. Это стремление вылилось в участие Великобритании в Крымской войне (1853 – 1855) на стороне Турции. Победа в Крымской войне обеспечила Британии преобладание на Ближнем Востоке и продление жизни Венскому порядку. Стоит сказать, что, несмотря на успешный исход, Крымская война не стала популярной в британском обществе^[20], а в контексте последующего объединения Германии британские успехи в Крымской войне действительно выглядят сомнительными. Негативное восприятие результатов Крымской войны в определенной степени привело к отставке Пальмерстона и дистанцированию Великобритании от европейских дел — политике *splendid isolation* («блестящей изоляции»). Одновременно, Лондон активизировал свою деятельность на периферии

международных отношений (особенно ярко эта тенденция проявилась с приходом к власти в 1874 году Б. Дизраэли) — прежде всего в Латинской Америке (с 1865 по 1913 гг. стоимость двусторонней торговли выросла в три раза, британских инвестиций — в 14,5 раз^[21]), Азии (были заключены неравноправные договоры с Японией и Китаем, Афганистаном; после восстания сипаев в 1857 — 1858 гг. под прямое управление британской короны перешла Индия), Египте (был установлен финансовый контроль над Суэцким каналом), Южную Африку. Объединение Германии открыло новый этап в истории международных отношений: начавшийся тогда период характеризовался растущей конкуренцией держав, переходом инициативой в европейской политике в руки Германии и началом ослабления Великобритании в экономике (доля в мировом производстве в последней трети XIX — начале XX столетий постоянно снижалась и составила в 1880 г. 22,9%, а в 1913 — 13,6%^[22]). Это ставило под угрозу возможности Лондона следовать своим имперским интересам и поддерживать свое положение арбитра в европейском балансе сил. В связи с этим в 1890-х активно продолжилась британская экспансия в Южной Африке, которая по-прежнему ассоциировалась с поддержанием имперских позиций и, следовательно, роли балансира. Целью британских политиков стали бурские республики, эскалация напряженности в отношениях с которыми

[19] Цитата по: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. — М.: Международные отношения, 2016. — С. 161.

[20] Цитата по: Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. — С. 163.

[21] Там же, с.169.

[22] Там же, с.177.

вылилась в уже упомянутую англо-бурскую войну. Таким образом, переход Великобритании к глобальной внешней политике соперничества с другими европейскими державами совпал с апогеем Британской колониальной империи, когда в ходе «драки за Африку» произошло крупнейшее расширение *Rax Britannica* за счёт территорий на Африканском континенте. Представляется, что рассмотренные выше тенденции и процессы позволяют говорить о стремлении Великобритании при любом изменении внешнеполитической конъюнктуры «сбалансировать» мировой порядок в свою пользу.

Таким образом, политику либерального империализма в классическом британском варианте можно определить как внешнюю политику, основанную на сочетании универсальных ценностей либерализма (при мессианской идее об их благотворном влиянии на зависимые территории) и прагматических имперских интересов.

ПРИЧИНЫ КРАХА БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Кризису империализма, и в частности британского, был посвящен ряд теоретических работ. Такие исследователи как А. Гобсон и Р. Кобден отмечали, что империализм экономически нерентабелен, вреден для демократического развития и морально предосудителен.

Затратная экспансия в Южной

Африке ограничила свободу рук Британии на других направлениях, в частности в борьбе за раздел Китая, что в сочетании с возрастающей тяжестью бремени соперничества одновременно с Германией, Россией и Францией подтолкнуло британские политические элиты к мысли о поиске союзников — шаг, абсолютно не типичный для мировой империи и первый «тревожный звонок» для *Rax Britannica*. В конечном итоге, Великобритания сделала выбор в пользу Франции (Сердечное согласие, 1904) и России (соглашения с Россией по Афганистану, Персии, Тибету, способствовавшие присоединению впоследствии России к Антанте). Вместе с тем, Великобритания не отказывалась от своего желания сохранить за собой «свободу рук» и роль арбитра в европейских делах, поэтому в отношениях с Германией также придерживалась курса на «разрядку». Неопределенность британской позиции сохранялась вплоть до начала Первой мировой войны, а главным мотивом вступления Великобритании в войну было осознание угрозы балансу сил в Европе, а в долгосрочной перспективе — имперским позициям Великобритании и всей системе *Rax Britannica*^[23]. Однако, после Первой мировой войны стало очевидно, что Венский порядок стал частью прошлого: с политической карты исчезло Австро-Венгерское государство и три из четырех вступивших в войну династий (австрийская, германская, российская) были свергнуты — устоял только британский королевский дом. Но мог ли он претендовать на роль гаранта миро-

[23] Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. – М.: Международные отношения, 2016. – С. 227.

вого порядка? Представляется верным дать отрицательный ответ. Во-первых, Первая мировая война как таковая может быть рассмотрена как свидетельство начавшегося распада Pax Britannica и упадка Британской империи в виду того, что, согласно теории гегемонистской стабильности, только гегемон может обеспечить стабильность и порядок в международных отношениях^[24]. Из этого следует, что отсутствие стабильности и порядка свидетельствует об упадке гегемона. Экономическое положение Великобритании после Первой мировой войны служит наглядной иллюстрацией начавшегося упадка, на фоне которого еще более ярко вырисовывается рост мощи США. Так, например, если в 1914 году Британия контролировала 71% торговых судов всего мира, то в 1918 году этот показатель составил всего 29% (для США это 8% и 56% соответственно^[25]). Расходы на войну и внешние заимствования привели к ослаблению фунта стерлинга: до войны 1 фунт стоил 4,86 долл. США, а в феврале 1920 1 фунт стоил уже 3,40 долл. США^[26].

Во-вторых, одним из последствий войны стала делегитимация империи как в колониях, так и в метрополии. С одной стороны, в ряде британских владений (например, в Ирландии, Индии) отмечалась радикализация антиколониального движения^[27]. Это вынудило Лондон пойти по пути уступок в вопросе расширения политических прав доминионов, и в 1920-х доминионы были признаны

равными по статусу с метрополией, а в 1931 году Вестминстерский статут снял последние ограничения с суверенитета доминионов, которые отныне выступали на правах равенства с Великобританией в рамках Британского Содружества Наций. В 1937 г. о создании суверенного и независимого государства объявила Ирландия. В дальнейшем связи Великобритании со своими доминионами только ослабевали. Заглядывая вперед, следует отметить, что позднее все попытки сохранить колониальные владения путём маневрирования или применения военной силы (например, в Кении) потерпели провал и после Второй мировой войны колониальная империя Британии окончательно распалась. С другой стороны, как отмечает Б. Кагарлицкий, одним из ключевых факторов конца империи стал кризис доверия населения непосредственно Британии: широкая общественность не видела смысла в столь дорогом содержании империи, особенно когда требовалось урегулировать обострившиеся после войны социально-экономические проблемы (больницы, школы, выплаты инвалидам и ветеранам). В ответ на этот общественный запрос британские политики (в частности, тогдашний премьер-министр Ллойд Джордж) сократили расходы на внешнюю и оборонную политику (руководствуясь так называемым «правилом 10 лет», по которому объем расходов должен

[24] Gilpin Robert. War and change in world politics. – Princeton University, 1981. – P. 10.

[25] Ibid, p. 273.

[26] Ibid, p. 274.

[27] Collett. N. The Butcher of Amritsar. General Reginald Dyer. – London: Hambledon Continuum, 2007. – P. 9.

определяться исходя из положения о том, что в последующие 10 лет Великобритания не будет вовлечена в крупномасштабную войну^[28]) — шаг, также абсолютно не свойственный для имперской внешнеполитической логики.

В-третьих, не последнюю роль играли либеральные установки британского общественного мнения — «совестливого и филантропического^[29]»: в глазах британцев империя была легитимна только как оплот мира, политического и экономического порядка и англосаксонской цивилизации. Поэтому как широкая общественность, так и элиты были склонны рассматривать внешнюю политику скорее с позиций ценностных, чем с позиций геополитических^[30]. На этом фоне мирный план американского президента В. Вильсона — «14 пунктов» — выглядел единственной адекватной программой дальнейшего развития международных отношений, а Соединенные Штаты органично выступали единственной силой, способной обеспечить жизнеспособность нового мирового порядка. После Первой мировой войны британская политическая элита рассматривала США как потенциального партнера в обеспечении европейской стабильности^[31]. После Второй мировой войны альянс с Соединенными Штатами,

равно как и последующий переход лидерства в международных отношениях на другую сторону Атлантики, рассматривался Британией как поддержка трансцендентных целей, для которых и существовала империя: капитализм утвердился в качестве оптимальной системы организации экономики, а идея свободы стала универсальной ценностью для всех демократических государств^[32].

По мнению В. Галина, причиной двух мировых войн была «агония европейской либеральной демократии образца XIX века^[33]». Действительно, если до Второй мировой войны Британская империя была необходима как важный элемент мировой системы, структурирующий её политически, экономически и идейно, то в новых условиях она просто напросто утратила эту роль. Таким образом, через призму трансформации мировой системы в 1914 — 1945, крах Британской империи выглядит вполне закономерным явлением — Pax Britannica был системой, основанной на доминировании Великобритании; с наступлением коллапса этого миропорядка Британская колониальная империя стала иррелевантной, а образовавшийся вакуум (сначала в международной экономике, а потом и в международной политике) заняли США.

[28] Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. — М.: Международные отношения, 2016. — С. 275.

[29] Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. — М.: Издательство «Европа», 2007. — 206.

[30] Там же, с. 197.

[31] Там же, с. 348.

[32] Кагарлицкий Б.Ю. От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — С. 650.

[33] Галин. В. Политэкономия войны. Заговор Европы. — М.: Алгоритм, 2007. — С. 329.

ГЕНЕЗИС ДОМИНИРОВАНИЯ США

Рассмотрим теперь подробнее переход лидерства в международных отношениях к США. Начать следует с того, что к концу XIX века США по важнейшим экономическим показателям уже вполне соответствовали статусу великой державы^[34]. Неудивительно, что именно в это время наблюдается всплеск интереса к проблемам экспансии как в доктринальном (например, эссе Дж. Фиске, работы Ф. Тернера, А. Мэхена, проповеди Дж. Стронга), так и в практическом поле (аннексия Гавайских островов, война с Испанией за колонии в Латинской Америке, проведение политики «открытых дверей» в отношении Китая). Вместе с тем, руководство США подчеркивало отличие своей экспансии от европейской: в Старом Свете она была направлена на создание колоний, тогда как в Новом свете она осуществлялась исключительно для распространения идеалов демократии^[35]. Во время Первой мировой войны США впервые в своей истории не только не дистанцировались от европейского конфликта, но и прямо в него вмешались, что развеяло все оставшиеся сомнения насчёт членства США в клубе «великих держав»^[36]. После победы в Первой мировой войне США под руководством В. Вильсона стремились к тому, чтобы сыграть главную роль в определении нового мирового порядка. Отчасти эта попытка была успешной: «14 пунктов» позволили В. Вильсону замахнуться на

роль морально-политического лидера мирового сообщества^[37]. Другая сторона медали состоит в том, что США пришлось пойти на существенные уступки европейским державам по всем базовым параметрам договора,^[38] что не позволяет говорить об переходе лидерства в международных отношениях на сторону США в этот момент. Вплоть до начала Второй мировой войны США придерживались традиционной политики изоляционизма, иными словами, степень активности Вашингтона на международной арене была ограничена только теми сюжетами, которые представляли для США непосредственный интерес (в основном это была экономическая экспансия в страны Латинской Америки и Азиатско-Тихоокеанский регион). Точку в американском изоляционизме поставили японцы, атаковав 7 декабря 1941 американскую базу на Тихом океане Пёрл-Харбор: США оказались вовлеченными во Вторую мировую войну. Примечательно, что по мере увеличения военных успехов и нарастающей очевидности благоприятного для союзников исхода войны менялось соотношение сил в «большой тройке»: уже к 1943 США далеко обошли Великобританию по численности вооруженных сил, и Вашингтон занял позицию «старшего брата» в отношении Лондона. Показательной в этом отношении была Тегеранская конференция 1943 года, когда президент США Ф. Рузвельт в полемике с премьер-

[34] Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. — М.: Международные отношения, 2012. — С. 78.

[35] Там же, с. 98.

[36] Там же, с. 136.

[37] Там же, с. 161.

[38] Там же, с. 155.

министром Великобритании У. Черчиллем по вопросу открытия второго фронта выступил на стороне И. Сталина, несмотря на то, что с точки зрения общей логики соперничества между Востоком и Западом, позиции Ф. Рузвельта и У. Черчилля должны были совпадать. Подобное поведение руководства США объясняется тем, что в то время оно было озабочено прежде всего не сдерживанием «советской угрозы», а тем, чтобы перехватить глобальную гегемонию у Великобритании. Кроме того, высадка в Нормандии окончательно изменяла военно-политическое соотношение сил на Западном фронте: в случае открытия второго фронта на Балканах решающую роль играли бы британцы (с их флотом и опытом проведения подобных операций), в то время как операция в Нормандии была возможна только при лидерстве США. По мнению Б. Кагарлицкого^[39], Тегеранская конференция оказалась историческим поражением Великобритании в отношениях с Соединенными Штатами, в фарватере которых руководители Туманного Альбиона отныне двигались при проведении своей внешней политики.

США вышли из войны ведущей мировой державой с точки зрения экономики (валовой национальный продукт составлял около 60% мирового, а на долю США приходилось около 2/3 мировой торговли), военного потенциала (лидерство по количеству военно-морских кораблей,

стратегической авиации и монополия на ядерное оружие), политики (успешное преодоление испытаний укрепило уверенность политических элит и широкой общественности в превосходстве американской модели)^[40]. Вместе с тем, ужасы войны и связанное с этим непокидающее чувство незащищенности привнесли в американскую внешнеполитическую стратегию глобальную концепцию обороны. Таким образом, сочетание новых огромных возможностей и новых потенциальных опасностей подводило Вашингтон к идее глобального лидерства США как необходимого средства поддержания международной стабильности и реализации национальных интересов.

США — НОВАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ?

Как считает Дж. Айкенберри, во внешней политике США имеют место одновременно и логика либерализма (создание Атлантического сообщества), и логика империализма (неоконсервативная стратегия установления монополии американского правления)^[41]. Несомненно, общая логика построения американского империализма укладывается в доктрину англо-американского глобального миропорядка и может рассматриваться как интеллектуальное ответвление

[39] Кагарлицкий Б.Ю. От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — С. 620.

[40] Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. — М.: Международные отношения, 2012. — С. 289.

[41] Ikkenberry, J. Liberalism And Empire: Logics Of Order In The American Unipolar Age // Review of International Studies — 2004. — Vol. 30 — P. 611.

британского империализма. Однако по ряду внешних признаков империализм США отличается от империализма Британии. Для начала, никогда в истории XX века (когда как раз и происходил слом Pax Britannica, с одной стороны, и становление США в качестве гегемона, с другой стороны) США не имели открытых территориальных притязаний. Также имперское могущество Великобритании зиждилось на экспорте капитала и массовой эмиграции, тогда как США, напротив, являются нетто-импортером капитала и заветной целью для иммигрантов. Кроме того, после окончания Второй мировой войны у руководства США появились такие рычаги влияния, о которых Британская империя не могла себе и помыслить. Во-первых, Бреттон-Вудское соглашение 1944 года юридически установило ведущую роль американского доллара (заметим, за британским фунтом, несмотря на финансовую мощь империи, подобная роль юридически никогда не была закреплена), превратив Федеральную резервную систему США в некоторого рода инструмент осуществления глобальной гегемонии в сфере экономики. Во-вторых, план Маршалла, вступивший в действие в 1947 году, с одной стороны, избавил Европу «от голода, нищеты, отчаяния и хаоса»^[42], а с другой стороны — стал благодатной почвой для зарождения и роста зависимости стран Европы от США. В-третьих, доминирование США

развивалось на фоне глобализации и сближения национальных экономик и политических курсов при ослаблении суверенитета национальных государств^[43]. К концу 1990-х Вашингтону удалось реализовать задачу, обозначенную в Стратегии национальной безопасности 1997 года: «поставить себя в центр международных торговых отношений через ВТО, АТЭС, трансатлантический рынок и НАФТА», что, по словам М. Олбрайт, дало возможность «формирования глобальной экономической системы, работающей на Америку»^[44]. Важно остановиться на следующем наблюдении. Биполярная система международных отношений имела одну важную сторону: Вашингтон становился гарантом безопасности коллективного Запада, что позволяло ему наращивать своё военное, экономическое, а позднее и политическое влияние. Таким образом, характерная для Pax Britannica колониальная форма организации периферии уступила место новой системе, при которой над независимыми государствами США осуществляют военно-политическую и экономическую гегемонию. Таковую систему Й. Галтунг характеризует как неоколониализм — структура, в которой центр воздействует на периферию через международные организации и институты^[45].

Отличительной особенностью американского империализма также является тот факт, что США (в

[42] из речи госсекретаря США Дж.К. Маршалла в Гарвардском университете 5 июня 1947 года

[43] Хардт М., Негри А. Империя // Пер. с англ. под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. — М.: Праксис, 2004. — С. 6.

[44] Цитата по: Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. — М.: Международные отношения, 2012. — С. 569.

[45] Galtung Johan. A Structural Theory of Imperialism // The Journal of Peace Research — 1972. — Vol. 8, No. 2 — P. 81.

отличие от Британии) не признают себя империей^[46], так как их собственный «миф о происхождении» основан на том, что Америка во имя свободы восстала против имперской власти Британии и империализма вообще. Однако, американское мировидение, главные черты которого — идея превосходства, притязание быть носителем универсальной идеи (свободы и равенства), стремление быть арбитром и американоцентризм^[47] — вполне соответствуют классическим претензиям империи на вселенский характер. Во внешней политике Вашингтон исходит из того, что США — воплощение

либерального государства и, следовательно, именно США будут решать, что считать, либеральным, а что считать нелиберальным^[48]. Таким образом, США неофициально берут на себя ответственность за распространение по всему земному шару благ капитализма и демократии (что воплощает мессианскую идею США), а также (начиная с доктрины Дж. Буша) борьбу с глобальным терроризмом.

Для ответа на вопрос, вынесенный в подзаголовок, попробуем для наглядности представить итоги нашего рассуждения в виде следующей таблицы:

[46] Freedland Jonathan. Rome AD & Rome DC? // The Guardian. — 2002. — 18 September. — P.2.

[47] Богатуров А.Д. Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике. — 2011. — №6. — С.80-97.

[48] Rhodes Edward. The Imperial Logic of Bush's Liberal Agenda // Survival. — Vol. 45, No. 1. — P. 131-154.

Таблица 1. Сравнение Британии и США через призму понятия империя

Линии сравнения	Британия	США
способ доминирования	■ классический колониализм ■ сферы влияния за счет экономического доминирования ■ стремление к легитимности в колониях	■ неоколониализм ■ сферы влияния за счет экономического доминирования, гарантий безопасности, международных организаций ■ стремление к легитимности в сферах влияния

Линии сравнения	Британия	США
идеология / самосознание	■ мессианская идея о благотворности британского влияния на колонизованные территории через распространение универсальных британских ценностей ■ идеализация империи	■ идея о мессианской роли США в деле распространения по всему миру универсальных идей капитализма и демократии ■ отказ признавать себя империей
логика поведения во внешней политике	■ роль «дирижёра» и балансира в мировом порядке ■ стремление к территориальной экспансии и экспансии влияния	■ стремление возложить на себя роль гаранта текущего мирового порядка ■ отсутствие территориальных претензий при мощной экспансии влияния

Источник: составлено автором.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на некоторые различия, и Британской империи, и Соединенным штатам присущи классические признаки империи — стремление к легитимизации власти/влияния, универсализм ценностей, балансирование мирового порядка в своих интересах.

Будущее **Pax Americana** в современном мировом порядке

В настоящий момент ряд специалистов в области международных отношений и мировой политики высказывает мнение о том, что в последние

годы появились признаки заката американского могущества, эрозии американского влияния. Во многом это связывается с непоследовательностью внешнеполитической линии в условиях существования двухпартийной системы (например, неспособность сыграть лидирующую роль в глобальной борьбе с пандемией COVID-2019 из-за позиции администрации Д. Трампа); провалом политики «экспорта демократии» (в частности, неспособность достичь подлинного постконфликтного урегулирования в Ираке и Афганистане) и неоднозначным отношением мирового сообщества к гуманитар-

ным интервенциям, возглавляемым США (например, бомбардировки Югославии и свержение режима М. Каддафи в Ливии). В то время как первые две тенденции говорят о том, что ценности американской модели либеральной демократии теряют свой универсальный характер, третья подтверждает непризнание мировым сообществом легитимности гегемонии США.

Во второй декаде XXI столетия в дискурс прочно входит проблема кризиса либерального мирового порядка. В этом контексте важной представляется опубликованная в 2019 г. статья Дж. Миршаймера «Обреченный на неудачу», в которой автор прослеживает становление либерального порядка под эгидой США с момента окончания Второй мировой войны и приходит к выводу о том, что с 2005 г. Рах Americana сталкивается с серьезными проблемами (например, неудачи США и союзников по НАТО в Ираке, Афганистане, Сирии, Ливии, Йемене, а также ухудшение отношений с Россией и Китаем на фоне углубляющегося недоверия в отношениях Д. Трампа и лидеров европейских стран)^[49]. Дж. Миршаймер убежден в том, что построение либерального международного порядка изначально не имело шансов на успех^[50].

Тем не менее, сложно спорить с тем, что современный мировой порядок построен вокруг возглавляемых США альянсов безопасности,

многосторонних экономических отношений, многосторонних институтов и общей приверженности стран либеральным ценностям — демократии и капиталистической экономике. Следовательно, современный мировой порядок все еще возможно охарактеризовать как Рах Americana.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рах Britannica — мировой порядок, окончательно сформировавшийся в начале XIX века и основанный на доминировании Британской колониальной империи, которая является идеал-типическим примером либеральной империи, так как при доминировании в различных формах

а. обладает главными характерными признаками империи: 1) представляет собой легитимную власть на всех подконтрольных территориях; 2) осуществляет экспорт ценностей при мессианской идее о благотворном влиянии универсальных британских ценностей на колонии; 3) Британия стремится поддерживать «баланс сил», сохраняя собственную роль арбитра и преследует свои интересы

б. ориентируется на идеи и ценности либерализма.

Крах Британской империи вызван совокупностью внешних и внутренних причин. Однако принципиально важное значение имеет тот факт, что после Первой мировой войны произошла смена

[49] Mearsheimer John. Bound to Fail. The Rise and Fall of the Liberal International Order // International Security. – 2019. – Vol. 43, No. 4. – PP. 32–42.

[50] Ibid, p.50.

миропорядка, а демонтаж Британской колониальной империи был органичной частью этого процесса, завершившегося с окончанием Второй мировой войны, когда лидерство не только в экономике, но и в политике окончательно перешло к США.

Хотя по некоторым признакам британский и американский империализм существенно отличаются друг от друга, *Rex Britannica* и *Rex Americana* сходны в том, что представляют собой особый миропорядок, построенные вокруг универсальной либеральной идеологии и основанный на доминировании в различных формах Британии и США соответственно.

В последние годы сменилась тональность научной дискуссии относительно роли США: ведется речь о кризисе либерализма и эрозии американского влияния, высказывается мнение о том, что *Rex Americana* обречен на неудачу. Тем не менее, современный мировой порядок все еще функционирует на основе возглавляемых США международных институтов и общей приверженности развитых стран либеральным ценностям. Следовательно, представляется возможным характеризовать США как либеральную империю (гегемонию).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатуров А.Д. Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике. — 2011. — №6. — С.80-97.
2. Галин. В. Политэкономика войны. Заговор Европы. — М.: Алгоритм, 2007. — 429 с.
3. Кагарлицкий Б.Ю. От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. — М.: Изд. дом Гос. ун-та - Высшей школы экономики, 2010. — 680 с.
4. Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учебник. — М.: Международные отношения, 2016. — 840 с.
5. Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. — М.: Московская школа политических исследований, 2007. — 319 с.
6. Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. В Верченко. — М.: Издательство АСТ, 2018. — 896 с.

7. Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А.Козлика, А. Платонова. — М.:Издательство «Европа», 2007. — 688 с.
8. Лурье В. От древнего Рима до России XX века: преемственность имперской традиции // Общественные науки и современность. — 1997. — No 4. — С. 123-133.
9. Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. — М.: Международные отношения, 2012. — 686 с.
10. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь // Отв. ред. А.О. Чубарьян. — М.: Аквилон, 2014. — 576 с.
11. Уколова В.И. Империя: исторический опыт Рима // Вестник МГИМО-университета. — М., 2008. — No 2. — С. 3-10.
12. Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии / Пер. с англ. К. Бандуровского. — М.: Астрель, 2013. — 560 с.
13. Фрумкин К.Г. Пространственная эстетика империй // Свободная мысль — XXI. — 2002. — No 9. — С. 72-78.
14. Хардт М., Негри А.. Империя / Пер. с англ. под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. — М.: Праксис, 2004. — 440 с.
15. Galtung Johan. A Structural Theory of Imperialism // The Journal of Peace Research — 1972. — Vol. 8, No. 2. — PP. 81-117.
16. Collett. N. The Butcher of Amritsar. General Reginald Dyer. — London: Hambledon Continuum, 2007. — 575 p.
17. Ikkenberry. J. Liberalism and empire: logics of order in the American unipolar age // Review of International Studies — 2004. — Vol. 30 — P. 609-630.
18. Freedland Jonathan. Rome AD & Rome DC? // The Guardian — 2002 —18 September.
19. Kennedy P. The rise and fall of the great powers. Economic change and military conflict from 1500 to 2000. — London, Unwin Hyman Limited. — 704 p.
20. Liberal imperialism in Europe / edited by Matthew P. Fitzpatrick. — New York, Palgrave Macmillan, 2012. — 290 p.

21. Morgenthau H. Politics among nations: the struggle for power and peace. – New York, 1948. – 516 p.

22. Rhodes Edward. The Imperial Logic of Bush's Liberal Agenda // Survival – Vol. 45, No. 1 – P. 131–154.

REFERENCES

1. Bogaturov A.D. Istoki amerikanskogo povedeniya [Origins of American Behaviour] // Rossia v globalinoy politike [Russia in Global Politics]. – 2011. – №6 – P. 80-97.

2. Collett. N. The Butcher of Amritsar. General Reginald Dyer. – London: Hambledon Continuum, 2007. – 575 p.

3. Fergyson N. Imperiya: chem sovremennyy mir obyazan Britanii [Empire: What the Modern World Owes Britain] // Translated from English by Bandurovsky K. – Moscow: Astrel, 2013. – 560 p.

4. Freedland Jonathan. Rome AD & Rome DC? // The Guardian – 2002 –18 September

5. Frumkin K.G. Prostranstvennaya estetika imperij [The Spatial Aesthetics of Empires] // Svobodnaya mysl [Free Thought]. – 2000. – No 9. – P. 72-78.

6. Galin. V. Politekonomiya vojny. Zagovor Evropy [Political Economy of War. European Plot]. – Moscow: Algoritm, 2007. – 429 p.

7. Galtung Johan. A Structural Theory of Imperialism// The Journal of Peace Research – 1972. –Vol. 8, No. 2. – PP. 81-117.

8. Hardt M., Negri A. Imperiya [Empire]/Translated from English by Kamenskaya G.V., Fetisov M.S., – Moscow: Praxis, 2004. – 440 p.

9. Ikkenberry. J. Liberalism And Empire: Logics Of Order In The American Unipolar Age // Review of International Studies – 2004. – Vol. 30 – P. 609–630.

10. Kagarlickij B.Y. Ot imperij – k imperializmu. Gosudarstvo i vzniknovenie burzhuaznoj civilizacii [From Empire to Imperialism. State and Emergence of Bourgeois Civilisation]. – Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki [High School of Economy], 2010. – 680 p.

11. Kapitonova N. K., Romanova E. V. Istoriya vneshnej politiki Velikobritanii [The History of British Foreign Policy]. / N. K. Kapitonova, E. V. Romanova. — Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya [International Relations], 2016. — 840 p.

12. Kasje S.I. Centry i ierarhii: prostranstvennye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma [Centres and Hierarchies: Spatial Metaphors of Power and Western Political Form]. — Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovanij [Moscow School of Political Studies], 2007. — 319 p.

13. Kennedy P. The Rise And Fall Of The Great Powers. Economic Change And Military Conflict From 1500 To 2000. — London, Unwin Hyman Limited. — 704 p.

14. Kissindzher G. Diplomatiya [Diplomacy] / Translated from English by Verchenko V. — Moscow: AST Publishers, 2018. — 896 p.

15. Liberal Imperialism In Europe / edited by Matthew P. Fitzpatrick. — New York, Palgrave Macmillan, 2012. — 290 p.

16. Liven D. Rossijskaya imperiya i eyo vragi s XVI veka do nashih dnei [The Russian Empire and its Enemies from the 16th Century to the Present Day] / Translated from English by Kozlik A., Platonov A. — Moscow: Evropa [Europe], 2007. — 688 p.

17. Lurie V. Ot drevnego Rima do Rossii XX veka: preemstvennost' imperskoj tradicii [From Ancient Rome to Russia in the 20th century: the Continuity of the Imperial Tradition] // Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. — 1997. — No 4. — PP. 123-133.

18. Morgenthau H. Politics Among Nations: The Struggle For Power And Peace. — New York, 1948. — 516 p.

19. Pechatnov V.O., Manykin A.S. Istoriya vneshnej politiki SSHA [The History of the US Foreign Policy]. — Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya [International Relations], 2012. — 686 p.

20. Rhodes Edward. The Imperial Logic of Bush's Liberal Agenda // Survival — Vol. 45, No. 1 — P. 131-154.

21. Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar [Theory and Methodology of Historical Science. Terminological Dictionary] / Ed. by A.O. Chubarian. — Moscow: Aquilon, 2014. — 576 p.

22. Ukolova V.I. Imperiya: istoricheskij opyt Rima [Empire: The historical experience of Rome] // Vestnik MGIMO-universiteta [Bulletin of MGIMO University]. — Moscow, 2008. — No 2. — P. 3–10.

Субъективные восприятия национальных интересов политическими лидерами как причина Крымской войны (1853 – 1856 гг.)

Багач Михаил, Белоусов Евгений, Саркисянц Артур
МГИМО

РЕЗЮМЕ

В данной работе анализируются причины Крымской войны 1853 – 1856 гг. через призму объективных национальных интересов и субъективных мотиваций правителей и ведущих государственных деятелей. Данный вопрос будет рассматриваться на основе позиций главных сторон конфликта — Российской Империи и Королевства Великобритании.

Посредством анализа позиции императора Николая I в преддверии Крымской войны авторы приходят к выводу, что основным мотивом для вступления в конфликт послужили объективные и субъективные факторы в их совокупности. С одной стороны, основными целями России выступают обеспечение безопасности и стабильности в Средней Азии и обеспечение контроля над проливами Босфор и Дарданеллы с помощью дружественного режима в Османской империи. При этом достижению этих целей помешало ошибочное субъективное восприятие Николая международной конъюнктуры того времени — надежда на поддержку Австрии и Пруссии и неверное суждение об успехе переговоров с Абердином.

В XIX веке Великобритания становилась все в большей степени вовлеченной в ближневосточные дела в форме торговых связей с Османской империей и политической поддержкой власти султана. Защиту Турции можно объяснить намерением ограничить экспансию Российской империи — соперника в регионе, который находился на перекрестке торговых путей и служил связующим звеном с Индией. Однако восприятие Ближнего Востока как жизненно важного региона для Великобритании, прежде всего, обусловлено воззрениями Генри Джона Палмерстона — министра иностранных дел, а затем премьер-министра Великобритании, который использовал политическое влияние, чтобы отстаивать значимость сохранности «больного человека Европы». Распри внутри британского кабинета непосредственно перед началом войны, а также непонимание британскими политиками намерений Николая I также привели к выбору жесткой стратегии в отношении Российской империи и, как следствие, вступлению Великобритании в войну.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Крымская война; национальные интересы; субъективное восприятие; внешняя политика; Российская империя; Великобритания

Для связи с авторами: mbagach64@gmail.com, evgeniybelousov1917@gmail.com, artur.sarkisyants@gmail.com.

Subjective Perceptions of National Interests by the Political Leaders As a Cause of the Crimean War (1853-1856)

Mikhail Bagach, Evgeniy Belousov, Artur Sarkisyants
MGIMO

ABSTRACT

This paper analyses the causes of the Crimean War of 1853-1856 through the prism of objective national interests and subjective motivations of rulers and leading statesmen. The issue will be examined on the basis of the positions of the main parties to the conflict – the Russian Empire and the Kingdom of Great Britain.

By analyzing the position of Emperor Nicholas I on the eve of the Crimean War, the authors come to the conclusion that the main motives for entering the conflict were objective and subjective factors in their combination. On the one hand, Russia's main objectives were to ensure security and stability in Central Asia and to secure control of the Bosphorus and Dardanelles straits through a friendly regime in the Ottoman Empire. However, the achievement of these aims was hampered by Nicholas's erroneous subjective perception of the international conjuncture of the time – the hope for Austrian and Prussian support and the misjudgment of the success of the negotiations

with Aberdeen.

In the nineteenth century Britain became increasingly involved in Middle Eastern affairs in the form of trade links with the Ottoman Empire and political support for the Sultan's rule. The defence of Turkey can be explained by the intention to limit the expansion of the Russian Empire, a rival in the region, which was at the crossroads of trade routes and served as a link to India. However, the perception of the Middle East as a vital region for Britain is primarily due to the views of Henry John Palmerston - Foreign Secretary and then British Prime Minister - who used political influence to argue for the importance of keeping the 'sick man of Europe' safe. Disagreements within the British cabinet just before the outbreak of war, as well as misunderstandings among British politicians about the intentions of Nicholas I, also led to the choice of a hardline strategy towards the Russian Empire and, as a consequence, Britain's entry into the war.

KEYWORDS

Crimean War; national interests; subjective perception; foreign policy; Russian empire; Great Britain

Contact the authors via mbagach64@gmail.com , evgeniybelousov1917@gmail.com , artur.sarkisyants@gmail.com.

ВВЕДЕНИЕ

Крымская война — это война, которая вопреки названию, приобрела глобальный масштаб: боевые действия разной степени интенсивности проходили на Балтике, в Северном море, на Тихом океане. Самим боевым действиям предшествовала активная дипломатическая деятельность, исходящая из национальных интересов и их восприятия политическими лидерами.

В данной работе авторы попытаются проанализировать через призму национальных интересов и субъективных представлений политических деятелей причины войны, в которой столкнулись Великобритания, Франция и Турция с одной стороны, и Россия - с другой.

Выбранная тема представляет интерес по нескольким причинам. Во-первых, Крымская война представляет собой пример эскалации частных противоречий в общеевропейский конфликт, который тем не менее сохранял характеристики ограниченной войны. Во-вторых, у России, как и в те времена, нет надежного союзника, чьи стратегические возможности помогли бы нашей стране преодолеть дипломатическую изоляцию и назревавший кризис.

Целью работы является определение того, была ли Крымская война спровоцирована столкновением объективных национальных интересов воюющих. Статья призвана продемонстрировать, что Крымская война была спровоцирована столкновением прежде всего субъективной

мотивацией российского императора Николая I и членов британского правительства, хотя их решения базировались на стремлении отстоять национальные интересы своих стран.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- определить, что такое “субъективные национальные интересы”;
- дать определение термину “субъективная мотивация”;
- проанализировать кейс Российской империи;
- рассмотреть кейс Великобритании.

Объектом исследования является Крымская война как исторический феномен. Предметом исследования являются причины Крымской войны, рассмотренные через призму национальных целей и их субъективного восприятия национальными лидерами.

В ходе работы мы будем опираться на обширную российскую и британскую историографию по выбранной теме. Со стороны России здесь стоит выделить монографии А.М. Зайончковского, Е.В. Тарле, О.Р. Айрапетова, Н. И. Кареева, а со стороны Великобритании - Кингсли Мартина и Роберта Уильяма Сетон-Уотсона. Помимо историографии в работе будут использованы статьи по Крымской войне, опубликованные в научных журналах. Поскольку мы используем метод абстрагирования, научные статьи помогут нам осветить те пункты, которые мы обозначали в целях и задачах нашего исследования.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
ИНСТРУМЕНТАРИЙ

В данной статье избран в некоторой степени нестандартный подход к осмыслению Крымской войны и дипломатической обстановки до нее. С одной стороны, логическим заключением было бы, что словосочетания «объективные национальные интересы» и «субъективные восприятия национальных интересов» — вполне базовые в контексте исторического исследования термины. С другой стороны, другим логическим заключением было бы следующее: в рамках изучаемого периода эти словосочетания — две стороны одной монеты, то есть две неотъемлемые составляющие целого.

Оба заключения не являются бесосновательными. Начнем со второго. Речь идет о середине XIX в., волны революций все еще играют в Европе, а основы и заветы Европейского концерта все больше теряют свою былую весомость^[1]. Тем не менее абсолютная монархия остается самым распространенным государственным строем. Одним из ключевых аспектов этого строя является единение воли монарха с национальными интересами государства — помазанник божий сам и определяет эти интересы. «L'État — c'est moi», заявляет в Парижском парламенте Людовик XIV на второй год своего

правления, сливая короля и государство воедино^[2]. Этот принцип в той или иной степени сохранял актуальность и олицетворял правление королей, царей и императоров вплоть до начала XX века. Он означает, что воля монарха и есть основной национальный интерес государства. Субъективный подход к правлению предопределяет объективные национальные интересы.

Таким образом, разработка теоретического инструментария для исследования Крымской войны и событий, ей предшествовавших, фокусируется преимущественно на двух терминах — «объективные национальные интересы» и «субъективные восприятия».

Объективные национальные интересы — интересы страны, исходящие из объективных законов в международных отношениях. Объективные законы (по версии реалистов) в международных отношениях неоспоримы, их нельзя поставить под сомнение, предложить им альтернативу. Так как эти законы объективны, ими руководствуются чтобы обеспечить безопасность своего государства, его существование и целостность. В основе объективных законов международных отношений лежит стремление всех государств к власти, к превосходству над другими^[3]. Это *raison d'État* — цель существования государства, термин, введенный Ришелье^[4], представляющий государ-

[1] Тарле Е.В. Крымская война / Е. В. Тарле. — Акад. наук СССР. - 2-е изд., испр. и доп. — М.: Ленинград М., 1950. — URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A2/tarle-evgenij-viktorovich/krimskaya-vojna>

[2] Душенко К.В. Государство — это я / К. В. Душенко // Цитата в пространстве культуры: Из истории цитат и крылатых слов: Сб. статей. — М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. — С. 135 — 139.

[3] Morgenthau Hans J. Politics Among Nations. Peking University Press, 2005. — pp. 5-6.

[4] Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — С. 50-52.

ство как единицу с живым стремлением добиться превосходства. Объективными эти интересы называются, в частности, потому что они являются закономерными в течение всей истории начиная с древних времен – даже ловушка Фукидида, называемая еще дилеммой безопасности, отражает реальную ситуацию и исход Крымской войны.

Стороны конфликта 1853 – 1856 гг. действовали исходя из исторической закономерности и объективных государственных нужд. Николай I старался обезопасить Российскую Империю посредством контроля Босфора и Дарданелл, британский истеблишмент видел в заявлениях Николая I о «больном человеке» тревожные сигналы о российских гегемонистских планах, и никакой многолетний раздор Великобритании и Франции не мог помешать формированию всеобщего европейского союза против жандарма всей Европы. Это вызвано, прежде всего, одной из ключевых целей британского истеблишмента – не допустить появления в Европе одной супердержавы. Это инстинктивное стремление государств к борьбе за жизнь, к постоянному переосмыслению статуса-кво в свою пользу, и является объективной исторической закономерностью.

С другой стороны, государь не обладает божественным провидением – он не может в полной мере оценить, какое именно решение должно

привести к осуществлению ключевых национальных интересов. Это заставляет его принимать решения, которые он считает необходимыми для безопасности и благосостояния страны. Решения, исходящие из личного восприятия правителем реалий на международной арене, являются субъективными. Данный аспект усложняется тем, что историк Н.И.Кареев назвал «психологией абсолютизма», то есть намеренным объединением интересов нации с интересами власти, интересами династии.^[5]

Хоть объективность и подразумевает аксиоматичность, но сами решения принимаются в конечном счете людьми, которые поддаются сомнениям, влиянию своего окружения, учитывают волю политических группировок и фракций. Финальное внешнеполитическое решение политического лидера в конечном счете упирается в его способность прочувствовать международную обстановку, а также сбалансировать совокупную волю всех сторон в политическом истеблишменте государства.

На пути принятия решения действовать тем или иным образом у государя есть ряд препятствий, связанных с восприятием ситуации. Именно эти препятствия в деталях исследованы в теории рационального актора, в организационной теории^[6], в бюрократической теории^[7] – это факторы, исходя из которых государь принимает хоть и рациональное

[5] Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка» // Н.И. Кареев. – Санкт-Петербург: типография М. М. Стасюлевича, 1908. – С. 97.

[6] Allison Graham T. Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. – Little, Brown and Company, Boston., 1971 – p. 67.

[7] Ibid – p. 144.

решение, но рациональное лишь в субъективном понимании самого государя. Именно теории среднего уровня во многих случаях позволили открыть завесу тайны над мотивациями, стоящими за теми или иными выборами правителей. Так, в частности, исходя из ошибочного восприятия Николаем I верности Австрии и Пруссии и приверженности Великобритании Меморандуму Нессельроде, монарх считал, что большая часть Европы стоит за ним и разделяет его убеждения о «больном человеке», или во всяком случае не имеет никакого выбора кроме как присоединиться к Российской Империи в ее целях. В конечном итоге это оказалось лишь не более чем когнитивной несогласованностью^[8]. Казавшаяся на тот момент невозможность союза Англии и Франции, немыслимая для Николая после уверений Абердина в «боязни» французской атаки, или колоссальный дипломатический просчет с отказом причислять Наполеона III в число «своих братьев», т.е. государей с божьим правом на правление — все это в итоге привело к дипломатической катастрофе перед началом Крымской войны, и является результатом непосредственно субъективного восприятия реального положения вещей на международной арене^[9].

Одним из ключевых принципов в рамках данного суждения является суждение о том, что государство — это

организм, где люди и организации на разных его уровнях исполняют те или иные функции^[10]. Теория рационального актора не отражает тот факт, что при принятии решений государь считается с мнениями своего окружения перед тем, как принять то или иное решение. Ведь у каждой стороны этого окружения есть свое собственное восприятие ситуации — это приводит к игре в перетягивание каната в рамках политического истеблишмента между сторонниками того или иного пути^[11].

Не случайно в данной работе основной упор в исследовании столкновения национальных интересов, как субъективных, так и объективных, делается на стороны совершенно противоположные по своей сущности — Российскую и Британскую Империи. С одной стороны, российский император Николай I — абсолютный монарх, чьи решения беспрекословно исполняются и который может лишь прислушиваться к мнению своих подчиненных. Если добавить к этому некоторое подобострастие советников, которое формировалось самим императором, что отражается его известной цитатой «мне нужны не умники, а верноподданные»^[12], то можно заметить, насколько сильно принятие решение зависело от восприятия Николаем I текущих событий. С другой стороны, Великобритания и её парламент, где решения принимаются

[8] Bougher L.D. Cognitive coherence in politics: unifying metaphor and narrative in civic cognition / L.D. Bougher // *Warring with Words: Narrative and Metaphor in Politics*. – Psychology Press, 2014. – URL: https://www.researchgate.net/publication/244520319_Cognitive_coherence_in_politics_Unifying_metaphor_and_narrative_in_civic_cognition

[9] Тарле Е.В. Крымская война / Е. В. Тарле. – Акад. наук СССР. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Ленинград М., 1950. – URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A2/tarle-evgenij-viktorovich/krimskaya-vojna>

[10] Гоббс Т. Левиафан / Т. Гоббс. – Москва: Мысль, 2001. – С. 8.

[11] Allison G.T. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. – Little, Brown and Company, Boston, 1971. – 277 p.

[12] Тарле Е.В. Крымская война. – URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A2/tarle-evgenij-viktorovich/krimskaya-vojna>

на основе консенсуса наиболее влиятельных политиков. Едва ли возможно представить себе, чтобы один человек мог напрямую диктовать условия другим. Однако дихотомия откровенной русофобии Палмерстона и сговорчивости и двуликости Абердина^[13] наглядно демонстрирует, что и в коллегиальном органе собственные интересы акторов могут оказать влияние на принятие ключевых политических решений. Эта противоположность сторон отлично отражает бюрократический и организационный аспекты политических процессов — то есть множественность интересов различных составных частей государства и ключевых лиц во власти или её отсутствие.

Не случайно в данной работе основной упор в исследовании столкновения национальных интересов, как субъективных, так и объективных, делается на стороны совершенно противоположные по своей сущности — Российскую и Британскую Империи. Это позволяет максимально точно показать все весомость того изначально дипломатического и экономического, а потом и военного столкновения в середине XIX века. Дихотомия откровенной русофобии Палмерстона и сговорчивости и двуликости Абердина^[14], а также британский парламентаризм того времени наглядно демонстрирует это перетягивание каната. С другой стороны — абсолютизм Николая I, некоторое подобострашие

его подчиненных, выражение Николая о том, что ему нужны «не умники, а верноподданные». Эта противоположность сторон, однако, отражает лишь бюрократический и организационный аспекты — то есть множественность интересов различных составных частей государства и ключевых лиц во власти или её отсутствие.

АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ И ПОВЕДЕНИЯ ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

В этой части мы рассмотрим объективные и субъективные причины Крымской войны 1853 – 1856 гг. с перспективы национальных интересов России и субъективных представлений российской элиты, принимавшей ключевые решение по вопросам международных отношений.

В XIX веке Османская империя пришла в упадок. Турцию именовали «больным человеком Европы» и ожидали ее распада. Однако Николай I не желал полной ликвидации Оттоманской империи как политического образования, зато слабая Турция, зависящая от Петербурга, могла бы обеспечить мечту российских императоров — контроль над Черноморскими проливами^[15]. Такой расклад, с одной стороны, обеспечивал сохранение прежнего количества

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 / А.М. Зайончковский. – Адъютант!, 2002. – URL: <http://adjutant.ru/crimea/zai00.htm>

акторов на международной арене, однако изменял баланс сил. Николай I не имел существенных территориальных претензий к Османской империи, но был готов выстроить вертикаль отношений, в которой османы находились в подчиненном положении. Чтобы выстроить такую вертикаль, необходимо было продемонстрировать, что Россия готова вмешиваться в дела Турции с целью удержать страну от распада.

Против центральной власти в Османской империи активно выступал Египетский паша Мехмед-Али, которому удалось провести в своей «вотчине» ряд важных образований в военной и экономической сферах. Амбиции паши не знали границ, шаг за шагом он добивался своих целей и распространял свое личное влияние в Африке, бросая вызов Турции. Также он потребовал от султана Сирию, и силой занял ее в 1831 году^[16]. Успехи египетского паши привели султана в ужас, чем воспользовались Лондон и Париж, которые стремились ограничить влияние России в Турции. В свою очередь, Петербург тоже стоял перед двумя вариантами действий: оказать помощь Турции, чтобы не допустить управления османами со стороны европейцев; вмешаться вместе с другими европейскими державами, не обостряя отношения с последними^[17]. В итоге, было принято решение начать прямую интервенцию в дела Турции, чтобы заставить египетского пашу остановиться, и чтобы не допустить аналогичного решения «Восточного вопроса»

со стороны держав-конкурентов.

Таким образом, Николай I «загонял» Турцию в большую зависимость от России, поскольку создавалась иллюзия, что даже решение внутренних вопросов Турции немыслимо без посредничества Российской империи. В 1833 году был заключен Ункяр-Искелесийский договор, который фактически закрепил эту зависимость от России: Турция могла запрашивать военные силы у Российской империи, если того потребуют обстоятельства, а Россия «обязывалась» их предоставлять^[18]. Не обошлось и без типичного для дипломатии XIX века элемента — секретной статьи, которая подразумевала закрытие проливов для военных судов иностранных держав в пользу России в обмен на помощь с ее стороны^[19]. Таким образом, временный контроль над проливами был обеспечен «чужими руками». Это был, без сомнений, успех российской дипломатии, поскольку решался вопрос национальной безопасности в Черноморском регионе.

Однако такой демарш России вызвал жесткую реакцию со стороны Франции и Англии — последняя даже попыталась развязать войну, однако ей не удалось найти надежных союзников. Австрия и Пруссия встретили заключение договора либо нейтрально, либо сочувственно. Неудивительно, поскольку эти две страны Центральной Европы являлись членами (наряду с Российской империей) Священного союза. Более того, между представителями стран

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] Там же.

поддерживались постоянны контакты. В частности, между Россией и Австрией проводились консультации, итогами которых можно считать договоренности (Мюнхенгретцкая конвенция 1833 года) относительно Османской империи, согласно которым Россия и Австрия фактически подтверждали действие Ункяр-Искелесийский договора, а также установили, что в случае ликвидации Турции как единого политического образования будет создан новый порядок в регионе^[20]. В частности, не должно быть образовано государство, представляющее угрозу для России или для Австрии.

Борьба за влияние в Турции, планомерно проигрывалась Россией, которая не могла избежать следующей закономерности: в мирное время Турция не обращалась к услугам России, а в состоянии войны Турция была не всегда. Более того, англичане использовали любые предлоги для замены пророссийских государственных деятелей в Турции на пробританских, что также снижало наше влияние в Ближневосточной Порте. Например, в 1837 году у руля власти оказался «западник» Решид-паша^[21]. Сюда стоит добавить тот факт, что новоиспеченные деятели были нацелены на реформы, которые могли укрепить Турцию и ее могущество. В 1839 году новым султаном стал Абдул-Меджид, который находился под влиянием Великобритании^[22]. Таким образом, влияние России сошло на нет.

Помимо Черноморского региона для России важно было обеспечить безопасность на Кавказе и в Средней Азии. В этих регионах наблюдалось прямое столкновение интересов России и Великобритании. Если рассматривать Кавказ, то здесь Великобритания оказывала поддержку горцам, воевавшим против России: английские корабли напрямую, либо с помощью Турции контрабандой поставляли повстанцам соль, порох, оружие. Доходило до провокаций, целью которых являлось начало войны. Например, в 1836 году произошел инцидент с британской шхуной «Виксен», которая была перехвачена русскими как раз в момент разгрузки. Отправкой шхуны занимался секретарь британского посольства в Константинополе Дэвид Уркварт. К счастью, провокация не удалась, Россия не была втянута в войну, поскольку Великобритания вновь не смогла найти себе надежного союзника — в этот момент ее отношения с Францией были испорчены из-за противоречий в Северной Африке, Турции, Испании^[23]. Однако на примере поддержки горцев Кавказа мы видим, что для Англии было критически важно подорвать влияние России^[24].

Напряжение между Россией и Великобританией наблюдалось в Персии, Афганистане и Средней Азии. Если на Кавказе можно было предположить, что Британия пытается отвлечь Россию от Турции и ослабить

[20] Там же.

[21] Там же.

[22] Там же.

[23] Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914) // М.: Издательство «Европа», 2006. – С. 151.

[24] Медведева О.Э. Причины создания антироссийской коалиции в Крымской войне (1853 - 1856 гг.) в современной историографии // Вестник науки и образования. – 2017. – №12 (36). – С. 35-37. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny->

ее с помощью горцев, то в этом регионе британцы защищали уже свои колониальные интересы. Без колоний могущество англичан было немыслимо. Проблема заключалась в том, что Россия пыталась укрепить свое влияние в Средней и Центральной Азии, а Великобритания расценивала это как покушение на Индию.

Для России было важно, чтобы у ее границ на юге существовало пророссийское государство, которое бы не создавало проблем, и которое бы сопротивлялось влиянию Британии. Однако любая минимальная военно-политическая активность русских пугала Лондон. Например, когда созданная при поддержке Российской империи коалиция из Персии, Афганистана и Кандагара осадила г. Герат, британцы собрали войска в Британской Индии, а российскому МИД была направлена нота^[25]. Вскоре Великобритания развязала войну в Афганистане, который подчинился ее влиянию.

Демарш Британии не заставил долго ждать ответного хода от Петербурга, который предпринял поход против Хивы, чтобы: а) продемонстрировать силу; б) ликвидировать угрозу грабительских, бандитских набегов на русских торговцев, мирных граждан и караваны, которые заканчивались угоном выживших в рабство и экономическим ущербом для империи. Несмотря на то, что поход оказался

неудачным из-за погодных условий и эпидемий, англичане стали оказывать давление на Хиву, чтобы решить причину недовольства Петербурга: русские рабы были отпущены на свободу, а работорговля была запрещена под страхом смерти^[26]. Естественно, такая реакция была связана не с переживанием о русских людях: англичане опасались, что следующая экспедиция окажется удачной — это, несомненно, усилит позиции России в Средней Азии, что было недопустимо. Однако эта «большая игра» России и Великобритании не приводила к серьезному и неразрешимому ухудшению в отношениях между ними.

Что касается субъективных представлений Николая I и российской элиты, то тут сразу же хочется отметить, что для лидера огромной страны, где власть монарха ничем не ограничена, личные взгляды и решения Николая I, возлагали на него немало ответственности за все промахи и неудачи. Целью Российского императора на внешнеполитическом поприще было стремление «сделать Россию сильной, самостоятельной и добродеющей»^[27].

Император был человеком консервативным и религиозным. В связи с этим он питал намного больше симпатий к Пруссии и Австрии, которые для своего времени тоже были весьма консервативными режимами. В то же время союзники России нередко

sozdaniya-antirossiyskoy-koalitsii-v-krymskoy-voyne-1853-1856-gg-v-sovremennoy-istoriografii

[25] Васильев Д.В., Васильев С.Д. Британо-российское противостояние на Среднем Востоке как реакция на попытку геостратегического укрепления России в регионе в 1830-х гг. / Д.В. Васильев, С.В. Васильев // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2017. – №3. – С. 149.

[26] Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914) // М.: Издательство «Европа», 2006. – С. 160.

[27] Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 // Адъютант!. URL: <http://adjutant.ru/crimea/zai00.htm>. [дата обращения 19.03.2022].

думали, что находятся в подчиненном положении по отношению к Российской империи, которая якобы использует их для достижения собственных политических целей. В итоге, со временем Австрия стала косвенно поддерживать внешнеполитический курс Англии, однако Николай I был убежден в поддержке Австрией России, учитывая, что не так давно в 1848 году он помог Францу-Иосифу подавить венгерское восстание.

Вместе с тем, Николай I считал, что с Великобританией можно иметь дело, например, возродить Шомонский союз 1814 года^[28], который позволил бы объединить все консервативные государства Европы. Таким образом, можно было избежать большого европейского конфликта. Стоит отметить, что на отношение Николая I к Англии повлияла деятельность лорда Дюргема — посла Британии в Петербурге, который отличался своими теплыми чувствами в отношении России^[29]. У Николая I возникла иллюзия, что союз Англии и Франции, который представлялся весьма опасным, можно было разрушить, играя на противоречиях между странами, однако активных действий против Британии не последовало. Напротив, император прислушивался к мнению министра иностранных дел К. В. Нессельроде и посла в Великобритании Ф. И. Брунова, которые ратовали за не-

которые уступки в отношении Англии. Например, в 1840 истек срок действия Ункяр-Искелесийского договора, была заключена Лондонская конвенция, согласно которой Россия потеряла свои преимущества и в контроле над проливами «руками» Турции, и свой «исключительный протекторат»^[30]. Несмотря на очевидное дипломатическое поражение, министр иностранных дел К. В. Нессельроде заверял Николая I, что Россия ничего не потеряла, а Ф. И. Брунов поддерживал ложную иллюзию, что англичане ничего не имеют против России. Более того, накануне войны К. В. Нессельроде считал, что Великобритания сможет подействовать России в урегулировании кризисных ситуаций^[31]. Таким образом, из-за восприятия главного потенциального врага как относительно дружественной державы в дальнейшем Россия действовала без оглядки на этот важнейший фактор, что стало одной из причин начала Крымской войны.

Религиозность Николая I проявилась в споре о святых местах, который, был очень важен для российского императора. С одной стороны, покровительство православному населению являлось элементом «мягкой силы», которая увеличивала влияние России, чего Порты не желала^[32]. С другой стороны, позиция Николая I отражала его личные

[28] Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 // Адъютант!. URL: <http://adjutant.ru/crimea/zai00.htm>. [дата обращения 19.03.2022].

[29] Там же.

[30] Там же.

[31] Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 // Адъютант!. URL: <http://adjutant.ru/crimea/zai00.htm>. [дата обращения 19.03.2022].

[32] Там же.

качества и субъективное восприятие данной ситуации как неразрешимого антагонизма. Как итог, любая уступка туркам рассматривалась Николаем I как слабость. Именно поэтому даже попытка урегулировать религиозный спор в Вене провалилась, поскольку Порты попыталась внести изменения в итоговый документ^[33]. В то же время Великобритания, на наш взгляд, использовала свой традиционный подход во внешней политике — не допускать появления в Европе мощной державы. В то же время Великобритания была готова сохранить отношения с Россией, если та отказалась бы от требований вмешиваться в любые религиозные дела Османской империи^[34].

Итак, с Российской перспективы мы можем сказать, что причины Крымской войны лежали весьма в амбивалентной плоскости объективных национальных интересов и субъективных представлений. Для России было важно обеспечить собственную безопасность в Черноморском регионе, что шло вразрез с интересами Британии, для которой подрыв влияния России был необходим. Борьба за влияние в Турции из-за Черноморских проливов практиковалась с применением дипломатии и демонстрации военной силы. Нельзя сбрасывать со счетов и борьбу России и Англии в Средней Азии. Субъективные представления Николая I и российской элиты о возможности разбить

политическую комбинацию Франции и Великобритании, о готовности последней поддерживать с нашей страной нормальные конструктивные отношения, о безграничной преданности Австрии и Пруссии российскому внешнеполитическому курсу косвенно привели к недооценке противника, к принятию ошибочных действий, которые постепенно толкали европейские державы в пучину большой войны.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВОЗЗРЕНИЙ ВЕДУЩИХ БРИТАНСКИХ ПОЛИТИКОВ

Экономическое и политическое присутствие Великобритании на Ближнем Востоке было достаточно продолжительным. Первые контакты между английским правительством и Османской империей произошли в XVI веке, а в 1581 г. было заключено торговое соглашение, согласно которому для английских купцов были установлены таможенные пошлины в размере 3%^[35]. С 1592 г. за все торговые операции в восточном Средиземноморье отвечала специально созданная Левантийская торговая компания^[36]. Объемы торговли были неравномерными: за вторую половину XVII века они выросли в три-четыре раза, но в начале XIX британ-

[33] Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914) // М.: Издательство «Европа», 2006. – С. 187.

[34] Correspondence respecting the rights and privileges of the Latin and Greek churches in Turkey. [Electronic Text] – London Harrison, 1854. – URL: <https://archive.org/details/correspondencere00lond/page/178/mode/2up>. [дата обращения 19.03.2022].

[35] Zeytinli E. The British Mercantile Interest in the Ottoman Trade Market: A Historical Analysis of the Levant Company / Zeytinli E. – Proceedings of the Symposium on Business and Economic History, 2015. – P. 4.

[36] Epstein M. The early history of the Levant Company / Epstein M. George. – Routledge & Sons Limited, 1981. – P. 26.

цы торговали менее активно, во-многом из-за последствий Наполеоновских войн и низкой эффективности Левантийской торговой компании, которая была распущена в 1825 году^[37]. Однако, в второй четверти XIX века торговля начала снова процветать, и Британия была заинтересована в создании наиболее благоприятного режима торговли в Турции, чего удалось достичь в 1838 году путем заключения Балта-Лиманского договора.^[38] Заключение этого договора юридически закрепляло британский интерес в турецком рынке, что предполагало и заинтересованность в сохранении целостности Османской империи.

Несмотря на устойчивый рост объемов торговли между Великобританией и Турцией в XIX веке, турецкий рынок не был ключевым. Основным взор британцев тогда был обращен на Индию, где свой контроль укрепляла Британская Ост-Индская компания. Однако связь между колонией и метрополией была очень уязвимой: идти в обход Африки было очень долго. Вторжение Наполеона в Египет в 1798 г. и активное взаимодействие французов с враждебными Ост-Индской компании индийскими государствами укрепило страхи британцев об уязвимости индийских владений, что подняло актуальность поиска более коротких путей^[39]. Такими были или тот же

Египет, или традиционный торговый путь через Сирию и Месопотамию. Чтобы обеспечить полный контроль над каким-либо путем, было необходимо взаимодействовать с Османской империей: в 1830-х гг. она непосредственно контролировала территорию Ирака, а Сирия и Египет находились во власти Мухаммеда-Али, формально турецкого вассала. Сюзерен и вассал, как уже было отмечено ранее, находились в сложных отношениях. Согласно положениям Кутахийского мира, Мухаммед-Али получил в наследственное владение Египет и пожизненное – Сирию, но на этом он не собирался останавливаться на достигнутом^[40]. Почему Великобритания не сделала ставку на Мухаммеда-Али, который мог обеспечить строгий контроль над обоими путями в Индию? Во-первых, египетский паша уже долгое время находился под французским влиянием. Французы поддерживали честолюбивые стремления Мухаммеда-Али, предоставляли инструкторов для обучения египетской армии^[41]. Возможности британского кабинета по оказанию влияния на египетского пашу были бы ограничены. Во-вторых, Мухаммед-Али изначально делал ставку на протекционистские меры как основу своей экономической политики^[42]. Высокие таможенные тарифы делали бы торговлю с Египтом невыгодной, в отличие от либерального

[37] Zeytinli E. The British Mercantile Interest in the Ottoman Trade Market: A Historical Analysis of the Levant Company / Zeytinli E. – Proceedings of the Symposium on Business and Economic History, 2015. – P. 14.

[38] Convention of Commerce and Navigation (The Convention of Balta Liman) signed in 1838 // Parliamentary Papers. – 1838. – PP. 289-295.

[39] Пирс Б. Упадок и разрушение Британской империи 1781-1997 / пер. Жуковой М. В. – АСТ, 2010. – С. 21.

[40] Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 // Адъютант!. URL: <http://adjutant.ru/crimea/zai00.htm>. [дата обращения 19.03.2022].

[41] Там же.

[42] Cleveland W.L. A History of the Modern Middle East / W.L. Cleveland. – Westview Press, 2009/ – P. 65-66.

торгового режима в Османской империи.

При этом, у британских политиков имелся другой объективный фактор оказать помощь Порте. После заключения Адрианопольского мира, значительное влияние на турецкую политику приобрела Российская империя — государство, которое рассматривалось в Великобритании как основная угроза её колониальной империи. Заключение Ункяр-Искелесийского договора между Российской и Османской империями 26 июня 1833 г. было воспринято британским правительством очень негативно. Требование о закрытии Проливов для прохода любых военных судов третьих стран как во время мира, так и во время войны^[43], которое содержалось в тайных статьях договора, теоретически обеспечивало свободный выход русского флота в Средиземноморье в случае войны с Британией, что делало её коммуникации очень уязвимыми. В течение последующих семи лет, британцы прилагали все возможные усилия, чтобы лишить Россию данного преимущества. В 1839 году, когда между Турцией и Египтом снова разразилась война, британцы оказали военную помощь новому молодому султану Абдул-Меджиду I, чем расположили к себе Порту^[44]. Великобритании удалось добиться успеха и на дипло-

матическом поприще. В 1840 году лорд Палмерстон, министр иностранных дел Великобритании, предложил заключить международное соглашение между великими державами, которое бы гарантировало безопасность Османской империи^[45]. Российская империя никак не могла пойти на такой шаг, поскольку это создавало бы условия для вмешательства во внутренние дела Турции других государств, что противоречило идее российской политики 1830-х годов^[46]. Поэтому граф Нессельроде выступил с предложением, что Россия готова специально поручиться за исполнение соглашения между Портой и Египтом, но при условии, что Франция и Англия откажутся от идеи общей гарантии целостности Оттоманской империи и провозгласят закрытие Дарданелл и Босфора для военных судов как во время мира, так и во время войны^[47]. 15 июля 1840 г. Российской империей, Великобританией, Австрией и Пруссией была заключена конвенция, которая закрепляла традиционное право Османской империи запрещать проход военных судов^[48]. Через год была заключена Лондонская конвенция, которая уточняла правила прохода кораблей через Проливы, и в ней проход военных судов запрещался только в мирное время^[49]. Таким образом, Британии удалось ликвидировать угрозу

[43] Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые / Т. Юзефович. — СПб.: Тип. О.И. Бакста, 1869. — С. 89-92.

[44] Setton-Watson R.W. Britain in Europe. 1789-1914 / Setton-Watson R.W. - Cambridge University Press, 1945. — P. 216.

[45] Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 // Адъютант!. URL: <http://adjutant.ru/crimea/zai00.htm>. [дата обращения 19.03.2022].

[46] Там же.

[47] Там же.

[48] Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией и иностранными державами. В 15 т. Т. 12. / Ф.Ф. Мартенс. — СПб: типография Министерства путей сообщения, 1898. — С. 134.

[49] Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией и иностранными державами. В 15 т. Т. 12. / Ф.Ф. Мартенс. — СПб: типография Министерства путей сообщения, 1898. — С. 158.

средиземноморским коммуникациями со стороны Российской империи.

Помимо обеспечения благоприятного режима Проливов, в приверженности Великобритании сохранению целостности Порты имелись и другие мотивы. Во-многом, идею о том, что ставку стоит сделать именно на Турцию, защищал Генри Джон Темпл, 3-й виконт Палмерстон. К 1830 году, когда он был назначен на должность министра иностранных дел, он уже имел громадный политический опыт в качестве военного министра^[50]. Уже тогда он демонстрировал свои воззрения в отношении расширения России в сторону Турции: после окончания русско-турецкой войны 1828 – 1829 годов, он заявил, что Британии было необходимо вмешаться в конфликт, что могло помочь Турции одержать победу^[51]. В 1830-х гг. у Палмерстона укрепилось две идеи: что расширение России угрожает британским интересам, и что Турция способна реформироваться. В 1839 году, в разгар турецко-египетской войны, он заявил, что оспаривает утверждение о том, что в Порте наблюдаются какие-либо признаки упадка^[52]. В 1851 году Палмерстон ушел в отставку с должности министра иностранных дел после скандала, разразившегося вокруг переворота Луи-Наполеона во Франции, и, хотя он вернулся в британское правительство

уже в следующем году, в составе кабинета Абердина он получил должность министра внутренних дел^[53]. Хотя он не мог оказывать непосредственного влияния на внешнюю политику страны, он использовал свой громадный авторитет, чтобы провалить нужные решения.

Возможность для этого предоставляла сама композиция британского коалиционного правительства, сформированного с трудом после политического кризиса 1851 года. Правительство возглавил лорд Абердин, который был известен своей скромностью, доверчивостью и отсутствием воли^[54], и в тяжелые времена он не был в состоянии обеспечить единство кабинета. Раздор в британском правительстве проявился уже в самом начале дипломатического кризиса вокруг Порты. Абердин при поддержке нового министра иностранных дел Кларендона и военно-морского министра Грейама поддержали решение адмирала Дандаса, который отказался выдвигать британский флот с Мальты в поддержку французского флота, когда в Стамбул с специальной миссией прибыл князь Меншиков^[55]. Палмерстон и бывший министр иностранных дел Рассел, хотя и поддержали других членов кабинета, выступали за более активное противодействие российской политике. Раскол в взглядах отлично

[50] Жолудов М.В. Русофобия в политической деятельности лорда Пальмерстона / М.В. Жолудов // Вестник Нижегородского государственного университета. – 2017. – №2. – С. 100-107. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rusofobiya-v-politicheskoy-deyatelnosti-lorda-palmerstona>

[51] Temple H.J. Opinions and Policy of the Right Honourable Viscount Palmerston, as Minister, Diplomatist, and Statesman, during More Than Forty Years of Public Life / Temple H. J. – Adamant Media Corporation, 2002. – P. 131

[52] Bulwer H.L. The life of Henry John Temple, Viscount Palmerston. Vol. 2. / H.L. Bulwer – J.B. Lippincott, 1871. – PP. 261-262.

[53] Martin K. The Triumph of Lord Palmerston. A study of political opinion in England before the Crimean War / Martin K. – Hutchinson & Co LTD, 1963. – P. 63.

[54] Ibid. – P. 77.

[55] Ibid. – P. 102.

демонстрирует компромиссная сущность принимаемых решений: Абердин выступил против предоставления лорду Стрэтфорд-Каннингу, послу Великобритании в Османской империи, права вызвать на помощь британский флот, но, когда русские войска вошли в княжества Молдавию и Валахию, британский флот немедленно выдвинулся к Дарданеллам, однако без официальных документов о предоставлении Порте гарантий^[56]. Великобритания тем временем все еще стремилась разрешить конфликт миром, на что указывает её участие в разработке Венской ноты, которая, по сути, сохраняла основные требования Российской империи, выдвинутые князем Меншиковым^[57]. Отказ Порты принимать ноту без поправок, казалось, делал мир невозможным. Объявление Турцией войны и начало боевых действий только сильнее ограничивали способность Абердина лавировать между сторонниками мира и войны. Наконец, разгром 30 ноября 1853 года турецкого флота под Синопом и демарш Палмерстона, который в декабре того же года ушел в отставку, но скоро вернулся, вынудил британское правительство занять четкую позицию в отношении Российской империи и пойти на союз с Наполеоном III^[58].

Шансы на мирное урегулирование снижало также полное непонимание

британскими политиками намерений Николая I. В 1844 г. российский император нанес визит в Великобританию. Поездка императора происходила на фоне обострения англо-французского противостояния, которое он хотел использовать в свою пользу. В результате переговоров между Николаем I, Нессельроде и послом Российской империи в Лондоне бароном Брунновым с одной стороны, и ведущими британскими политиками, включая лорда Абердина, с другой, Россия и Британия пришли к следующим выводам в отношении Османской империи: стороны стремились обеспечить существование Порты до тех пор, пока это будет возможно; в случае распада, стороны согласуют новый порядок на ее территориях, который не будет угрожать их интересам^[59]. Николай I считал свою задачу по привлечению Великобритании на свою сторону выполненной, хотя ни один из принятых по итогам переговоров документов не имел обязательного характера и не мог гарантировать России британскую поддержку^[60]. Даже принимая во внимание, что лорд Абердин был убежден, что Николай I не преследует цели уничтожить Османскую империю, и в 1852 г. он заявил Брюннову, что не симпатизирует Наполеону III и его действиям в отношении религиоз-

[56] Ibid. – P. 105

[57] Schmit B.E. The diplomatic preliminaries of the Crimean War / B.E. Schmit // The American Historical Review. – 1919. – Vol. 25, No. 1. – P. 42.

[58] Martin K. The Triumph of Lord Palmerston. A study of political opinion in England before the Crimean War / Martin K. – Hutchinson & Co LTD, 1963. – P. 161.

[59] Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 // Адъютант!. URL: <http://adjutant.ru/crimea/zai00.htm>. [дата обращения 19.03.2022].

[60] Puryear V.J. New Light on the Origins of the Crimean War / V.J. Puryear // The Journal of Modern History. – 1931. – Vol. 3, No. 2. – P. 225.

ного спора^[61], обсуждаемые вопросы вызывали опасение у британских политиков о целях Российской империи. На момент начала 1853 года, в британском кабинете не были уверены, желает ли Россия распада Порты. Ситуация изменилась в феврале, когда Николай I провел беседу с Джорджем Хэмилтоном Сеймуром, послом Великобритании в Петербурге, в ходе которой император представил свое видение относительно раздела Турции: Великобритания должна была получить Крит и Египет, а Россия получить доминирующую роль на Балканах. Это предложение привело к изменению восприятия намерений Николая I. Если в январе 1853 г. Джон Рассел полагал, что Османская империя находится в опасном положении, и основную опасность представляют её же действия, то уже в марте он писал Кларендону, что «император России явно настроен на уничтожение Турции, и ему необходимо дать отпор»^[62]. После этого лорду Абердину было все тяжелее убедить членов кабинета в отсутствии амбиций у российского императора, что внесло вклад в решимость Британии защитить Османскую империю, когда разразились боевые действия^[63].

Подводя итог, Великобритания имела объективные интересы на Ближнем Востоке и в защите Османской империи. Торговому присутствию Британии в регионе насчитывалось несколько веков, а в XIX веке оно приобрело особое значение в связи с необходимостью укрепить связь с ключевой колонией —

Индией. Колониальное противостояние с Российской империей также требовало усиления позиций, в связи с чем британцы оказывали активную поддержку Османской империи. Однако стратегически значимыми назвать эти интересы очень сложно. Восприятие их как таковыми внутри британской политической системы, прежде всего, обусловлено субъективной мотивацией лорда Палмерстона, который использовал свое политическое влияние, чтобы продвигать идею сохранности целостности Порты и защиты против русской экспансии. На его способность отстаивать свои взгляды повлияли и разногласия между министрами в кабинете лорда Абердина. Решение о вступлении в войну на стороне Османской империи также можно объяснить непониманием целей Российской империи в отношении Турции, поскольку переговоры Николая I с Британией в 1844 и 1853 гг. укрепили страх того, что он намерен уничтожить Османскую империю, тем самым поставив под угрозу британские интересы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ответ на исследовательский вопрос был достигнут благодаря использованию эффективного теоретического инструментария и методов. Авторы пришли к выводу, что в основе противостояния Российской империи и Великобритании в Крымской

[61] Ibid. – P. 229.

[62] Maxwell H. The life and letters of George William Frederick, fourth earl of Clarendon, K.G., G.C.B. / Maxwell H. – University of California Libraries, 1913. – P. 39.

[63] Schmit B.E. The diplomatic preliminaries of the Crimean War / B.E. Schmit // The American Historical Review. – 1919. – Vol. 25, No. 1. – P. 59.

войне находились субъективные восприятия собственных национальных целей. Важно отметить, что Россия и Британия не находились в состоянии строгого, неразрешимого антагонизма, хотя спорная ситуация затрагивала их национальные интересы. Однако именно то, как Николай I и лорд Палмерстон воспринимали степень важности защищаемых интересов, привело к тому, что противоречия между сторонами не удалось разрешить мирным путем. Поведение ответственных лиц диктовалось их личными представлениями, информацией, получаемой от других ответственных лиц и чиновников, а также общественным мнением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914) // М.: Издательство «Европа», 2006. – 672 с.
2. Васильев Д.В., Васильев С.Д. Британо-российское противостояние на Среднем Востоке как реакция на попытку геостратегического укрепления России в регионе в 1830-х гг. / Д.В. Васильев, С.В. Васильев // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2017. – №3. – С. 146-151.
3. Гоббс Т. Левиафан / Т. Гоббс // М.: Мысль, 2001. – 478 с.
4. Душенко К.В. Государство – это я / К. В. Душенко // Цитата в пространстве культуры: Из истории цитат и крылатых слов: Сб. статей. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. – С. 135 – 139.
5. Жолудов М.В. Русофобия в политической деятельности лорда Пальмерстона / М.В. Жолудов // Вестник Нижневартского государственного университета. – 2017. – №2. – С. 100-107. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rusofobiya-v-politicheskoy-deyatelnosti-lorda-palmerstona>
6. Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 / А.М. Зайончковский. – Адъютант!, 2002. – URL: <http://adjutant.ru/crimea/zai00.htm>
7. Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка» // Н.И. Кареев. – Санкт-Петербург : типография М. М. Стасюлевича, 1908. – 460 с.
8. Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 896 с.

9. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией и иностранными державами. В 15 т. Т. 12. / Ф.Ф. Мартенс. – СПб: типография Министерства путей сообщения, 1898. – 504 с.

10. Медведева О.Э. Причины создания антироссийской коалиции в Крымской войне (1853 - 1856 гг.) в современной историографии // Вестник науки и образования. – 2017. – №12 (36). – С. 35-37. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-sozdaniya-antirossiyskoy-koalitsii-v-krymskoy-voyne-1853-1856-gg-v-sovremennoy-istoriografii> (дата обращения: 20.03.2022).

11. Пирс Б. Упадок и разрушение Британской империи 1781-1997 / пер. Жуковой М. В. – М.: АСТ, 2010. – 280 с.

12. Симонич И. О. Воспоминания полномочного министра. 1832—1838 гг. / Пер. с фр. Институт народов Азии АН СССР. — М.: Наука, 1967. — 176 с.

13. Тарле Е.В. Крымская война / Е. В. Тарле. – Акад. наук СССР. - 2-е изд., испр. и доп. – М.: Ленинград М., 1950. – URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A2/tarle-evgenij-viktorovich/krimskaya-vojna>

14. Чихарев И.А., Косоруков А.А. Неоклассический реализм: к проблеме соотношения переменных глобального и национально-государственного уровней в формировании внешнеполитического курса / И.А. Чихарев, А. А. Косоруков // Вестник Московского университета. Политические науки. – 2010. – №1. – С. 50-65.

15. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые / Т. Юзефович. – СПб.: Тип. О.И. Бакста, 1869. – 326 с.

16. Allison G.T. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. – Little, Brown and Company, Boston, 1971. – 277 p.

17. Bougher L.D. Cognitive coherence in politics: unifying metaphor and narrative in civic cognition / L.D. Bougher // *Warring with Words: Narrative and Metaphor in Politics*. – Psychology Press, 2014. – URL: https://www.researchgate.net/publication/244520319_Cognitive_coherence_in_politics_Unifying_metaphor_and_narrative_in_civic_cognition

18. Bulwer H.L. *The life of Henry John Temple, Viscount Palmerston* / H.L. Bulwer – J.B. Lippincott, 1871. – 397 p.

19. Cleveland W.L. *A History of the Modern Middle East* / W.L. Cleveland. – Westview Press, 2009 – 626 p.

20. Convention of Commerce and Navigation (The Convention of Balta Liman) signed in 1838 // Parliamentary Papers. – 1838. – PP. 289-295.
21. Correspondence respecting the rights and privileges of the Latin and Greek churches in Turkey. [Electronic Text] – London Harrison, 1854. – URL: <https://archive.org/details/correspondencere00lond/page/178/mode/2up>.
22. Epstein M. The early history of the Levant Company / Epstein M. George. – Routledge & Sons Limited, 1981. – 270 p.
23. Martin K. The Triumph of Lord Palmerston. A study of political opinion in England before the Crimean War / Martin K. – Hutchinson & Co LTD, 1963. – 259 p.
24. Maxwell H. The life and letters of George William Frederick, fourth earl of Clarendon, K.G., G.C.B. / Maxwell H. – University of California Libraries, 1913. – 400 p.
25. Morgenthau H.J. Politics Among Nations. – Peking University Press, 2005.
26. Puryear V.J. New Light on the Origins of the Crimean War / V.J. Puryear // The Journal of Modern History. – 1931. – Vol. 3, No. 2. – P. 219-234.
27. Schmit B.E. The diplomatic preliminaries of the Crimean War / B.E. Schmit // The American Historical Review. – 1919. – Vol. 25, No. 1. – P. 36-67.
28. Setton-Watson R.W. Britain in Europe. 1789-1914 / Setton-Watson R.W. – Cambridge University Press, 1945. – 716 p.
29. Temple H.J. Opinions and Policy of the Right Honourable Viscount Palmerston, as Minister, Diplomatist, and Statesman, during More Than Forty Years of Public Life / Temple H. J. – Adamant Media Corporation, 2002. – 543 p.
30. Welch D.A. Justice and the Genesis of War / Welch D.A. – Cambridge University Press, 1993. – 356 p.
31. Zeytinli E. The British Mercantile Interest in the Ottoman Trade Market: A Historical Analysis of the Levant Company / Zeytinli E. – Proceedings of the Symposium on Business and Economic History, 2015. – 18 p.

REFERENCES

1. Airapetov O.R. Vneshnyaya politika Rossiyskoi imperii (1801-1914) [Foreign policy of the Russian Empire (1801-1914)]. – М.: Izdatelstvo «Evropa» [Publisher «Europe»], 2006. – 672 p.
2. Allison Graham T. Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. – Little, Brown and Company, Boston., 1971 – 277 p.
3. Bougher L.D. Cognitive coherence in politics: unifying metaphor and narrative in civic cognition / L.D. Bougher // Warring with Words: Narrative and Metaphor in Politics. – Psychology Press, 2014. – URL: https://www.researchgate.net/publication/244520319_Cognitive_coherence_in_politics_Unifying_metaphor_and_narrative_in_civic_cognition
4. Bulwer H.L. The life of Henry John Temple, Viscount Palmerston / H.L. Bulwer – J.B. Lippincott, 1871. – 397 p.
5. Chikharev I.A., Kosorukov A.A. Neoklassicheskiy relizm: k probleme sootnosheniya peremennikh globalnogo i natsionalno-gosudarstvennogo urovney b formirovaniy vneshnepoliticheskogo kursa [Neoclassical Realism: Towards a Relationship between Global and Nation-State Variables in Foreign Policy Making] / I.A. Chikharev, A.A. Kosorukov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Politicheskiye nauki. М.: [Bulletin of the Moscow University. Political Science. Moscow]. – 2010. – №1. – PP. 50-65.
6. Cleveland W.L. A History of the Modern Middle East / Cleveland W. L. – Westview Press, 2009 – 626 p.
7. Convention of Commerce and Navigation (The Convention of Balta Liman) signed in 1838 // Parliamentary Papers. – 1838. – PP. 289-295.
8. Correspondence respecting the rights and privileges of the Latin and Greek churches in Turkey. [Electronic Text] – London Harrison, 1854. – URL: <https://archive.org/details/correspondencere00lond/page/178/mode/2up>
9. Dushenko K.V. Gosudarstvo – eto ya [I am the State]/ K. V. Dushenko // Citata v prostranstve kul'tury: Iz istorii citat i krylatykh slov: Sb. statej. [A Quote in Cultural Space: From the History of Quotes and Idioms]. – М.: Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam RAN, 2019. – P. 135 -139.

10. Epstein M. The early history of the Levant Company / Epstein M. – George Routledge & Sons Limited, 1981. – 270 p.

11. Kareev N.I. Zapadnoevropejskaya absolyutnaya monarhiya XVI, XVII i XVIII vekov: obshchaya harakteristika byurokraticheskogo gosudarstva i soslovnogo obshchestva «starogo poryadka» [Western European Absolute Monarchy in 16-18th Centuries: a General Characteristic of a Bureaucratic State and the "Id Regime" Estate Society] / N.I. Kareev. – Sankt-Peterburg : tipografiya M. M. Stasyulevicha. 1908. – 460 p.

12. Kissinger G. Diplomacia [Diplomacy] / G. Kissinger – M., Izdatelstvo AST [AST Publishing Agency], 2018. – 896 p.

13. Leviathan Hobbes T. / T. Hobbes. – M.: Mysl [Thought], 2001. – 478 p.

14. Martens F.F. Sobranie traktatov i konvencij, zaklyuchennyh Rossiej i inostrannyimi derzhavami. V 15 t. T. 12. [The Code of Treaties and Conventions Between Russia and Foreign Powers. 15 Vol-s. Vol №12.] / F.F. Martens. – SPb: tipografiya Ministerstva putej soobshcheniya [The Ministry of Transport Typography], 1898. – T. 12. – 504 c.

15. Martin K. The Triumph of Lord Palmerston. A study of political opinion in England before the Crimean War / Martin K. – Hutchinson & Co LTD, 1963. – 259 p.

16. Maxwell H. The life and letters of George William Frederick, fourth earl of Clarendon, K.G., G.C.B. / Maxwell H. – University of California Libraries, 1913. – 400 p.

17. Medvedeva O. E. Prichiny sozdanya antirossiyskoy koalitsii v Krymskoy voyne (1853-1856 gg.) v sovremennoy istoriographii [Reasons for the Creation of the Anti-Russian Coalition in the Crimean War (1853 - 1856) in Modern Historiography] / O.E. Medvedeva // Vestnik nauki i obrazovaniya [Bulletin of Science and Education]. – 2017. – №12(36). – PP. 35-37. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-sozdaniya-antirossiyskoy-koalitsii-v-krymskoy-voyne-1853-1856-gg-v-sovremennoy-istoriografii> (date of reference: 20.03.2022)

18. Morgenthau H.J. Politics Among Nations. – Peking University Press, 2005.

19. Pearce B. Upadok i razrushenie Britanskoi imperii 1781-1997 [The Decline and Destruction of the British Empire 1781-1997] / per. Zhukovoy M. – AST [Translated by Zhukova M.V., AST publishing agency], 2010. – 280 p.

20. Puryear V.J. *New Light on the Origins of the Crimean War* / V.J. Puryear // *The Journal of Modern History*. – 1931. – Vol. 3, No. 2. – P. 219-234.
21. Schmit B.E. *The diplomatic preliminaries of the Crimean War* / B.E. Schmit // *The American Historical Review*. – 1919. – Vol. 25, No. 1. – P. 36-67.
22. Setton-Watson R.W. *Britain in Europe. 1789-1914* / Setton-Watson R.W. – Cambridge University Press, 1945. – 716 p.
23. Simonich I.O. *Vospominaniya polnomochnogo ministra. 1832 - 1838 gg.* [Memoirs of a Minister Plenipotentiary. 1832-1838.] / I.O. Simonich // *Per. s fr. Institut narodov Asii AN SSSR.* [Translated from French by the Institute of the Peoples of Asia, USSR Academy of Sciences]. – M.: Nauka [Science], 1967. – 176 p.
24. Tarle E.V. *Krymskaya vojna* [The Crimean War] / E.V. Tarle. – The Academy of Sciences of the USSR. – 2-e isd., ispr. i dop. [2nd ed. amended and supplemented]. – M.; Leningrad M, 1950. – URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A2/tarle-evgenij-viktorovich/krimskaya-vojna>
25. Temple H.J. *Opinions and Policy of the Right Honourable Viscount Palmerston, as Minister, Diplomatist, and Statesman, during More Than Forty Years of Public Life* / Temple H. J. – Adamant Media Corporation, 2002. – 543 p.
26. Vasiliev D.V., Vasiliev S.D. *Britano-rossiyskoe protivostoyanie na Srednem Vostoke kak reaktsiya na popytku geostrategicheskogo ukrepleniya Rossii v regione v 1830-ikh gg.* [The British-Russian Confrontation in the Middle East as a Reaction to Russia's Attempted Geostrategic Consolidation in the Region in the 1830s.] / D.V. Vasiliev, S.V. Vasiliev // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [The Proceedings of the Samara Scientific Centre of the Russian Academy of Science]. – 2017. – №3. – pp. 146-151.
27. Welch D.A. *Justice and the Genesis of War* / D.A. Welch – Cambridge University Press, 1993. – 356 p.
28. Yuzefovich T. *Dogovory Rossii s Vostokom. Politicheskie i trgovye* [Political and Commercial Treaties between Russia and Eastern States] / T. Yuzefovich. – SPb.: Tip. O.I. Baksta, 1869. – 326 p.
29. Zayonchkovsky A.M. *Vostochnaya vojna 1853-1856* [The Eastern War 1853-1856] / A.M. Zayonchkovsky. – Adyutant!, 2002. – URL: <http://adjutant.ru/crimea/zai00.htm>

30. Zeytinli E. The British Mercantile Interest in the Ottoman Trade Market: A Historical Analysis of the Levant Company / Zeytinli E. // Proceedings of the Symposium on Business and Economic History, 2015. – 18 p.

31. Zholudov M.V. Rusophobia v politicheskoy deyatel'nosti lorda Palmerstona [Russophobia in Lord Palmerston's political activities] / M.V. Zholudov // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Nizhnevartovsk State University]. – 2017. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rusofobiya-v-politicheskoy-deyatelnosti-lorda-palmerstona>

Особенности трансформации социальной политики Европейского союза

Гущин Никита, Киселева Ирина, Посаженникова Анастасия
МГИМО

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается эволюция социальной политики Европейского союза, ее особенности на современном этапе, а также направления развития дальнейшей интеграции в данной сфере. В настоящем исследовании проведен анализ социальной политики ЕС с использованием концепции многоуровневого управления, разработанной в рамках неолиберального теоретического направления. Целью исследования является определение особенностей трансформации общей социальной политики ЕС в условиях значительных социально-экономических изменений, характерных для государств-членов объединения на современном этапе. Для достижения поставленной цели в статье проведена оценка концепции многоуровневого управления как инструмента анализа социальной политики ЕС, рассмотрен ход эволюции интеграции в данной сфере, определены современные особенности ее финансирования. Научная новизна исследования заключается в исследовании социальной политики Европейского союза как в исторической ретроспективе, так и в контексте нынешних изменений, а также в определении вероятной траектории дальнейших трансформаций в социальной сфере. Авторы отмечают, что европейская социальная

политика характеризуется активным взаимодействием между акторами, находящимися на разных территориальных уровнях, что объясняет продуктивность концепции многоуровневого управления для анализа данной сферы. Социальная политика исторически являлась второстепенным треком направления европейской интеграции, что объясняется существенными отличиями национальных социально-экономических моделей — в частности, проявляющимися в особенностях финансирования социальной политики — и обуславливает невозможность осуществления «жесткого» наднационального управления в социальной сфере и необходимость «мягкой» многоуровневой кооперации, например, в рамках открытого метода координации. На современном этапе координация социальной политики в ЕС охватывает всё новые сферы, что сопровождается постепенной гармонизацией уровней экономического развития государств-членов и связано с необходимостью ответа на современные внутренние и внешние вызовы, в частности, пандемии COVID-19. Авторы приходят к выводу, что в дальнейшем будет наблюдаться рост значимости общеевропейских инициатив в области социальной политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Европейский союз; социальная политика; многоуровневое управление; занятость; пандемия COVID-19.

Для связи с авторами: gushchin.nikita@vk.com, irina-kiseleva7@yandex.ru, posazhennikova.a.a@my.mgimo.ru

Features of the Transformation of the Social Policy of the European Union

Nikita Gushchin, Irina Kiseleva, Anastasia Posazhennikova
MGIMO

ABSTRACT

The article considers the evolution of the social policy of the European Union, its current features and the directions for further development of integration in this sphere. This study analyzes the social policy of the EU using the concept of multi-level governance, which was developed within the framework of the neoliberal school of thought. The aim of this study is to determine the transformation features of common EU social policy in the context of significant socio-economic changes that characterize the member states of the association nowadays. With this aim, the article assesses the concept of multi-level governance as a tool for analyzing EU social policy, tracks the evolution of integration in this sphere and identifies modern features of its financing. The scientific significance of the research lies in the analysis of EU social policy both in retrospect and in the context of present changes, as well as in determining the potential trajectory of further transformations in social policy. The authors note that EU social policy is characterized by active interaction between actors located

at different territorial levels, which explains the productivity of the concept of multi-level governance for analysis in this sphere. Social policy has historically been a secondary track in the course of European integration, which can be explained by significant differences in national socio-economic models — for instance, manifested in the financing of social policy, makes it impossible to implement “hard” supranational management in the social sphere and necessitates using “soft” multi-level cooperation, for example, the open coordination method. At present, the coordination of social policy in the EU begins to cover new areas; this process is accompanied by a gradual harmonization of member states’ economic development levels and is associated with the need to respond to modern internal and external challenges, in particular, the COVID-19 pandemic. The authors conclude that, in the future, the importance of supranational initiatives in the field of social policy will increase.

KEYWORDS

European Union; social policy; multilevel governance; employment; COVID-19 pandemic

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно в ходе европейской интеграции социальной политике уделялось второстепенное внимание. Гармонизация социальных механизмов государств-членов и формирование наднациональной социальной политики осложнялись значительными отличиями социально-экономических моделей европейских стран. Сегодня же Европейский союз сталкивается с беспрецедентными вызовами и серьезными кризисами, негативные последствия которых заметны в т.ч. и в области социальной политики.

Актуальность проведенного исследования обуславливается необходимостью организации совместных усилий государств-членов в целях преодоления указанных трудностей и минимизации рисков в области социальной политики, что способствует трансформации сложившихся принципов и инструментов осуществления социальной политики ЕС на современном этапе.

Научная новизна работы состоит в изучении единой социальной политики Европейского союза в контексте происходящих сегодня тектонических трансформаций социально-экономической ситуации в Европе, в выявлении потенциальных направлений дальнейшего развития европейской интеграции в социальной сфере с опорой на анализ ее особенностей в исторической ретроспективе.

Целью настоящего исследования является выявление характерных черт трансформации общей социальной политики Европейского союза в

контексте происходящих сегодня социально-экономических изменений в государствах-членах. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

1. Оценить применимость концепции многоуровневого управления как аналитического инструмента при рассмотрении социальной политики ЕС;

2. Проследить эволюцию единой социальной политики Европейского союза с целью выявления ее важнейших механизмов и инструментов;

3. Определить особенности финансирования единой социальной политики на фоне нынешних социально-экономических процессов в европейских странах.

Объектом данного исследования является европейская интеграция как динамичный и комплексный процесс; предмет исследования — единая социальная политика Европейского союза как составная часть данного процесса.

В данной работе представлен анализ социальной политики Европейского союза с применением концепции многоуровневого управления, что позволяет авторам проследить взаимодействие разноуровневых акторов в контексте исследуемого направления политики. Указанная концепция была разработана в рамках неолиберальной теоретической школы, что обуславливает использование в работе идей данного направления.

Исходя из поставленных задач основным методом представленной работы является статистический анализ, что определяется необходимостью изучения ключевых индикаторов социально-экономического развития стран; метод компаративного анализа

позволил провести сравнение данных индикаторов; для наглядности представленных аргументов использована методика матричного анализа (применение таблиц и графиков способствуют наглядности представленных аргументов); в ходе рассмотрения исторических процессов трансформации в исследуемой области применялись историко-сравнительный и историко-генетический методы.

В ходе исследования использовались данные статистических и других источников, а также научная литература российских и зарубежных авторов. Проследить развитие и концептуализировать содержание понятия многоуровневого управления помогают работы Г. Маркса и соавторов, М. Эган, Л. Морено, М. Трелфолл. Особенности применения концепции в социальной политике ЕС изучают О.В. Буторина, И.С. Ломакина, Е.В. Токарева. Взглянуть на процесс развития социальной политики как одного из направлений европейской интеграции в динамике позволяют работы Дж. Боноли, Б. Ванхерке, А.Е. Сергеева.

Так, использование различных методов исследования и привлечение разнообразных источников и литературы позволяет проследить историческую трансформацию социальной политики Европейского союза, выявить ее особенности на современном этапе, а также рассмотреть перспективы дальнейшей интеграции в данной сфере.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

КОНЦЕПЦИЯ МНОГОУРОВНЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ

Многоуровневое управление впервые было представлено Г. Марксом в 1993 г.^[1] и понималось как «система непрерывного обсуждения между иерархически организованными органами управления на нескольких территориальных уровнях»^[2]. Г. Маркс с соавторами считают многоуровневое управление альтернативой государствоцентричной модели принятия решений в ЕС, представляющей государства унитарными акторами. Авторы отмечают, что государства не являются единственным субъектом управления: независимыми акторами можно считать наднациональные органы, т.к. их влияние не сводится к представлению интересов государств; на наднациональный уровень взаимодействия выходят и субнациональные акторы (европейские регионы; например, открывая представительства при европейских институтах)^[3].

Формирование многоуровневой системы в ЕС начинается в 1980-х гг.; особенно важны в этом контексте Единый Европейский акт и Маастрихтский договор. С этого

[1] Marks G. Structural policy and multi-level governance in the EC / Gary Marks // Cafruny A., Rosenthal G. (Eds). The State of the European Community: The Maastricht Debate and Beyond / Alan Cafruny, Glenda Rosenthal — Boulder, CO: Lynne Rienner. — 1993. — 391-411 pp.

[2] Ibid., p. 392.

[3] Marks G., Hooghe L., Blank K. European integration from the 1980s: state-centric v. multi-level governance / Gary Marks, Liesbet Hooghe, Kermit Blank // Journal of Common Market Studies. — 1996. — 34(3). — 345-346 pp.

момента решения во многих сферах принимаются квалифицированным большинством; несмотря на ряд важных исключений (бюджет ЕС, налоговая политика), первичное право ограничило влияние национальных государств^[4]. В Европейских сообществах начинают складываться новые методы принятия решений, альтернативные методу сообщества, т.е. выработке единых наднациональных правовых норм, имеющих прямое действие в государствах-членах: например, открытый метод координации (ОМК). Новые методы носят более «мягкий» характер и акцентируют вовлеченность большего числа субъектов — в частности, субнациональных акторов — в процесс выработки политики^[5].

На начальном этапе концепция использовалась для исследования участия регионов в процессах евроинтеграции. Концепция была с готовностью воспринята Комитетом регионов, в 2009 г. издавшим Белую книгу о многоуровневом управлении^[6]. Этот документ показывает, что создававшееся как аналитическая модель многоуровневое управление сегодня рассматривается также и как политический инструмент, механизм

принятия решений, к которому ЕС должен стремиться^[7]. В данной работе многоуровневое управление используется как исследовательская концепция.

Важным дополнением концепции стало рассмотрение ее социологических аспектов: М. Эган отмечает, что применение принципов многоуровневого управления приводит к заимствованию акторами опыта друг друга путем коммуникации^[8].

Концепция представляет особенно удобную оптику для исследования социальной политики. Л. Морено отмечает, что, исторически будучи сферой национальной компетенции, сегодня социальная политика понимается как область деятельности, где принятие решений должно осуществляться на «наиболее низком уровне»: наднациональные поддержка субнациональных акторов и ограничение контроля национальных властей, в теории, обеспечивает рациональное проведение политики^[9]. Нежелание правительств отказываться от своих социальных полномочий, по мнению М. Трелфолл, приводит к невозможности прямой наднациональной координации и формированию многоуровневых подходов^[10]. На примере

[4] Ibid., p. 363.

[5] Threlfall M. The Social Dimension of the European Union / Monica Threlfall // Global Social Policy, SAGE Publications. — 2007. — 7 (3). — 272-273 pp; Ломакина И.С. Открытый метод координации как новая форма управления: особенности, характеристики, перспективы применения / И.С. Ломакина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2010. — №6. — С. 106.

[6] The Committee of the Regions' White Paper on Multilevel Governance. // EUR-Lex. — URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/regi/dv/cdr89-2009_/cdr89-2009_en.pdf. (дата обращения: 21.03.2022).

[7] Ibid., p. 5.

[8] Egan M. Governance and learning in the post-Maastricht era? / Michelle Egan // Journal of European Public Policy. — 2009. — 16 (8). — P. 1248.

[9] Moreno L. Social policy and multi-level govern(ment)ance / Luis Moreno // Conference: Workshop on «Multi-level Government and Sub-National Inequalities: A Framework for the Comparative Study of the Structure and Consequences of Decentralized Social Policy Designs». — Graduate Center of the City University of New York. — 2016. — 5-6 pp.

[10] Threlfall. Op. cit. P. 274.

ЕС видно, что, действительно, в социальной сфере государства стремились сохранить суверенитет (относится к сфере совместной компетенции ЕС и государств-членов^[11]), а тенденции к наднационализации исторически играли меньшую роль, чем, например, в экономике^[12].

На начальном этапе европейской интеграции подразумевалось, что постепенная гармонизация социальной политики государств-членов произойдет в ходе гармонизации экономической политики: социальные компетенции наднациональных институтов ограничивались вопросами трудового законодательства и свободного передвижения рабочей силы^[13]. Это привело к необходимости «мягкой» конвергенции. Первым ее инструментом в 1985 г. стал социальный диалог, обязавший Европейскую комиссию проводить консультации с социальными партнерами — объединениями предпринимателей и профсоюзами — перед выдвижением социальных инициатив^[14].

Наиболее значимым проявлением многоуровневого характера принятия

решений в ЕС стал открытый метод координации, в 2000 г. включенный в «Лиссабонскую стратегию»^[15], хотя *de facto* он использовался и ранее. ОМК представляет собой согласование действий стран-членов в области социальной политики с использованием «мягких» инструментов^[16]; отказ от более формальных инструментов помогает избежать национальной критики^[17]. ОМК включает формулирование общеевропейских целей и стратегий, интеграцию их в национальную и региональную политику, наднациональный мониторинг, выявление наиболее эффективных мер, выработку рекомендаций^[18]. Очевидным достоинством ОМК является использование опыта разноуровневых акторов, что обеспечивает возможность учета национальной и региональной специфики, обмен опытом и имплементацию инициатив в сферах, где действует принцип субсидиарности^[19], в т.ч. в социальной сфере. На современном этапе ОМК интегрирован в «Европейский семестр»^[20], что, вероятно, подтверждает предположения^[21] о потенциальном росте влияния наднациональных институтов

[11] Закреплено в ст. 2С Лиссабонского договора. (Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 // EUR-Lex.) — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT>. (дата обращения: 21.03.2022).

[12] Threlfall. Op. cit. P. 272; Ломакина. Указ. соч. С. 107.

[13] Европейская интеграция: учебник / под ред. О.В. Буториной. // М.: Издательский Дом «Деловая литература». — 2011. — С. 344.

[14] Moreno. Op. cit. P. 4; Европейская интеграция. Указ. соч. С. 345; Ломакина. Указ. соч. С. 108.

[15] Communication to the Spring European Council - Working together for growth and jobs - A new start for the Lisbon Strategy - Communication from President Barroso in agreement with Vice-President Verheugen // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52005DC0024>. (дата обращения: 21.03.2022).

[16] Европейская интеграция. Указ. соч. С. 135.

[17] Токарева Е.В. «Открытый метод координации» - новая модель управления в ЕС / Е.В. Токарева // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. — 2010. — №3. — С. 121.

[18] Там же. С. 113.

[19] Европейская интеграция. Указ. соч. С. 135; Ломакина. Указ. соч. С. 110; Токарева. Указ. соч. С. 113-114.

[20] Ломакина. Указ. соч. С. 109.

[21] См. например: Threlfall. Op. cit. P. 286; Токарева. Указ. соч. С. 119.

в сфере социальной политики.

Таким образом, концепция многоуровневого управления стремится объяснить процесс принятия решений в ЕС, характеризующийся снижением роли национальных государств и укреплением над- и субнациональных акторов. Она представляется подходящим аналитическим инструментом для исследования европейской социальной политики, предполагающей взаимодействие между разноуровневыми субъектами в рамках социального диалога и ОМК. Вероятно, дальнейшее развитие европейской интеграции в социальной сфере будет происходить в сторону большего наднационального взаимодействия.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕС

Социальная политика изначально не входила в число приоритетных направлений европейской интеграции, но уже с момента подписания Договоров об учреждении европейских сообществ социальные гарантии становятся хоть и далеко не главным, но практически всегда присутствующим компонентом соглашений о европейской интеграции.

Парижский договор 1951 г.^[22] и Римские договоры 1957 г.^[23] закрепили следующие ряд

направлений интеграции в сфере социальной политики (помощь рабочим, пострадавшим в результате восстановления промышленности; выплата пособий и содействие переквалификации; гарантия прав иждивенцев и т. д.). Именно данными договорами были созданы первые европейские институты для решения социальных проблем наднационального уровня: Европейский инвестиционный банк, Европейский социальный фонд и Экономический и социальный комитет. По сути, эти три договора закрепили основной принцип социальной политики ЕС, сохраняющийся до сих пор — сохранение основных полномочий в области социальной политики на национальном уровне при координации и обеспечении сближения данных мер на наднациональном уровне.

Следующий этап развития социальной политики в рамках европейской интеграции связан с принятием в 1986 г. Единого европейского акта (ЕЕА). Именно в нём впервые было отражено стремление к «формированию единого социального пространства в рамках сообщества»^[24]. При этом набор прав, закреплённый в учредительных договорах, остался неизменным. Однако уже в декабре 1989 г. была принята Хартия основных социальных прав трудящихся (Социальная хартия), в которой были закреплены

[22] Treaty establishing the European Coal and Steel Community // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A11951K%2FTXT> (дата обращения: 20.06.2022).

[23] Treaty Establishing the European Economic Community and Related Instruments (EEC Treaty) // EUR-Lex — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11957E> (дата обращения: 20.06.2022); Consolidated version of the Treaty establishing the European Atomic Energy Community // EUR-Lex — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.C_.2016.203.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AC%3A2016%3A203%3ATOC (дата обращения: 20.06.2022).

[24] The Single European Act // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISUM%3Axy0027> (дата обращения: 22.03.2022).

двенадцать основных прав в этой области^[25]. Данный документ был принят всеми государствами членами за исключением Великобритании, которая традиционно скептически относилась к развитию интеграции в этом направлении^[26].

Далее социальная политика развивалась уже в рамках учреждённого в 1992 г. Европейского союза. Изначально большинство участников предлагали включить вопросы социальной политики в текст Маастрихтского договора, но Великобритания выступила против. Остальным 11 странам пришлось принимать отдельный Социальный протокол к Маастрихтскому договору. Европейская комиссия стала принимать директивы и решения в этой сфере, хотя Маастрихтский договор даже не содержал уже ставших стандартными положений о гармонизации социальной политики. Комиссия получила полномочия на проведение консультаций с социальными партнёрами, под которыми подразумевались профсоюзы и предприниматели^[27].

Окончательное законодательное закрепление наднациональных полномочий ЕС в сфере социальной политики произошло лишь с подписанием Амстердамского договора

1997 г., когда к этому треку интеграции присоединилась и Великобритания. Фактически произошёл запуск так называемой Европейской стратегии занятости, главной новацией которой стало начало прямого диалога между национальными правительствами и Европейской комиссией с целью координации действий в сфере социальной политики. Получается, что с принятием Амстердамского договора в сфере социальной политики была реализована многоуровневость, так как Европейская Комиссия как координировала действия с национальными правительствами, так и вела консультации с профсоюзами, что стало своеобразным компромиссом между всеми этими акторами.

Создание в 1993 г. и развитие Европейского единого рынка закономерно привело к дальнейшему развитию социальной политики ЕС. Несколько директив, принятых для развития единого рынка, фактически содержали меры социальной защиты (Директива о процедурных правах в случае коллективных увольнений 1998 г.^[28], Директива о правах работников в случае трансграничных слияний 2005 г.^[29] и пр.) Также в это время суд ЕС и национальные суды приняли целый ряд решений, которые содействовали более

[25] Community Charter of Fundamental Social Rights of Workers // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/SV/ALL/?uri=LEGISSUM:c10107> (дата обращения: 22.03.2022).

[26] Сергеев А.Е. Социальная политика Европейского союза на современном этапе: становление и развитие // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — С. 99-102.

[27] Vanhercke B. Social policy in the European Union 1999-2019: the long and winding road / B. Vanhercke, D. Ghailani, S. Spasova, P. Pochet (eds.). Social policy in the European Union 1999-2019: the long and winding road. — European Trade Union Institute (ETUI) and European Social Observatory (OSE): Brussels, 2020. — 15-18 pp.

[28] Council Directive 98/59/EC of 20 July 1998 on the approximation of the laws of the Member States relating to collective redundancies // EUR-Lex — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A31998L0059> (дата обращения: 22.03.2022).

[29] Directive 2005/56/EC of the European Parliament and of the Council of 26 October 2005 on cross-border mergers of limited liability companies // EUR-Lex — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32005L0056> (дата обращения: 22.03.2022).

свободному перемещению рабочей силы. Фактически национальные режимы благосостояния стали действовать и в отношении приезжих из других стран-членов ЕС.

В целом, как признают многие специалисты^[30], с возникновением ЕС власти союза вынуждены были признать уникальность систем социального обеспечения в каждом отдельном государстве-члене, что проявилось в исключении из текста положений о гармонизации законодательства в этой сфере. Окончательно стало ясно, что важнейшей функцией европейских институтов должна стать координация деятельности государств-членов в этой сфере, и именно этот подход превалирует до сих пор.

Лиссабонский договор 2007 г., открывший новый этап европейской интеграции, помимо закрепления гарантий в области социальных прав дополнил существующие задачи в рамках социальной политики. Несмотря на повторное закрепление союзных полномочий по координации политик национальных государств в социальной сфере, Брюссель так и не получил права принятия обязательных для них решений. Также Евросоюз получил ряд регуляторных полномочий, но основное регулирование до сих пор проводится национальными государствами. Однако в целом положения Лиссабонского договора в сфере социальной политики были довольно противоречивыми, что тоже стало результатом компромисса между разными государствами-

членами. Целью союза объявлялся «сбалансированный экономический рост и стабильность цен, высоко конкурентная социальная рыночная экономика, целью которой является полная занятость и социальный прогресс, а также высокий уровень защиты и улучшение защиты окружающей среды», но прямо отвергались все попытки «гармонизации законов и регулятивных актов стран ЕС»^[31]. То есть, фактически институтам на наднациональном уровне не было предоставлено достаточно полномочий для реализации данных целей. Взамен основным методом работы наднациональных органов стал описанный выше ОМК, позволяющий странам более гибко реагировать на поставленные наднациональными органами цели и задачи, что также стало закономерным продолжением тренда на закрепление многоуровневого подхода.

Диспропорции в области социальной защиты между государствами-членами сильно увеличились после нескольких расширений ЕС на восток в 2004, 2007 и 2013 гг. Такая ситуация привела к возникновению проблемы «социального демпинга», заключающейся в переносе производств из «старых» стран-членов в «новые» в связи с меньшими издержками на социальное обеспечение в них и более дешёвой рабочей силой.

Страны Западной Европы столкнулись с проблемой трудовой миграции из «новых» членов. Для преодоления этой проблемы была введена формула «3+2+2», по которой «старые» страны-

[30] Bonoli, G., George V., Taylor-Gooby, P. European welfare futures: Towards a theory of retrenchment. — Cambridge, 2000. — P. 158.

[31] Title 1. Categories and Areas of Union Competence. Article 2 A. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 // EUR-Lex — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT> (дата обращения: 22.03.2022).

члены получали право вводить переходный период от 3 до 7 лет, в течение которого не предоставлять доступ на свой рынок труда гражданами «новых» стран-членов. Однако страны пользовались этим правом по-разному: Великобритания и Ирландия полностью отказались от переходного периода, а Австрия, Германия и Франция ввели его на максимальный срок в 7 лет^[32].

Таким образом, можно сказать, что социальная политика изначально не являлась приоритетным направлением европейской интеграции. Национальные правительства традиционно не желали делиться полномочиями в этой области с наднациональными институтами, однако к 1990-м гг. Европейский союз стал стремиться к координации и гармонизации социальной политики стран-членов без принятия на себя

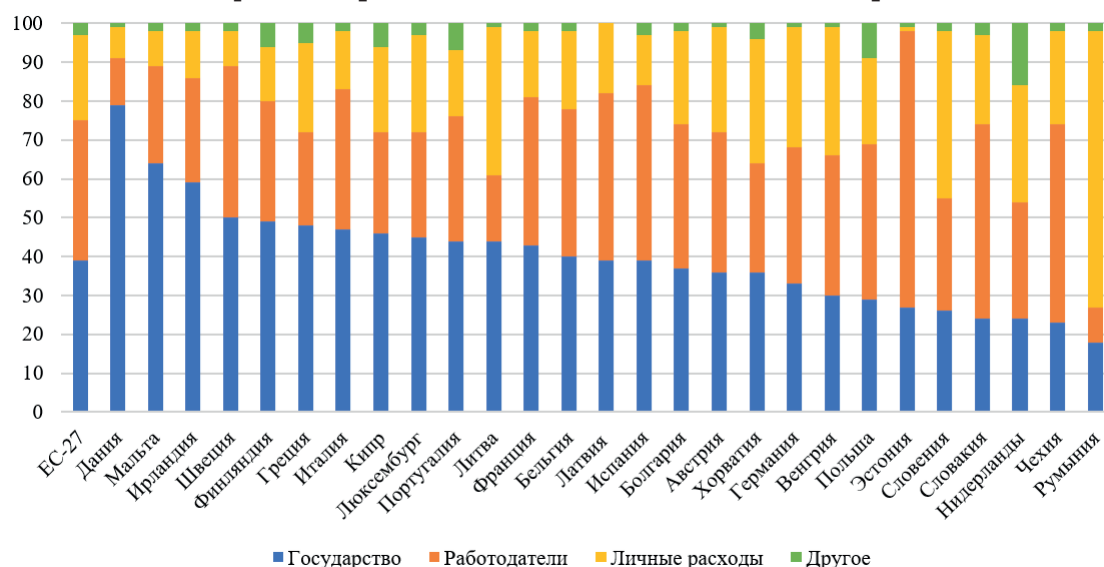
полномочий принимать обязательные решения. Фрагментарность и недостаточная интеграция в сфере социальной политики проявляется в том числе в вопросах финансирования, которые организованы по-разному и характеризуются определёнными проблемами.

ФИНАНСИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Традиционно к ключевым источникам финансирования социальной политики относятся расходы государства, работодателей и личные расходы. В европейских странах наблюдается различное соотношение данных источников финансирования (см. Рисунок 1).

[32] Vanhercke B. Social policy in the European Union 1999-2019: the long and winding road / B. Vanhercke, D. Ghailani, S. Spasova, P. Pochet (eds.). Social policy in the European Union 1999-2019: the long and winding road. — European Trade Union Institute (ETUI) and European Social Observatory (OSE): Brussels, 2020. — 15-18 pp.

Рисунок 1. Источники финансирования социальной политики в странах ЕС в 2019 г. (в %)

Источник: Social protection receipts by type. Eurostat.^[33]

[33] Social protection receipts by type. Eurostat. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/SPR_REC_SUMT_custom_2325792/default/table?lang=en (дата обращения: 20.03.2022).

В среднем в ЕС ключевым источником поступления средств, направляемых в социальную сферу, является государство (39%), второй по значимости — средства работодателей (36%), затем — личные расходы (22%). При этом в долю государственных расходов также включаются средства, предоставляемые в рамках наднациональных инструментов ЕС. Особенности национальных социально-экономических моделей обуславливают различные приоритеты стран в финансировании социальной сферы, а также разный объем и источники ассигнований в данной сфере.

В 2020 г. в ЕС общий объем государственных расходов на социальную защиту составил 22% ВВП (41,3 % от общего объема расходов и 2,943 млрд евро в абсолютном значении). Наибольшая часть данного типа расходов пришлась на выплаты пожилым лицам (11,3% ВВП), вторая по значимости категория — помощь инвалидам и выделение средств на медикаменты (3% ВВП), затем — выплаты по безработице (2,2% ВВП)^[34]. Доля государственных расходов на социальную защиту в общей структуре госрасходов стран-членов ЕС выросла с 36,6% в 1995 г. до 41,3% в 2020 г. В процентном отношении к ВВП расходы на социальную защиту увеличились с 19,4% ВВП в 1995 г. до 22% ВВП в 2020 г. При этом увеличение госрасходов на социальную сферу наблюдалось в период кризисов, в первую очередь, мирового финансового 2008 – 2009 гг. и

текущего кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Так, в 2007 – 2009 гг. расходы на борьбу с безработицей в ЕС увеличились с 1,5% ВВП до 1,9% ВВП. На фоне пандемии COVID-19 и мерами правительств по смягчению экономических и социальных последствий кризиса данный показатель увеличился до 2,2% ВВП в 2020 г.^[35]

В странах Европейского союза часть бюджетных средств, выделяемых на финансирование социальной сферы, составляют отчисления, предоставляемые в рамках наднациональных инструментов и программ. Данный механизм финансирования отражает реализацию концепта многоуровневого управления в ЕС. В настоящее время финансирование социальной политики наднациональными институтами осуществляется через фонды. Ключевым из них является Европейский социальный фонд (European Social Fund) — основной инструментом поддержки занятости в Европе, в рамках которого осуществляется борьба с безработицей и обеспечение равных возможностей трудоустройства для всех граждан ЕС^[36]. В 2021 г. после слияния Европейского социального фонда, Фонда европейской помощи неимущим (the EU Fund for European Aid to the Most Deprived — FEAD) и Программы ЕС по занятости и социальным инновациям (the EU Programme for Employment and Social Innovation — EaSI) был создан Европейский социальный фонд Плюс (European Social Fund Plus (ESF+)). Бюджет нового механиз-

[34] Government expenditure on social protection. Eurostat. Statistic explained. February 2022. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Government_expenditure_on_social_protection#Expenditure_on_.27social_protection.27 (дата обращения: 20.03.2022).

[35] Government expenditure on social protection. Eurostat. Statistic explained. February 2022. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Government_expenditure_on_social_protection#Expenditure_on_.27social_protection.27 (дата обращения: 20.03.2022).

[36] What is the ESF? // ec.europa.eu. — URL: <https://ec.europa.eu/esf/main.jsp?catId=35&langId=en> (дата обращения: 20.03.2022).

ма на 2021–2027 гг. составил 99,3 млрд евро^[37]. Также в ЕС функционирует Европейский фонд адаптации перемещенных работников к глобализации (European Globalisation Adjustment Fund for Displaced Workers — EGF) с бюджетом на 2021–2027 гг. в размере 210 млн евро. Программы данного фонда помогают низкоквалифицированным работникам и находящимся в неблагоприятном положении лицам, ищущим работу, справиться с новыми вызовами на рынке труда^[38]. Следовательно, обеспечение занятости — ключевая сфера социальной политики, которая финансируется за счет средств ЕС. Борьба с безработицей является приоритетной задачей социальной политики для всех стран Евросоюза. В то же время финансирование иных направлений социальной сферы в рамках общеевропейских инструментов представляется затруднительным в силу

различных особенностей национальных экономических моделей и специфических социальных проблем, сложившихся в отдельных регионах. В то же время безработица — серьезная проблема для всех стран ЕС. В 2020 г. уровень безработицы в ЕС-27 составил 7,2% (наиболее высокие показатели зафиксированы в Греции — 17,6%, Испании — 15,5%, Италии — 9,3%, Литве — 8,5%, Швеции — 8,5%, Латвии — 8,1%, Франции — 8%).

В 2014–2020 гг. общий бюджет Европейского социального фонда составил 136,4 млрд евро (из них 99,8 млрд предоставлено ЕС, 36,6 млрд — вклад государств-членов ЕС). Значительная доля средств была направлена на проекты в области обеспечения занятости (30%) и профессиональной подготовки работников (27%) (см. Рисунок 2).

[37] European Social Fund Plus. // ec.europa.eu. — URL: <https://ec.europa.eu/european-social-fund-plus/en/what-esf> (дата обращения: 20.03.2022).

[38] European Globalisation Adjustment Fund for Displaced Workers (EGF). // ec.europa.eu. — URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=326&langId=en> (дата обращения: 20.03.2022).

Рисунок 2. Общий бюджет ЕСФ на 2014–2020 гг. по сферам финансирования (в %)

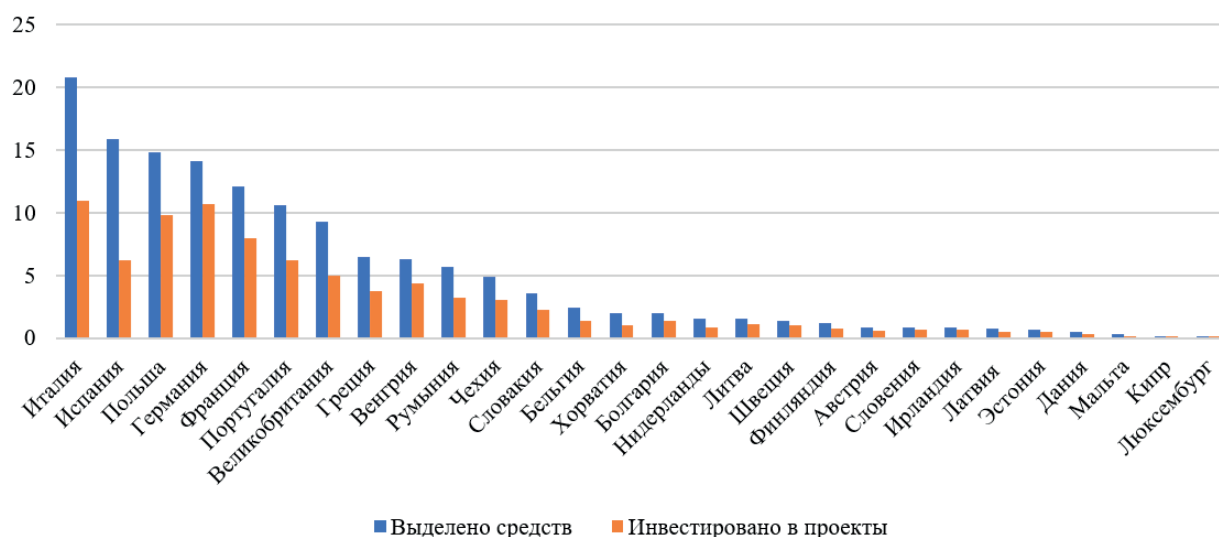

Источник: ESIF 2014 – 2020: Total Budget by Theme (daily update): European Social Fund, EUR billion.^[39]

[39] ESIF 2014–2020: Total Budget by Theme (daily update): European Social Fund, EUR billion — URL: <https://cohesiondata.ec.europa.eu/funds/esf> (дата обращения: 20.03.2022).

Стоит заметить, что объем инвестированных средств в отдельные проекты значительно ниже тех сумм, что выделялись национальным правительством на их реализацию (см. Рисунок 3).

Рисунок 3 Выделенные и инвестированные средства ЕСФ в 2014 – 2020 гг. (в млрд евро)

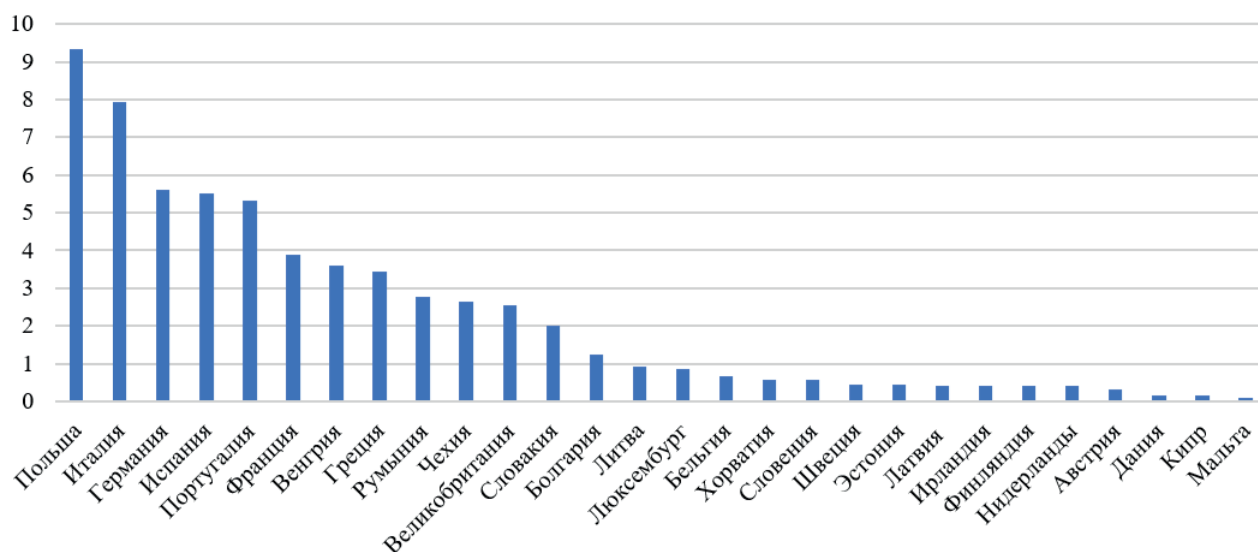
Источник: *ESIF 2014 – 2020: Implementation by country for European Social Fund – total cost of selection and spending as % of planned (bullet chart, excluding multi-thematic allocations)*.^[40]

[40] ESIF 2014-2020: Implementation by country for European Social Fund - total cost of selection and spending as % of planned (bullet chart, excluding multi-thematic allocations). — URL: <https://cohesiondata.ec.europa.eu/funds/esf> (дата обращения: 20.03.2022).

На рисунке 3 обозначен общий объем средств, выделенных ЕСФ в 2014 – 2020 гг. на реализацию проектов. Наиболее успешная реализация финансов зафиксирована в Люксембурге (инвестировано 95% от выделенных средств), наименее — в Испании (44%). Самые низкие показатели, реализованные средств зафиксированы

в странах с серьезными социальными дисбалансами и с, вероятно, более масштабными проектами. Бюджет фонда формируется как за счет ассигнований ЕС, так и вклада государств-членов. В данном контексте также важно рассмотреть объем средств, предоставленных Европейским союзом на социальные проекты (см. Рисунок 4).

Рисунок 4. Объем средств, предоставленных ЕС отдельным странам в рамках ЕСФ в 2014 – 2020 гг. (в млрд евро)

Источник: ESIF 2014 – 2020: Total cumulative EU payments by country (daily update): European Social Fund. ^[41]

[41] ESIF 2014-2020: Total cumulative EU payments by country (daily update): European Social Fund. — URL: <https://cohesiondata.ec.europa.eu/funds/esf> (дата обращения: 20.03.2022).

Главными реципиентами средств ЕСФ в 2014 – 2020 гг. стали страны ЦВЕ (Польша, Венгрия) и Средиземноморского региона (Италия, Испания, Португалия). Для данных государств характерна относительно низкое значение государственных ассигнований в финансировании социальной сферы, что частично компенсируется за счет отчислений в рамках общеевропейских фондов. Подобная картина коррелирует с общими расходами бюджета ЕС на финансировании национальных экономик. На протяжении многих лет страны ЦВЕ и Южной Европы остаются главными реципиентами средств Евросоюза. Таким образом, различия в национальных социально-экономических моделях во многом

предопределили особенности распределения средств в рамках социальных фондов ЕС.

Пандемия COVID-19 стала новым вызовом для всего мира, в том числе и для Евросоюза, породив в сообществе очередной кризис, усиливший нагрузку на европейскую экономику, социальную сферу и здравоохранение. Минимизировать негативные последствия пандемии в Европейском союзе возможно лишь путем реализации совместных программ и планов. В области социальной защиты было принято решение об учреждении Европейского союза здравоохранения. В рамках данного механизма будет осуществляться совместное реагирование на кризисы в области здравоохранения, распределение

медицинских принадлежностей и инновационных разработок^[42]. В рамках Союза учреждены три ключевых механизма:

- Европейское управление по обеспечению готовности к чрезвычайным ситуациям в области здравоохранения и реагированию на них (European Health Emergency Preparedness and Response Authority — HERA);
- Фармацевтическая стратегия;
- Европейская программа по борьбе с раком.

На фоне новой волны пандемии COVID-19 в декабре 2021 г. Европейская комиссия утвердила План действий в области социальной экономики (EU Action Plan for Social Economy)^[43]. Данная инициатива направлена на увеличение социальных инвестиций, оказание поддержки субъектам социальной экономики в разработке, расширении масштабов, внедрении инноваций и создании рабочих мест с целью достижения устойчивого экономического роста.

Важно отметить, что в последние годы в Европейском союзе ведется дискуссия о трансформации социальной политики и ее расширении. В частности, в 2017 г. была обнародована Европейская опора социальных прав (European pillar of social

rights)^[44]. Данная инициатива включает 20 направлений развития рынков труда: гендерное равенство, предоставление равных возможностей, справедливая заработная плата и другие. Кроме того, в январе 2020 г. У. фон дер Ляйен выступила с предложением о возможности введения европейского минимального размера оплаты труда (МРОТ)^[45]. Важным стимулом для разработки данной инициативы стало решение Германии о введении минимального размера заработной платы в 2015 г. (долгое время в ФРГ данный показатель не регулировался).

Кроме того, в рамках открытого метода координации Европейский союз проводит политику, направленную на повышение уровня социальной защиты граждан и постепенную гармонизацию показателей социально-экономического развития государств, при этом оставляя национальным правительствам возможности действовать с учетом страновых особенностей и потребностей. ЕС устанавливает лишь ориентиры, которые правительства государств используют для выработки национальной социальной политики. В 2010 г. в Европейском союзе была принята десятилетняя стратегия экономического развития «Европа 2020»^[46], где были закреплены приоритетные сферы и

[42] European Health Union. Protecting the health of Europeans and collectively responding to cross-border health crises. // ec.europa.eu. — URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/promoting-our-european-way-life/european-health-union_en (дата обращения: 20.03.2022).

[43] EU Action Plan for Social Economy. // ec.europa.eu. — URL: https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say/initiatives/12743-EU-action-plan-for-social-economy_ru (дата обращения: 20.03.2022).

[44] The European Pillar of Social Rights in 20 principles. // ec.europa.eu. — URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/economy-works-people/jobs-growth-and-investment/european-pillar-social-rights/european-pillar-social-rights-20-principles_en (дата обращения: 20.03.2022).

[45] Биссон Л. С. Европейская социальная модель: содержание и ограничения // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. №1. С. 67.

[46] Europe 2020. A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth. — URL: <https://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf> (дата обращения: 20.03.2022).

ключевые ориентиры развития сообщества до 2020 г. Данная концепция заменила Лиссабонскую стратегию 2000 г. Социальное направление стало одним из ведущих в новом концептуальном документе ЕС, что с одной стороны, подчеркивает важность данной сферы в современных развитых государствах Запада, с другой — констатирует наличие серьезных социальных дисбалансов, которые необходимо минимизировать. В данном документе закреплены следующие целевые показатели, которые было необходимо достичь к 2020 г.;

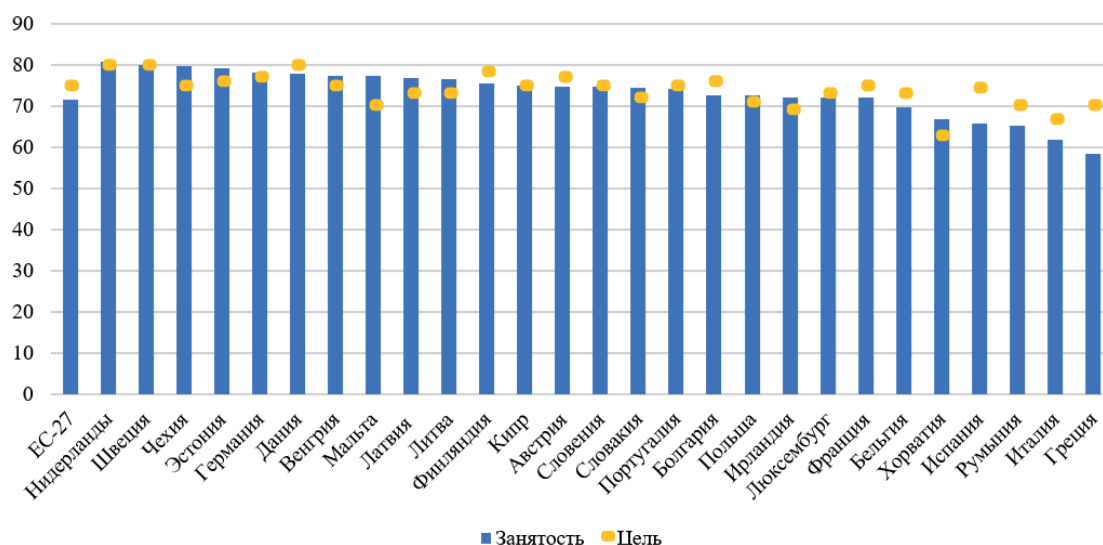
- 75% занятость среди населения в возрасте 20 – 64 лет;
- расходы на НИОКР не менее 3% ВВП;
- достижение энергетической/климатической цели 20/20/20 (в том числе сокращение выбросов до 30% в соответствующих условиях);
- доля учеников, бросивших школы, не должна превышать 10%, не менее 40% молодежи должны иметь высшее образование.;
- на 20 млн человек должно сократиться число лиц, подверженных риску бедности.

При этом правительства стран-членов ЕС разрабатывали собственные программы на основе стратегии «Европа 2020» с учетом национальных приоритетов и проблемных сфер.

ЕС в рамках Европейского семестра осуществлял мониторинг за выполнением поставленных национальными правительствами целей. Таким образом, важные аспекты социальной политики на национальном уровне были поставлены под контроль над национальных институтов, что с одной стороны обеспечило конвергенцию ключевых показателей социально-экономического развития государств-членов сообщества, с другой — позволило проводить модернизацию с учетом национальной специфики. Подобный механизм надзора также демонстрирует имплементацию концепции многоуровневого управления в ЕС.

За прошедшие 10 лет странам Европейского союза не удалось достичь всех поставленных целей, в частности из-за усиления нагрузки на социальную сферу в условиях пандемии COVID-19, масштабной экономической рецессии и миграционных рисков. Общий показатель занятости в ЕС среди лиц в возрасте 20 – 64 лет в 2020 г. составил лишь 71,7% (цель — 75%) (см. Рисунок 5). Среди лидеров по показателям преимущественно страны Западной Европы: Нидерланды — 80,8% (цель — 80%), Швеция — 80,1% (цель — 80%). В числе аутсайдеров по данному показателю оказались страны Средиземноморья, в данном регионе проблема безработицы стоит наиболее остро.

Рисунок 5. Занятость в странах ЕС среди населения в возрасте 20 – 64 лет в 2020 г. (в %)

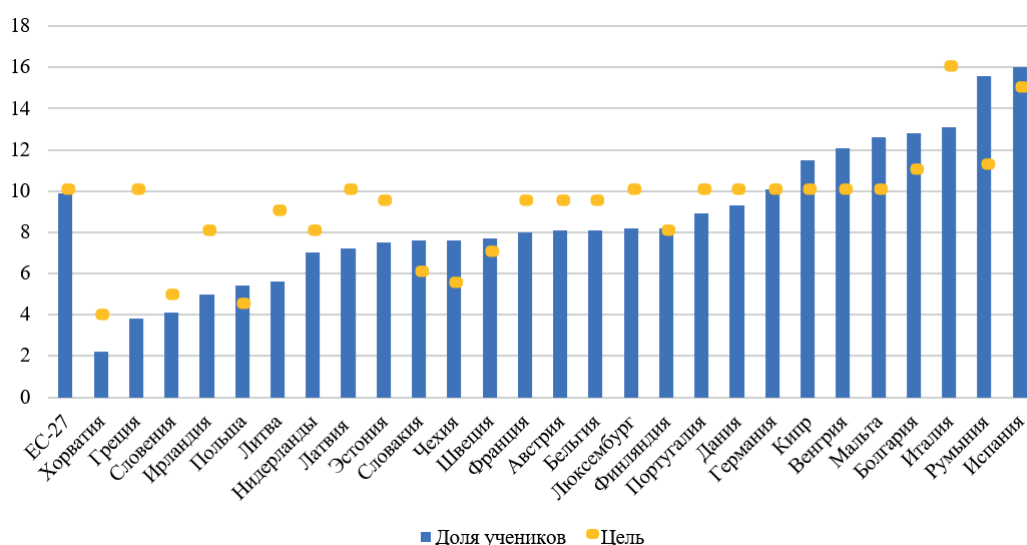
Источник: *Employment rate by sex, age group 20-64. Eurostat.* ^[47]

[47] Employment rate by sex, age group 20-64. Eurostat — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/t2020_10/default/table?lang=en (дата обращения: 20.03.2022).

По показателю доли лиц, оставивших обучение, Евросоюзу удалось выполнить поставленную цель в 10% — в 2020 г. показатель составил 9,9% (см. Рисунок 6). Здесь наиболее выдающихся

результатов удалось добиться некоторым государствам Балканского полуострова: Хорватия — 2,2% (цель — 4%), Греция — 3,8% (цель — 10%), Словения — 4,1% (цель — 5%).

Рисунок 6. Доля лиц, оставивших обучение, в 2020 г. (в %)

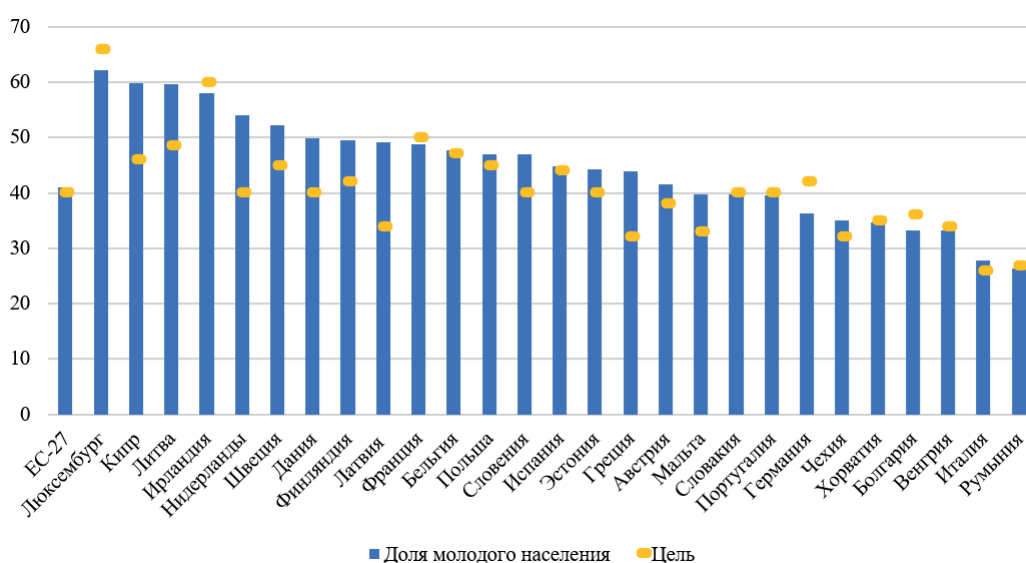
Источник: *Early leavers from education and training by sex. Eurostat.* ^[48]

[48] Early leavers from education and training by sex. Eurostat. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/t2020_40/default/table?lang=en (дата обращения: 20.03.2022).

В 2020 г. доля молодого населения с высшим образованием в ЕС достигла 41%, что превысило целевой показатель (40%) (см. Рисунок 7). Лидерами в данной сфере стали преимущественно малые страны Европы: Люксембург — 62,2% (цель — 66%), Кипр — 59,8% (цель — 46%),

Нидерланды — 54% (цель — 40%), а также Литва и Ирландия. Среди аутсайдеров вновь оказались ряд стран ЦВЕ и Южной Европы, которым не удалось достичь общеевропейской цели в 40%.

Рисунок 7. Доля молодого населения с высшим образованием в 2020 г. (в %)

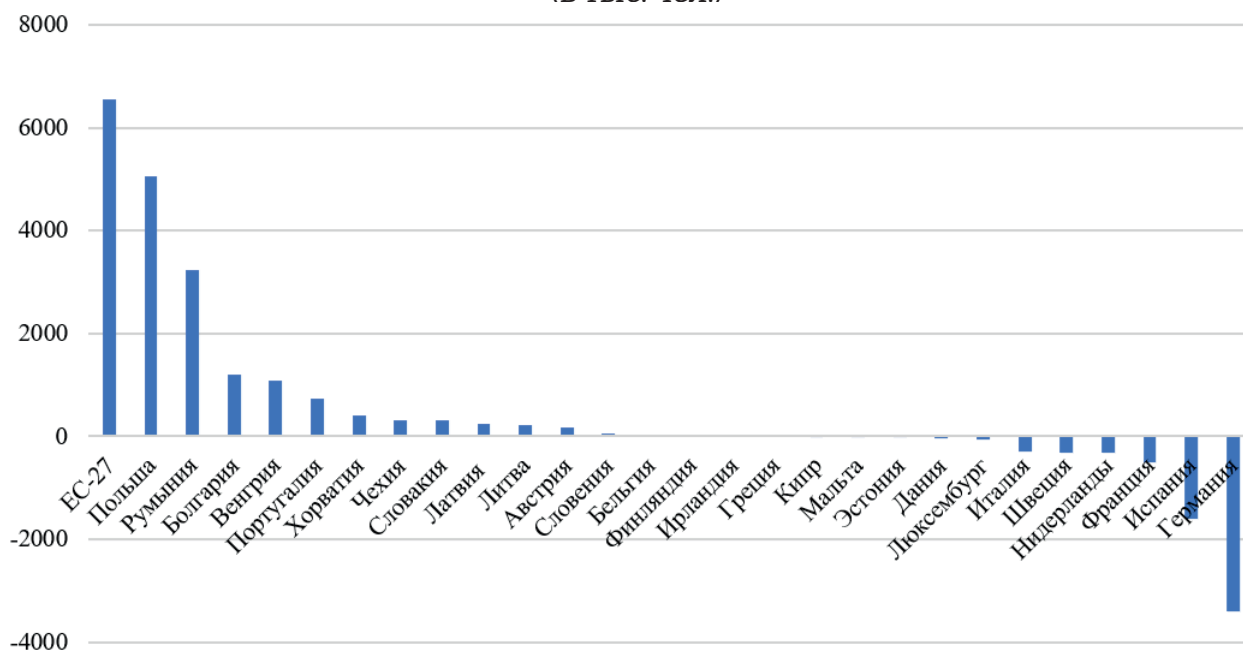
Источник: Tertiary educational attainment by sex, age group 30 – 34. Eurostat. ^[49]

[49] Tertiary educational attainment by sex, age group 30–34. Eurostat. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/t2020_41/default/table?lang=en (дата обращения: 20.03.2022).

Наиболее труднодостижимым показателем стало сокращение числа лиц, подверженных риску бедности. В ЕС данный показатель удалось сократить на 6,5 млн, в то время как целью было 20 млн. (см. Рисунок 8). Во многих государствах Западной и Южной Европы данная категория населения только

выросла, что в значительной степени обусловлено миграционным кризисом, охватившим Европу в середине 2010-х гг. В то же время наибольших успехов удалось добиться новичкам сообщества, что связано со значительным объемом средств, которые страны ЦВЕ получают из общего бюджета ЕС.

Рисунок 8. Сокращение числа лиц, подверженных риску бедности, на 2020 г.
(в тыс. чел.)

Источник: *People at risk of poverty or social exclusion. Eurostat.* ^[50]

[50] People at risk of poverty or social exclusion. Eurostat. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/t2020_50/default/table?lang=en (дата обращения: 20.03.2022).

Несмотря на то, что не все цели стратегии «Европа-2020» были достигнуты, за прошедшие десять лет Европейскому союзу удалось приблизиться к выполнению многих целевых показателей в области социального обеспечения. Ряд эндогенных и экзогенных факторов (в частности, миграционный кризис, серьезная экономическая рецессия и пандемия COVID-19) создали дополнительные трудности для достижения поставленных целей и усилили социальную напряженность в европейском обществе.

Стоит ожидать, что в условиях пандемии и экономической рецессии деятельность наднациональных институтов ЕС в области социальной защиты будет распространяться на новые сферы с целью реализации

коллективных мер борьбы с пандемией и минимизации негативных процессов. Подобный тренд на данном этапе проявляется в создании новых совместных фондов, а также в расширении масштабов и укрупнении уже существующих проектов (как было в случае с европейским социальным фондом). Несмотря на значительный рост внимания наднациональных институтов к медицинской сфере в последние годы, реализация проектов в области содействия занятости в ближайшей перспективе останется ключевым приоритетом для ЕС, поскольку безработица является острой проблемой для большинства стран сообщества. В то же время, значительные объемы средств в рамках финансирования программ социальной помощи по-прежнему

будут направляться в «проблемные регионы»: страны Южной и Центрально-Восточной Европы.

ВЫВОДЫ

В рамках концепции многоуровневого управления отражен механизм принятия решений в Европейском союзе, для которого характерно постепенное снижение роли национальных акторов и усиление роли наднациональных институтов. При этом подобная система координации постепенно охватывает новые сферы, что объясняется эффектом перелива. Первоначально многоуровневое управление реализовывалось в ключевых областях интеграции, в то время как руководство социальной политикой, остававшейся второстепенным треком европейского строительства, продолжало находиться в сфере компетенции национальных правительств. Гармонизация политики социальной защиты в странах сообщества и формирование общей социальной политики ЕС было осложнено серьезными различиями в сложившихся экономических моделях государств-членов ЕС. С течением времени роль наднациональных механизмов укрепляется, что отражает эффективное применение на практике концепта многоуровневого управления в ЕС.

Ещё с момента подписания договоров об учреждении Европейский Сообществ наднациональными институтами гарантировались отдельные права в сфере социальной защиты. Новый импульс в развитии данного измерения евроинтеграции произошёл в 1990-е и

2000-е гг., в период активного развития единого рынка.

На сегодняшний день социальная политика ЕС является сферой совместной компетенции союза и национальных правительств. При этом на наднациональном уровне происходит лишь координация усилий в этой области. Финансирование социальной политики ЕС происходит из средств различных фондов, в условиях пандемии коронавируса в том числе направленных на восстановление после неё. В бюджете ЕС на 2021-2027 гг. несколько более мелких фондов вошли в состав Европейского социального фонда, который теперь называется Европейским социальным фондом Плюс и является важнейшим инструментом в сфере социальной защиты.

В силу серьезных дисбалансов в уровне развития стран-членов ЕС, а также весомых различий их социально-экономических моделей, для государств сообщества характерны различные особенности ассигнования социальной политики, что проявляется в общем объеме расходуемых средств на социальную защиту и в структуре источников финансирования данной сферы. В то же время наднациональными институтами были сделаны попытки повышения уровня социально-экономического развития стран-членов и повышения конкурентоспособности сообщества путем формирования общих ориентиров в области социальной защиты. В рамках концепции «Европа 2020» наднациональные институты расширили контроль за успешностью реализации социальной политики в странах-членах Евросоюза. На современном этапе финансирование

общей социальной политики ЕС осуществляется через различные фонды. При этом обеспечение занятости является основной областью, куда поступают средства из бюджетов общеевропейских инициатив, поскольку безработица — наиболее острая проблема, охватившая большинство стран Европы. В то же время ключевыми реципиентами средств подобных фондов традиционно остаются государства Южной Европы и ЦВЕ. Стоит заметить, что в периоды кризисов, в частности пандемии COVID-19, растет число и масштабы наднациональных проектов в области реализации социальной политики, поскольку с данным типом проблем в Евросоюзе возможно справиться лишь путем принятия коллективных мер.

Следует ожидать, что в ближайшие годы в ЕС будет возрастать внимание к общеевропейским инициативам в области разработки, контроля и финансирования социальной политики.

В последние десятилетия в Евросоюзе наблюдается неуклонный рост значимости наднационального регулирования в сфере социальной защиты, что обусловлено постепенной гармонизацией уровня экономического развития стран-членов и необходимостью борьбы с новыми эндогенными и экзогенными вызовами. При этом неизменными остаются приоритетные сферы финансирования и ключевые реципиенты средств из бюджетов наднациональных инструментов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биссон Л.С. Европейская социальная модель: содержание и ограничения // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. — 2020. — №1.
2. Европейская интеграция: учебник / под ред. О.В. Буториной. // М.: Издательский Дом «Деловая литература». — 2011. — 720 с., ил.
3. Ломакина И.С. Открытый метод координации как новая форма управления: особенности, характеристики, перспективы применения / И.С. Ломакина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2010. — №6. — С. 106-116.
4. Сергеев А.Е. Социальная политика Европейского союза на современном этапе: становление и развитие // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — С. 99-102.
5. Токарева Е.В. «Открытый метод координации» - новая модель управления в ЕС / Е.В. Токарева // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. — 2010. — №3. — С. 110-121.
6. Bonoli G. European welfare futures: Towards a theory of retrenchment / G. Bonoli, V. George, P. Taylor-Gooby — Cambridge, 2000. — P. 190.

7. Communication to the Spring European Council - Working together for growth and jobs - A new start for the Lisbon Strategy - Communication from President Barroso in agreement with Vice-President Verheugen // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52005DC0024>. (дата обращения: 21.03.2022).

8. Community Charter of Fundamental Social Rights of Workers // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/SV/ALL/?uri=LEGISSUM:c10107> (дата обращения: 22.03.2022).

9. Consolidated version of the Treaty establishing the European Atomic Energy Community // EUR-Lex — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.C_.2016.203.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AC%3A2016%3A203%3ATOC (дата обращения: 20.06.2022).

10. Council Directive 98/59/EC of 20 July 1998 on the approximation of the laws of the Member States relating to collective redundancies // EUR-Lex — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A31998L0059> (дата обращения: 22.03.2022).

11. Directive 2005/56/EC of the European Parliament and of the Council of 26 October 2005 on cross-border mergers of limited liability companies // EUR-Lex — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32005L0056> (дата обращения: 22.03.2022).

12. Early leavers from education and training by sex. Eurostat. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/t2020_40/default/table?lang=en (дата обращения: 20.03.2022).

13. Egan M. Governance and learning in the post-Maastricht era? / Michelle Egan // Journal of European Public Policy. — 2009. — 16(8). — P. 1244-1253.

14. Employment rate by sex, age group 20-64. Eurostat — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/t2020_10/default/table?lang=en (дата обращения: 20.03.2022).

15. ESIF 2014-2020: Implementation by country for European Social Fund - total cost of selection and spending as % of planned (bullet chart, excluding multi-thematic allocations). — URL: <https://cohesiondata.ec.europa.eu/funds/esf> (дата обращения: 20.03.2022).

16. ESIF 2014-2020: Total Budget by Theme (daily update): European Social Fund, EUR billion. — URL: <https://cohesiondata.ec.europa.eu/funds/esf> (дата обращения: 20.03.2022).

17. ESIF 2014-2020: Total cumulative EU payments by country (daily update): European Social Fund. — URL: <https://cohesiondata.ec.europa.eu/funds/esf> (дата обращения: 20.03.2022).

18. EU Action Plan for Social Economy. // ec.europa.eu. — URL: https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say/initiatives/12743-EU-action-plan-for-social-economy_ru (дата обращения: 20.03.2022).

19. Europe 2020. A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth. — URL: <https://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf> (дата обращения: 20.03.2022).

20. European Globalisation Adjustment Fund for Displaced Workers (EGF). // ec.europa.eu. — URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=326&langId=en> (дата обращения: 20.03.2022).

21. European Health Union. Protecting the health of Europeans and collectively responding to cross-border health crises. // ec.europa.eu. — URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/promoting-our-european-way-life/european-health-union_en (дата обращения: 20.03.2022).

22. European Social Fund Plus. // ec.europa.eu. — URL: <https://ec.europa.eu/european-social-fund-plus/en/what-esf> (дата обращения: 20.03.2022).

23. Government expenditure on social protection. Eurostat. Statistic explained. February 2022. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Government_expenditure_on_social_protection#Expenditure_on_.27social_protection.27 (дата обращения: 20.03.2022).

24. Marks G. Structural policy and multi-level governance in the EC / Gary Marks // Cafruny A., Rosenthal G. (Eds). The State of the European Community: The Maastricht Debate and Beyond / Alan Cafruny, Glenda Rosenthal — Boulder, CO: Lynne Rienner. — 1993. — P. 391–411.

25. Marks G., Hooghe L., Blank K. European integration from the 1980s: state-centric v. multi-level governance / Gary Marks, Liesbet Hooghe, Kermit Blank // Journal of Common Market Studies. — 1996. — 34(3). — P. 341–378.

26. Moreno L. Social policy and multi-level govern(ment/ance) / Luis Moreno // Conference: Workshop on «Multi-level Government and Sub-National Inequalities: A Framework for the Comparative Study of the Structure and Consequences of Decentralized Social Policy Designs». — Graduate Center of the City University of New York. — 2016. — P. 9

27. People at risk of poverty or social exclusion. Eurostat. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/t2020_50/default/table?lang=en (дата обращения: 20.03.2022).

28. Social protection receipts by type. Eurostat. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/SPR_REC_SUMT__custom_2325792/default/table?lang=en (дата обращения: 20.03.2022).

29. Tertiary educational attainment by sex, age group 30-34. Eurostat. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/t2020_41/default/table?lang=en (дата обращения: 20.03.2022).

30. The Committee of the Regions' White Paper on Multilevel Governance. // EUR-Lex. — URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/regi/dv/cdr89-2009_/cdr89-2009_en.pdf. (дата обращения: 21.03.2022).

31. The European Pillar of Social Rights in 20 principles. // ec.europa.eu. — URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/economy-works-people/jobs-growth-and-investment/european-pillar-social-rights/european-pillar-social-rights-20-principles_en (дата обращения: 20.03.2022).

32. The Single European Act // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Aху0027> (дата обращения: 22.03.2022).

33. Threlfall M. The Social Dimension of the European Union / Monica Threlfall // Global Social Policy, SAGE Publications. — 2007. — 7 (3). — P. 271-293.

34. Title 1. Categories and Areas of Union Competence. Article 2 A. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 // EUR-Lex — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT> (дата обращения: 22.03.2022).

35. Treaty establishing the European Coal and Steel Community // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A11951K%2FTXT> (дата обращения: 20.06.2022).

36. Treaty Establishing the European Economic Community and Related Instruments (EEC Treaty) // EUR-Lex — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11957E> (дата обращения: 20.06.2022).

37. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT>. (дата обращения: 21.03.2022).

38. Vanhercke B. Social policy in the European Union 1999-2019: the long and winding road / B. Vanhercke, D. Ghailani, S. Spasova, P. Pochet (eds.). Social policy in the European Union 1999-2019: the long and winding road. — European Trade Union Institute (ETUI) and European Social Observatory (OSE): Brussels, 2020. — P. 15-18.

39. What is the ESF? // ec.europa.eu. URL: <https://ec.europa.eu/esf/main.jsp?catId=35&langId=en> (дата обращения: 20.03.2022).

REFERENCES

1. Bisson L.S. Evropejskaya social'naya model': sodержanie i ogranicheniya [European social model: content and limitations] // Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN [Scientific and analytical bulletin of the Institute of Europe RAS]. — 2020. — №1.
2. Evropejskaya integraciya: uchebnik [European integration: textbook] / ed. O.V. Butorina. // M.: Izdatel'skiy Dom «Delovaya literatura» [Publishing House «Business Literature»]. — 2011. — P. 720.
3. Lomakina I.S. Otkrytyj metod koordinacii kak novaya forma upravleniya: osobennosti, harakteristiki, perspektivy primeneniya [Open method of coordination as a new form of management: features, characteristics, application prospects] / I.S. Lomakina // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Humanities and social sciences]. — 2010. — №6. — P. 106-116.
4. Sergeev A.E. Social'naya politika Evropejskogo soyuza na sovremennom etape: stanovlenie i razvitie [Social policy of the European Union at the present stage: formation and development] // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena [Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen]. — 2009. — P. 99-102.
5. Tokareva E.V. «Otkrytyj metod koordinacii» - novaya model' upravleniya v ES [«Open method of coordination» - a new management model in the EU] / E.V. Tokareva // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya [Bulletin of the Perm University. Series: Political science]. — 2010. — №3. — P. 110-121.
6. Bonoli G. European welfare futures: Towards a theory of retrenchment / G. Bonoli, V. George, P. Taylor-Gooby — Cambridge, 2000. — P. 190.
7. Communication to the Spring European Council - Working together for growth and jobs - A new start for the Lisbon Strategy - Communication from President Barroso in agreement with Vice-President Verheugen // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52005DC0024>. (accessed: 21.03.2022).

8. Community Charter of Fundamental Social Rights of Workers // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/SV/ALL/?uri=LEGISSUM:c10107> (accessed: 22.03.2022).

9. Consolidated version of the Treaty establishing the European Atomic Energy Community // EUR-Lex — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.C_.2016.203.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AC%3A2016%3A203%3ATOC (accessed: 20.06.2022).

10. Council Directive 98/59/EC of 20 July 1998 on the approximation of the laws of the Member States relating to collective redundancies // EUR-Lex — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A31998L0059> (accessed: 22.03.2022).

11. Directive 2005/56/EC of the European Parliament and of the Council of 26 October 2005 on cross-border mergers of limited liability companies // EUR-Lex — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32005L0056> (accessed: 22.03.2022).

12. Early leavers from education and training by sex. Eurostat. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/t2020_40/default/table?lang=en (accessed: 20.03.2022).

13. Egan M. Governance and learning in the post-Maastricht era? / Michelle Egan // Journal of European Public Policy. — 2009. — 16(8). — P. 1244-1253.

14. Employment rate by sex, age group 20-64. Eurostat — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/t2020_10/default/table?lang=en (accessed: 20.03.2022).

15. ESIF 2014-2020: Implementation by country for European Social Fund - total cost of selection and spending as % of planned (bullet chart, excluding multi-thematic allocations). — URL: <https://cohesiondata.ec.europa.eu/funds/esf> (accessed: 20.03.2022).

16. ESIF 2014-2020: Total Budget by Theme (daily update): European Social Fund, EUR billion. — URL: <https://cohesiondata.ec.europa.eu/funds/esf> (accessed: 20.03.2022).

17. ESIF 2014-2020: Total cumulative EU payments by country (daily update): European Social Fund. — URL: <https://cohesiondata.ec.europa.eu/funds/esf> (accessed: 20.03.2022).

18. EU Action Plan for Social Economy. // ec.europa.eu. — URL: https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say/initiatives/12743-EU-action-plan-for-social-economy_ru (accessed: 20.03.2022).

19. Europe 2020. A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth. — URL: <https://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf> (accessed: 20.03.2022).

20. European Globalisation Adjustment Fund for Displaced Workers (EGF). // ec.europa.eu. — URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=326&langId=en> (accessed 20.03.2022).

21. European Health Union. Protecting the health of Europeans and collectively responding to cross-border health crises. // ec.europa.eu. — URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/promoting-our-european-way-life/european-health-union_en (accessed: 20.03.2022).

22. European Social Fund Plus. // ec.europa.eu. — URL: <https://ec.europa.eu/european-social-fund-plus/en/what-esf> (accessed: 20.03.2022).

23. Government expenditure on social protection. Eurostat. Statistic explained. February 2022. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Government_expenditure_on_social_protection#Expenditure_on_.27social_protection.27 (accessed: 20.03.2022).

24. Marks G. Structural policy and multi-level governance in the EC / Gary Marks // Cafruny A., Rosenthal G. (Eds). *The State of the European Community: The Maastricht Debate and Beyond* / Alan Cafruny, Glenda Rosenthal — Boulder, CO: Lynne Rienner. — 1993. — P. 391–411.

25. Marks G., Hooghe L., Blank K. European integration from the 1980s: state-centric v. multi-level governance / Gary Marks, Liesbet Hooghe, Kermit Blank // *Journal of Common Market Studies*. — 1996. — 34(3). — P. 341–378.

26. Moreno L. Social policy and multi-level govern(ment/ance) / Luis Moreno // Conference: Workshop on «Multi-level Government and Sub-National Inequalities: A Framework for the Comparative Study of the Structure and Consequences of Decentralized Social Policy Designs». — Graduate Center of the City University of New York. — 2016. — P. 9.

27. People at risk of poverty or social exclusion. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/t2020_50/default/table?lang=en (accessed: 20.03.2022).

28. Social protection receipts by type. Eurostat. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/SPR_REC_SUMT__custom_2325792/default/table?lang=en (accessed: 20.03.2022).

29. Tertiary educational attainment by sex, age group 30–34. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/t2020_41/default/table?lang=en (accessed: 20.03.2022).

30. The Committee of the Regions' White Paper on Multilevel Governance. // EUR-Lex. — URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/regi/dv/cdr89-2009_/cdr89-2009_en.pdf. (accessed: 21.03.2022).

31. The European Pillar of Social Rights in 20 principles. // ec.europa.eu. — URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/economy-works-people/jobs-growth-and-investment/european-pillar-social-rights/european-pillar-social-rights-20-principles_en (accessed: 20.03.2022).

32. The Single European Act // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Axy0027> (accessed: 22.03.2022).

33. Threlfall M. The Social Dimension of the European Union / Monica Threlfall // Global Social Policy, SAGE Publications. — 2007. — 7 (3). — P. 271-293.

34. Title 1. Categories and Areas of Union Competence. Article 2 A. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 // EUR-Lex — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT> (accessed: 22.03.2022).

35. Treaty establishing the European Coal and Steel Community // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A11951K%2FTXT> (accessed: 20.06.2022).

36. Treaty Establishing the European Economic Community and Related Instruments (EEC Treaty) // EUR-Lex — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11957E> (accessed: 20.06.2022).

37. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT>. (accessed: 21.03.2022).

38. Vanhercke B. Social policy in the European Union 1999-2019: the long and winding road / B. Vanhercke, D. Ghailani, S. Spasova, P. Pochet (eds.). Social policy in the European Union 1999-2019: the long and winding road. — European Trade Union Institute (ETUI) and European Social Observatory (OSE): Brussels, 2020. 230 p. — P. 15-18.

39. What is the ESF? // ec.europa.eu. — URL: <https://ec.europa.eu/esf/main.jsp?catId=35&langId=en> (accessed: 20.03.2022).

Балансирующее поведение малых государств Востока: взгляд вне рамок неореализма (на примере Монголии и Непала)

Кушхов Борис, Тютин Андрей
МГИМО

РЕЗЮМЕ

В настоящей статье предпринята попытка обобщить основные особенности балансирующего поведения малых государств. Объектом исследования выступает внешняя политика Монголии и Непала – двух схожих по многим параметрам буферных малых государств, для которых успешная реализация стратегии балансирования является гарантией сохранения политического и экономического суверенитета. При внимательном рассмотрении в политике указанных стран обнаруживаются отклонения от линии поведения, которую в условиях балансирования можно было бы считать рациональной с реалистской точки зрения. Несмотря на устойчивость основополагающих принципов внешней политики, действия указанных государств зачастую несут на себе отпечаток аффективного и традиционного типов поведения, а также внутривнутриполитической конъюнктуры, что приводит к выводу о необходимости включения внутринациональных (цивилизационных,

институциональных и пр.) переменных в процесс анализа и прогнозирования политики балансирования. Широкие возможности для синтеза теоретического и страноведческого знания даёт инструментарий, предлагаемый неоклассическими реалистами, которые, не отрицая значения внешних стимулов, делают упор на вмешательстве внутренних факторов (стратегическая культура, личные качества лидеров, политическая система, характер институтов и т.д.) в процесс принятия решений. На примере Монголии и Непала показывается, как понимание страновой и региональной специфики может существенно снизить вероятность ошибок в прогнозировании поведения стран. Кроме того, проясняется место «третьей силы / третьего соседа» в стратегии балансирования, оцениваются перспективы использования транзитного потенциала с точки зрения данной стратегии, демонстрируется возможность успешного балансирования в условиях неравновесности потенциалов конкурирующих центров силы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

балансирование; теория международных отношений; Непал; Монголия; малые государства.

Для связи с авторами: andrey-tyutin@rambler.ru

Balancing Behaviour of Non-Western Small States: Beyond Neorealism (Case-Study of Mongolia and Nepal)

Boris Kushkhov, Andrei Tiutin
MGIMO

ABSTRACT

This article attempts to summarise the main features of the balancing behaviour of small states. It focuses on the foreign policy of Mongolia and Nepal, two buffer small states, which are similar in many respects and for which the successful implementation of the balancing strategy is a guarantee of political and economic sovereignty. A close look at the policies of these two countries reveals deviations from what would be considered rational in the context of balancing from a realist point of view. Despite the durability of the underlying principles of their foreign policy, the actions of these countries often bear the imprint of affective and traditional types of behavior, as well as of the internal political situation, which leads to the conclusion that it is necessary to include domestic (civilizational, institutional, etc.) variables in the analysis and prognosis of balancing policy. The tools

offered by neoclassical realists, who, while not denying the importance of external stimuli, emphasise the interference of internal factors (strategic culture, personal qualities of leaders, political system, nature of institutions etc.) in the decision-making process, provide ample opportunities for the synthesis of theoretical and country-specific knowledge. The evidence from Mongolia and Nepal shows how understanding the realities of a country or region can significantly reduce the likelihood of errors in predicting the behavior of countries. In addition, the article clarifies the role of the “third force/third neighbor” in the balancing strategy, assesses the prospects for the use of transit potential for the purpose of this strategy, and demonstrates the possibility of successful balancing under the condition of asymmetry between competing centres of power.

KEYWORDS

balancing; international relations theory; Nepal; Mongolia; small states.

Contact the authors via andrey-tyutin@rambler.ru

ВВЕДЕНИЕ

Крушение биполярной системы международных отношений имело неоднозначные последствия для обширной группы малых государств. С одной стороны, были устранены препятствия для проведения ими действительно многовекторной внешней политики, что повысило их субъектность в мировой политике. С другой стороны, конкуренция между крупными центрами силы за влияние в малых странах не только не ослабла, но и приняла ещё более сложный характер. Фактически сегодня малые страны находятся перед той же внешнеполитической дилеммой, что и четыре десятилетия назад: согласиться с политическим и экономическим доминированием одной из претендующих на то держав или проводить неизбежно трудоёмкую политику по уравниванию претензий этой державы путём налаживания сотрудничества с другими центрами силы.

Особенность выбора стратегии в постбиполярный период заключается в том, что заключение жёстких военно-политических союзов стало весьма редким явлением. В сравнении с прошлыми веками сократилась и частота межгосударственных вооружённых конфликтов^[1]. В этих условиях можно говорить об изменении содержания понятий, в реалистской традиции описывающих альтернативы поведения государств, – балансирования и примыкания. Процесс секьюритизации новых сфер общественной жизни приводит к тому, что при выборе поведения соображения экономической, энергетической, финансовой, информационной безопасности играют не меньшую роль, чем оценки военно-

стратегической обстановки, а балансирование выражается не столько в выравнивании военных потенциалов за счёт формальных альянсов, сколько в диверсификации политических, торговых, инвестиционных, гуманитарных и других связей. В силу нового, более широкого наполнения стратегии балансирования у малых стран возникла «возможность балансирования не одного, а сразу двух конкурирующих центров силы»^[2].

Включение в стратегию государства невоенных соображений неизбежно имеет следствием более активное вмешательство внутренних, субнациональных факторов во внешнеполитический процесс. В этой связи вновь актуальной становится выдвинутая ещё в 1991 г. американским исследователем Стивеном Р. Дэвидом концепция «всестороннего балансирования» (omnibalancing)^[3], согласно которой равновесие достигается в отношении не только внешних сил (окружающих держав), но и внутренних – различных организованных и неорганизованных групп интересов. Уместно выдвинуть гипотезу, что неореалистская призма, предполагающая рассмотрение факторов международной структуры, не позволяет увидеть мотивы, которые заставляют малые государства отклоняться от на первый взгляд рационального (с реалистской точки зрения) типа поведения.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы выявить особенности балансирующего поведения малых (или, иными словами, «неспособных влиять на систему»^[4]) государств в эпоху, когда на смену угрозе подвергнуться военному уничтожению или поглощению на первое место вышли опасения утратить экономический суверенитет, с упором

[1] Uppsala Conflict Data Program. Department of Peace and Conflict Research: site. – URL: <https://ucdp.uu.se/encyclopedia>

[2] Скриба А.С. Политика балансирования на постсоветском пространстве: на примере Белоруссии и Украины : специальность 23.00.04 : дис. канд. полит. наук / Скриба Алексей Сергеевич ; науч. рук. А.И.Суздальцев ; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2015. – С. 42.

[3] David S. Explaining Third World Alignment / Steven R. David // World Politics. – 1991. – №43(2). – P. 233-256.

[4] Термин Р.Кохэйна. См. Keohane Robert O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics. / Robert O. Keohane // International Organization. – 1969. – №23(2).

на внутренние (цивилизационные, институциональные, конъюнктурные) предпосылки принятия того или иного решения. В качестве источников эмпирического материала для сравнительного кейс-стади использованы Монголия и Непал. Такой выбор обусловлен, во-первых, тем, что их «буферное» положение обеспечивает максимально «лабораторные» условия наблюдения за практикой балансирования в силу незначительного числа посторонних факторов. Ситуация, при которой страна физически располагается между двумя непосредственно примыкающими и конкурирующими центрами силы, а уравнивание влияния «гигантов» составляет суть её внешнеполитической деятельности, представляется наиболее благоприятной для исследования «абстрактного типа» балансирующих малых стран, что необходимо для теоретизации общих закономерностей данного процесса. Дальнейший анализ, с исследованием небуферных государств и внесением частных корректив в формируемые «исходные модели балансирования», представляется актуальным лишь после изучения наиболее конкретных и ярких примеров балансирующих стран, которыми и являются Монголия и Непал. Во-вторых, значительная схожесть внешних (географических, мирополитических) условий делает Монголию и Непал в высшей степени применимыми для сравнительного анализа: подобная выборка снижает круг факторов, которые могут быть выявлены в случае различия реакции двух стран на подобные импульсы. В-третьих, выбор пал в сторону этих двух государств из-за необходимости отразить уникальную специфику азиатского региона в целом: единственного места в современном мире, где великие державы непосредственно соприкасаются друг с другом своими государственными границами. Влияние

подобного условия на модели балансирования малых стран Азии, особенно находящихся в районе подобных «соприкосновений», представляется весьма существенным.

Теоретическую основу исследования составили наработки неоклассических реалистов, прежде всего в лице Гидеона Роуза^[5] и Рэндалла Швеллера^[6]. Данное направление располагает методологическим инструментарием для изучения «вмешивающихся», или промежуточных, переменных (*intervening variables*), – иными словами, страновой специфики, которая обуславливает иную реакцию государства на внешние стимулы, чем ту, что можно было бы ожидать, рассуждая в терминах неореализма.

ПОЛИТИКА БАЛАНСИРОВАНИЯ: ПРАКТИКА МАЛЫХ ГОСУДАРСТВ ВОСТОКА

Анализ выбранного странового материала строился по следующему плану. Прежде всего, были кратко охарактеризованы исторические предпосылки современного внешнеполитического положения Монголии и Непала. Затем выделены основные принципы осуществляемой ими стратегии (двойного) балансирования, а также её особенности, не укладывающиеся в неореалистскую логику. Особо выделены различия между монгольской и непальской практиками балансирования.

Монголия с XVI-XVII веков была де-факто изолирована от внешнего мира двумя соседними державами. Во время военных столкновений с одним из соседей, монголы не могли сбалансировать агрессию оппонента влиянием другого соседа: Русское царство не оказывало военной помощи Джунгарии, так как конструктивные отношения с Цинским Китаем несли государству неимоверно большие выгоды. Эта проблема

[5] Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy / Gideon Rose // World Politics. –1998. – Vol. 51, No. 1. – P. 144-172.

[6] Schweller R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back / Randall Schweller // International Security. –1994. – Vol. 19:1. – P. 72-107.

проявлялась у монголов и в 1920-е годы, когда Советский Союз пренебрегал интересами МНР в угоду своим отношениям с пекинским правительством Китая и Гоминьданом^[7], и в 1940-1950-е годы, когда уже Китай не желал участвовать в монгольском «поддержании баланса» по причине жизненной важности его отношений с СССР^[8].

Возможности обеспечения гармонии в отношениях с двумя соседними державами появилась у Монголии в 1990-е годы, когда в стране произошла «демократическая революция». Советский Союз, доселе определявший политический курс МНР, прекратил своё существование, а Китай пока ещё не обладал значительными экономическими ресурсами и проводил пассивно-благожелательную внешнюю политику^[9]. Не случайно именно на заре постбиполярного мира в Монголии была выработана собственная доктрина балансирования между двумя соседствующими державами, которая получила название «политика многоопорности».

Краеугольными камнями этой политики стали следующие принципы:

1. *Сохранение симметрии в своих отношениях с Россией и КНР и принципов «добрососедства» и «стратегического партнёрства»*^[10]. Предполагалось выстраивание отношений и с КНР, и с РФ по одному «образу и подобию». Реализация этого принципа прослеживается в основополагающих договорах об отношениях с Китаем и Россией (1993 и 1994 годов соответственно), где прописаны почти идентичные пункты. В целом, и практика официальных ви-

зитов в обе соседствующие державы отличается исключительной сбалансированностью: частота данных поездок и в Китай, и в Россию практически совпадает.

2. *Концепция третьего соседа*. В самой первой концепции внешней политики Монголии^[11] упоминается «развесовка» приоритетов «30% – Россия, 30% – Китай, 40% – третий сосед (развитые страны Запада, Япония, Южная Корея)». Такая развесовка предполагала сдерживание влияния России и Китая на страну, и была призвана компенсировать её географическую замкнутость. Базой отношений с третьим соседом должны были стать торговля и инвестиции, однако большое внимание уделялось и культурно-идеологическому диалогу – Монголия стремилась быть частью мирового сообщества, в котором на то время доминировали Соединённые Штаты и западные ценности. Апогеем такой политики стало участие монгольского контингента в антииракской коалиции в 2003 году, осуждённой обоими соседями страны.

3. *Активное участие в международных организациях*. Эксперты предполагали, что роль международных организаций будет стремительно расти на рубеже XX-XXI веков. Монголия заявила о себе как об активном члене ООН, инициативно участвуя в работе Генеральной Ассамблеи и регулярно отправляя своих военнослужащих на миротворческие операции под эгидой организации. Также страна наладила устойчивый диалог с НАТО, ОБСЕ, а позже – и с ЕС. Таким образом, можно наблюдать стремление «географически зажатой»

[7] Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.) / С.К. Рошин. – М.: Институт Востоковедения РАН, 1999. – С.142.

[8] Болд Р. Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США–Россия–Китай, 1910–1973 / Р. Болд. – М.: Весь мир, 2015. – С. 239.

[9] Ставров И.В. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия в стратегии социально-экономического развития провинции Хэйлуцзян / И.В. Ставров // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2017. – №2 (79). – С. 40–49.

[10] Россия и Монголия на пути стратегического партнёрства. Коллективная монография группы российских и монгольских авторов. – М.: Институт востоковедения РАН, 2011. – С.11.

[11] Там же, с. 10.

Монголии наладить диалог с глобальными и внерегиональными организациями.

4. *Демократическая политическая система* как защита от «сателлитизма» монгольских политических кругов тем или иным державам. Формирование демократической модели во внутренней политике, многопартийность, а также широкие полномочия парламента (Великого Хурала)^[12] сыграли важную роль в достижении баланса между Россией и Китаем. Очевидно, что подобная представительская система выражает интересы широких слоёв населения и меньше подвержена влиянию держав и ориентированных на них политиков, преследующих свои личные интересы.

5. *Безъядерный и нейтральный статус страны.* Немаловажным инструментом обеспечения баланса является безъядерный и нейтральный статус Монголии. Положение о размещении на территории государства обычного и ядерного оружия какой-либо страны зафиксировано в Конституции Монголии 1992 года^[13]. Международное сообщество в лице ГА ООН широко поддержало эту идею монгольского руководства. Благодаря данному решению, Россия и Китай чувствуют безопасность, исходящую как друг от друга, понимая, что соседняя держава не сможет улучшить свои военные и стратегические позиции в регионе за счёт Монголии, так и от третьих, внерегиональных стран (хотя, в силу географической изоляции Монголии, такая угроза и ранее была неактуальна).

Таким образом, «стратегия многоопорности» представляет собой доктринальный ответ Монголии на необходимость обеспечения баланса между двумя соседними державами и включает в себя (прямо или косвенно) такие пункты, как симметрия в отношениях с

Китаем и Россией, принцип добрососедства в отношении с ними, приоритет развития связей со странами Запада, инициативное участие в работе международных организаций, нейтральный и безъядерный статус страны, а также демократическую политическую систему, защищенную от всевозможных «лобби». По большей части, эта концепция учитывает теоретические наработки неоклассической школы ТМО.

Таковой в начале-середине 1990-х годов представлялась внешняя политика Монголии в новую, постбиполярную эпоху. До сих пор ни в общественно-политических, ни в научных кругах страны не было предпринято попытки переосмысления данных принципов: можно с уверенностью говорить об их исключительной значимости и для современной Монголии. Тем не менее при рассмотрении отдельных событий и мероприятий во внешней политике Монголии в период с середины 90-х годов до нашего времени, становится понятным и то, что эти принципы довольно часто нарушаются и государство действует вразрез как с теоретическими построениями классиков ТМО, так и со своим собственным восприятием их концепций в виде «стратегии многоопорности»:

1. *Случаи дискриминации китайских подрядчиков на государственных тендерах в пользу таковых из других стран.* При очевидно более выгодных условиях, которые предлагает китайская сторона, правительство часто заключает контракты с фирмами из других стран. Примером этого являются «зелёные коридоры» для западных инвесторов, ограничивающие распространение китайского инвестиционного влияния. От подобных «регулирующих» мероприятий пострадали Китайская Алюминиевая Компания,

[12] Тувшинтогс А. Хуйтэн дайны дараах монголын аюулгүй байдлын гадаад орчин (судалгааны бүтээлийн туувэр) / А.Тувшинтогс. – Улан-Батор: Национальная академия разведки Монголии, 2012. – С.54.

[13] Балдоо Б. Монгол улс, Зуун хойт Ази: улс тор-аюулгүй байдал, эдийн засаг, соёлын хамтын ажиллагаа. Монгол улсын гадаад харилцаа: Туух, орчин Үе / Б. Балдоо. – Улан-Батор: Академия Наук Монголии, 2018. – С.13.

и China *Shenhua Energy*, и *PetroChina*^[14]. Эта «девиация» является яркой иллюстрацией конфликта между принципами «приоритета третьего соседа» и «добрососедских отношений». Укрепляя позиции внерегиональных стран в своей экономике, Монголия часто лишается многих экономических выгод и вредит своим отношениям с Китаем, теряя многое в экономической сфере и не приобретая ничего значительного в политической.

2. *Конфликт вокруг будущего Улан-Баторской Железной Дороги (УБЖД)*. Симметрия в отношениях с соседями упирается в выбор колеи одного из них. Проблема УБЖД беспокоит Россию, Китай и Монголию уже многие годы. Построенная в 1950-е годы Трансмонгольская железнодорожная магистраль значительно устарела и едва отвечает требованиям современных перевозок^[15]. Но её модернизация упирается в два весьма неудобных вопроса. Первый – какая колея будет выбрана для новых путей – российская или китайская^[16]. Второй – как будут распределены акции обновленной железной дороги. Россия настаивает на статус-кво и сохранении за собой контрольного пакета акций в 50%, Монголия же, относя УБЖД к числу своих стратегически важных предприятий, считает нужным получить 51%. Таким образом, любой исход данной ситуации приведёт к определённому нарушению принципа «симметричности отношений с соседями».

3. *Уклонение Монголии от участия в ШОС и ЕАЭС*. Несмотря на неоднократные предложения, поступавшие от соседей, равно как и на общее

стремление страны активнее участвовать в работе международных организаций, монгольское руководство уклоняется от вступления в ШОС и ЕАЭС. Это нежелание объясняется опасением попасть под ещё большее влияние своих соседей. Тем не менее подобные организации, наоборот, могли бы расширить вовлеченность Монголии в региональные политические процессы.

4. *Визит Далай-Ламы как патриотическое решение в ущерб балансу*. Богатая историческая память монголов, особое национальное самосознание и сильная религиозная традиция зачастую перевешивают любые теоретические построения и ожидания. Так, в 2017 году в Монголию состоялся визит Далай-Ламы XIV^[17], которого китайские власти рассматривают как «правителя Тибета в изгнании» или же «лидера тибетских сепаратистов». Естественно, подобный шаг монгольского руководства возмутил китайских политиков и значительно обострил отношения двух стран более чем на год. Это решение иллюстрирует перевес культурно-религиозных и исторических традиций над современной внешнеполитической конъюнктурой и необходимостью обеспечения баланса.

5. *Продажа Горно-обогатительного Комбината «Эрдэнэт» и другие коррупционные сделки*. Одной из принципиальных проблем монгольской политической системы являются коррупция и землячество. Именно эти проблемы заявляют о себе при заключении различных сделок по ключевым объектам монгольской экономики. Так, продажа российской доли ГОК «Эрдэнэт» и «МонголРосЦветМет» в 2016

[14] Макаров А.В. Внешнеэкономические отношения Монголии на современном этапе / А.В. Макаров, Е.В. Макарова, А.Б. Андреев // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – №7. – С. 82–89.

[15] Баясах Ж. Монгол Улс, БНХАУ-ын харилцаа: Стратегийн туншлэлээс иж бурэн стратегийн туншлэлийн зугт. Монгол улс ба хорш орны гадаад бодлого (эмхэтгэл) / Ж. Баясах. – Улан-Батор: Академия Наук Монголии, 2015. – С. 102.

[16] Бэгзжав Л. Современные монголо-китайские отношения на этапе стратегического партнёрства. Россия, Китай и Монголия: вместе навстречу вызовам современности. Материалы III Международного научного форума / Л. Бэгзжав. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2013. – С. 51.

[17] Грайворонский В.В. Китайский мега-проект «Экономический пояс Шелкового пути»: место и роль Монголии / В.В. Грайворонский // Восточная аналитика. – 2018. – №3. – С. 51–64.

году госкорпорацией «Ростех» Монголии^[18] обернулась крупнейшим коррупционным скандалом за всю современную историю страны. Вместо продажи приобретенной доли иностранным инвесторам в логике «политики третьего соседа», монгольские чиновники из Демократической Партии продали большую долю акций своим собственным офшорам, выдавая их за внешних покупателей^[19].

6. *Асимметричность в торгово-экономических отношениях Монголии с РФ и КНР.* Китай, несмотря на стремление монголов обеспечивать «баланс», тотально доминирует во внешней торговле страны: так, более 90% монгольского экспорта направляется в Китай^[20]. Россия же занимает только 13% в торговом обороте Монголии и лишь несколько процентов её экспорта^[21].

Подобно Монголии, **Непал** исторически в силу географического фактора имел весьма ограниченный простор для внешнеполитического маневрирования. О начале процесса формирования Непальского государства в том виде, в котором оно известно сегодня, можно говорить начиная с середины XVIII в., когда Горкха – одно из многочисленных существовавших тогда княжеств южного склона Центральных Гималаев – под руководством Притхви Нараяна Шаха (годы правления 1743-1775) приступило к военной экспансии, приведшей к «объединению различных этносоциальных структур»^[22]. По мере преодоления раздробленности к непальской правящей элите приходило осознание непростого геополитического положения

Непала, что нашло отражение в «Божественном поучении» Прихви Нараяна Шаха: «Эта страна [Непал – прим. авт.] подобна ямсу, зажтому между двух валунов. Поддерживайте дружбу с императором Китая. Дружите и с императором южного моря [речь идёт об Ост-Индской компании, уже закрепившейся к тому времени на южноазиатском субконтиненте – прим. авт.]]»^[23]. Выразительным примером балансирования стала политика мухтияра (де-факто правителя страны) Бхимсены Тхапы (1806 – 1837), при котором «непальцы демонстрировали свою зависимость от Компании перед Китаем и зависимость от Китая перед англичанами»^[24] и пытались (безуспешно) заключить антианглийский союз как с независимыми индийскими княжествами, так и с Бирмой, Ираном и Афганистаном. После установления в 1846 г. режима «ранакратии» (более ста лет страной фактически руководило семейство Рана) Непал попадал во всё большую зависимость от Британии. Вплоть до середины XX века Непал не имел возможности проводить самостоятельную внешнюю политику.

Принципиальное отличие Непала от Монголии состоит в том, что крушение биполярной системы не имело сколько-нибудь серьёзных последствий для страны и не стало вехой в истории её внешней политики. Основные параметры внешней политики Непала определились к середине 1950-х гг., и коренных изменений с тех пор не произошло. На протяжении почти семидесяти лет реальность международного положения Непала состоит в следующем: (1) экономическое доминирование

[18] «Ростех» продал 49% акций «Эрдэнэта» Монгольской медной корпорации. – Ростех: официальный сайт. – 30.06.2016. – URL: <https://rostec.ru/news/4518501/>

[19] Загадочная продажа монгольского рудника Эрдэнэт. – The Diplomat: site. – 09.07.2016. – URL: <https://thediplomat.com/2016/07/the-mysterious-sale-of-mongolias-erdenet-mine/>

[20] Макаров А.В. Внешнеэкономические отношения Монголии на современном этапе / А.В. Макаров, Е.В. Макарова, А.Б. Андреев // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – №7.

[21] Ibid. – С. 35.

[22] Термин И.Б. Редько.

[23] Stiller L.F. Prithwinarayan Shah in the Light of Diba Upadesh. / L.F. Stiller. – Kathmandu, 1968. – P. 38-46.

[24] Ледков А.А. История Непала. XX век. / А.А. Ледков, С.И. Лунёв. – М.: Институт востоковедения РАН, 2011. – С. 55.

Индии, что в свою очередь даёт ей рычаги для политического давления; (2) соседство с Китаем, соперничающем с Индией на глобальном и региональном уровнях; (3) вмешательство соседних стран во внутривнутриполитический процесс Непала; (4) слабый интерес внерегиональных субъектов международных отношений к взаимодействию с Непалом, за исключением вопросов, связанных с оказанием гуманитарной помощи и помощи развитию.

Внешнеполитический процесс в Непале характеризуется множеством проблем^[25] и, прежде всего, отсутствием стратегического видения. В 2020 г. была подготовлена и опубликована первая в истории страны Концепция внешней политики, впрочем, по преимуществу констатирующая уже давно известные направления сотрудничества, проблемы и тенденции. Тем не менее практика как минимум последних трёх десятилетий позволяет выделить некоторые основополагающие черты балансирующего поведения.

1. *Стремление поддерживать дружественные отношения с обеими соседними странами, избегая обострения спорных вопросов.* «Концепция внешней политики 2020» предписывает «расширять и укреплять двусторонние отношения со всеми дружественными странами, включая страны-соседи, на основе суверенного равенства, взаимного уважения и взаимной выгоды», этот же пункт указан как цель №1 внешней политики^[26]. В период существования панчаятской

системы (альтернативная парламентской четырёхуровневая политическая система, существовавшая в Непале с 1962 по 1990 гг. и выражавшаяся на практике в сосредоточении большинства полномочий в руках короля) курс Непала определялся как «равноудалённость», а уже после 1990 г. получил распространение термин «равноприближённость»^[27]. На практике это выражается, например, в закрепившейся дипломатической традиции, в соответствии с которой лидер Непала свои первые два визита наносит в Дели и Пекин^[28].

2. *Использование противоречий между соседними странами в целях самосохранения.* Отмечается, что в период панчаятской системы «правлящие круги Непала рассматривали отношения с Китаем в качестве гарантии от поглощения страны южным соседом»^[29]. В настоящее время сценарий «поглощения» представляется маловероятным, однако противодействие вмешательству во внутренние дела с помощью угроз совершить разворот в сторону другого соседа по-прежнему можно считать чувствительным инструментом в руках Непала. Его применение не всегда приводило к желаемым результатам: в 1989 – 1990 гг. КНР не оказало какой-либо заметной дипломатической поддержки находившемуся под беспрецедентным экономическим давлением со стороны Индии Непалом. С другой стороны, реакцией на топливный кризис конца 2015 – начала 2016 гг.^[30] стало заключение Непалом и Китаем Соглашения о транзите и транспортном

[25] Adhikari I. Nepalko parrashtra niti: karyanvayanma chunauti / Naya Patrika: site. – 22 Poush 2077. – URL: <https://www.nayapatrikadaily.com/news-details/57531/2020-12-29>

[26] Nepalko parrashtra niti 2077 (Внешняя политика Непала 2020). – Ministry of Foreign Affairs: official site. – Nepal. – 2020. – URL: <https://mofa.gov.np/wp-content/uploads/2020/12/परराष्ट्र-नीति-२०७७.pdf>

[27] Baral Bhim Nath. Changing Dynamics of Nepalese Foreign Policy: Patterns and Trends. / Bhim Nath Baral // Journal of Political Science. – 2018. – Vol. 18. – P. 25-45.

[28] Премьер-министр Непала Пушпа Камал Дахал «Прачанда» (2008 – 2009; 2016 – 2017) нарушил традиционный порядок, посетив сначала КНР. См. Niskiye 'Prachanda' Bharat bhramanma, aakhir ke ke chhan ejenda? / Kusenews. – 7 сентября 2017. – URL: <https://kusenews.com/2018/09/07/निस्कि-प्रचण्ड-भारत-भ्रम/>

[29] Лунев С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия / С.И. Лунев. – М.: Юрайт, 2019. – 304 с.

[30] Там же.

сообщении, призванного сократить зависимость гималайского государства от индийских портов. Таким образом запускается механизм раскручивания конкуренции между соседями Непала, который извлекает из обостряющегося внимания крупных держав экономическую выгоду. Успешность использования данного инструмента определяется в первую очередь состоянием отношений между Индией и Китаем: их осложнение (но не переходящее во враждебность) повышает вероятность успешного «выторговывания» преимуществ малым государством.

3. *Курс на нейтралитет.* Непал в военно-политическом отношении не примыкает ни к более, ни к менее сильному соседу даже в условиях кардинального изменения расстановки сил (например, после индийско-китайской войны 1962 г.). Оригинальное концептуальное оформление стремление к нейтралитету получило в предложении (1975 г.) короля Бирендры объявить Непал «зоной мира»^[31]. Предложение нашло понимание у более чем ста государств, и, хотя с упразднением панчатской системы от идеи международного признания такого статуса отказались, представление о необходимости сохранения негативного и позитивного нейтралитета остаётся.

Как и в случае с Монголией, основополагающие — как писанные, так и неписанные — постулаты политики балансирования Непала своеобразно преломляются на практике. По большей части подобные «отклонения» проистекают из цивилизационных, институциональных, социальных характеристик внешнеполитического процесса в Непале (внутренних факторов) и лишь некоторые — из особенностей структуры региональной

подсистемы, развития сопредельных центров силы, поведения великих и региональных держав (внешних факторов). В частности, заслуживают внимания следующие особенности:

- Несмотря на видимые сходства в геополитическом положении с Монголией, в Непале на концептуальном уровне не выкристаллизовались понятия «третьего соседа», «третьей силы», «многоопорности» и пр. Это обстоятельство вполне объяснимо. Помимо того, что поиск третьей опоры не упоминается в завещании Притхви Нараяна Шаха, которое до сих пор пользуется почти непререкаемым авторитетом, Непал на протяжении долгого времени не представлял особенного интереса для стран за пределами ближайшего соседства. Во-первых, по сравнению с Монголией страна обладает намного более скудным ресурсным потенциалом. Во-вторых, хотя с 1991 г. страна имеет демократическую форму правления, неизменно взрывоопасная внутриполитическая обстановка, усугубляемая «всепроникающей»^[32] коррупцией, подрывает доверие к Непалу как контрагенту. В-третьих, многие страны остерегаются открыто обозначать своё экономическое и политическое присутствие в Непале из опасений вызвать недовольство Индии и — в последнее время всё заметнее — Китая. В этих условиях, накладывавшихся на ограниченный внешнеполитический кругозор непальского руководства, международные контакты лидеров Непала были редки; активный дипломатический обмен шёл только с Индией и Китаем. Вместе с тем всё вышесказанное не означает, что присутствие «третьих сил» в Непале было незаметным: традиционно одними из крупнейших доноров для Непала являются США и Великобритания, с 1980-х гг. в их число вошла и Япония^[33]. Знаковым событием стала ратификация непальским парламентом в марте

[31] Лунев С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия / С.И. Лунев. — М.: Юрайт, 2019. — 304 с.

[32] UK should cut aid to Nepal if «endemic» corruption persists: report. — Reuters: site. — 27.03.2015. — URL: <https://www.reuters.com/article/us-britain-nepal-aid-corruption-idUSKBNOMN00F20150327>

[33] Лунев С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия / С.И. Лунев. — М.: Юрайт, 2019. — 304 с.

2022 г. соглашения, заключённого ещё в 2017 г. с американской государственной корпорацией *Millennium Challenge*. Вызвавшее массовые протесты левых сил (и Китая) соглашение предусматривает предоставление Непалу гранта размером в 500 млн долл. для развития инфраструктуры^[34]. Начиная со второй половины 2010-х гг., растёт дипломатическая активность страны^[35]. Развитие всесторонних экономических связей со странами из-за пределов непосредственного соседства – своевременное дополнение к политике балансирования в условиях преобладания Индии и Китая в экономических связях Непала.

- *Очевидный вред политике двойного балансирования наносят периодические проявления провокационного поведения в отношении Индии.* Индийско-непальские отношения по-прежнему определяются наличием т.н. комплексов «старшего» и «младшего брата» соответственно. Антииндийские настроения глубоко укоренены в отдельных сегментах непальского общества, включая средний класс и национальный капитал, которые считают себя терпящими убытки от либерализации торговли с Индией. Распространённым лозунгом со времён «блокады» 2015 г. стал хештег «Индия, прочь!» (#BackoffIndia). Время от времени эти настроения выходят на уровень государственной политики или по меньшей мере находят понимание у субъектов принятия политических решений. В ноябре 2019 г. непальский парламент пошёл на обострение

продолжительное время не поднимавшегося пограничного спора с Индией^[36]. Антииндийские выпады нельзя назвать издержкой современной демократической формы правления: в период «управляемой» панчаятской системы провокационные действия непальских властей были намного более частыми.

- *Балансирование между Индией и Китаем не подразумевает полного равенства в политическом и экономическом взаимодействии Непала с каждым из соседей.* Так, доля Индии во внешнеторговом обороте Непала достигает от 57% (экспорт) до 65% (импорт)^[37], в объёме накопленных инвестиций – более 30% (против 16% у Китая)^[38]. Высока и интенсивность трансграничного движения рабочей силы между Индией и Непалом. В то же время с 2014 г. КНР стала опережать Индию по объёмам предоставляемой Непалу помощи развитию, причём в 2018/19 ф.г. разрыв стал почти двукратным^[39]. Суть состояния баланса заключается в том, что как Индия, так и Китай опасаются резкого изменения соотношения потенциала в пользу противоположной стороны. Сохранение статус-кво или его подрыв будет в значительной мере зависеть от реализации инфраструктурных проектов той и другой стороной. В то время как Непал мог бы укрепить свою балансирующую позицию, став страной-транзитёром, этому препятствует (как и в случае с модернизацией УБЖД) различная ширина колеи в Индии и Китае.

[34] Biswas Baral. Nepal's Fierce MCC Debate. – The Diplomat: site. – 08.02.2022. – URL: <https://thediplomat.com/2022/02/nepals-fierce-mcc-debate/>

[35] Bhattarai Kamal Dev. Nepal Finally Looks Beyond India and China. – The Diplomat: site. – 21.12.2018. – URL: <https://thediplomat.com/2018/12/nepal-finally-looks-beyond-india-and-china/>

[36] Karki Brabim. Amid Dispute With India, Nepal Publishes New Political Map: What Now? – The Diplomat: site. – 22.05.2020. – URL: <https://thediplomat.com/2020/05/amid-dispute-with-india-nepal-publishes-new-political-map-what-now/>

[37] Nepal Trade Summary 2017 Data. – World Integrated Trade Solution: site. – URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/NPL/Year/LTST/Summary>

[38] A Survey Report on Foreign Direct Investment in Nepal (2019/20). – Nepal Rastra Bank: site. – URL: https://www.nrb.org.np/contents/uploads/2021/09/FDI-2019-20_September-2021.pdf#:~:text=The%20survey%20shows%20stock%20of,percent%20and%2011.8%20percent%20respectively.

[39] Wagle Achyut. Nepal's Economic Development: Regional Geopolitical Considerations / Edited by Chandra D. Bhatta and Jonathan Menge // *Gaida's Dance with Tiger and Dragon*. – Friedrich-Ebert-Stiftung Nepal Office, 2021.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА: ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

По итогам исследования можно утверждать о необходимости обогащения реалистского понимания балансирования через учёт страновой и региональной специфики. Корректным представляется тезис реалистов-неоклассиков о значительной роли внутренних политических и социальных факторов в процессе принятия внешнеполитических решений, в особенности в малых государствах. Первенство внешних факторов во внешней политике малых государств было подвергнуто критике ещё в 1990-х гг.^[40], и исследованный страновой материал подтвердил обоснованность этой критики. В частности, такие характерные для стран Востока внутриполитические факторы, как наличие интересов отдельных социальных групп, элитизм, коррупция, землячество, кумовство, заставляют малые государства действовать нерационально и отклоняться от «общепринятой» логики балансирования. Таким образом, прогнозирование политики балансирующих государств должно учитывать широкое распространение аффективного и традиционного типов поведения в незападных странах. Поведение даже буферных государств не допускает абсолютизации логики балансирования.

Опыт Монголии и Непала наглядно показывает, что *поиск третьей силы для малого государства может являться не основой всего балансирования, а лишь вспомогательным инструментом поддержания (двойного) равновесия*. Даже такая страна как Монголия, зажата между РФ и КНР, может уравнивать третьими странами усиление одной из держав, при этом поддерживая исключительно дружественные отношения с каждой из них. У «небуферных» малых

государств имеются ещё более благоприятные условия для реализации подобной практики. Помимо этого, вовлечение третьих сил в азиатских политических реалиях может являться дополнительным препятствием для силового изменения статус-кво соперничающими центрами силы. Опыт Монголии и Непала также иллюстрирует ограниченность использования транзитного потенциала в качестве элемента политики балансирования, исключая его восприятие в качестве «универсального средства». В не-Западной части мира уровень технической стандартизации слаб, что препятствует согласованию транзитных проектов любыми державами, заинтересованными в их реализации.

Обращает на себя внимание тот факт, что *балансирование малого государства возможно даже в условиях сильного диспаритета в уровне его зависимости от разных центров силы*. Так, и Монголия, и Непал обеспечивают балансирование даже несмотря на абсолютное неравенство позиций двух соседних держав в их экономике: в частности, экономическое доминирование Китая в Монголии и Индии – в Непале при существенно более слабых позициях России и Китая в соответствующих случаях.

Выявленные в исследовании закономерности призваны подкрепить существующие теоретические построения реальными примерами из практики стран Востока, равно как и дать импульс изучению более частных аспектов, которые невозможно отразить в универсальной теории. Всё это, вне всяких сомнений, повысит объяснительный и прогностический потенциал изучения политики балансирования. Дальнейшим этапом данного исследования представляется изучение «небуферных» стран, которые могут использовать больше внешнеполитических инструментов для поддержания баланса. Их опыт определённо

[40] Elman M.F. The Foreign Policies of Small States: Challenging Neorealism in Its Own Backyard. / M.F. Elman // British Journal of Political Science. – 1995. – 25 (2). – P. 171-217.

обогатит и дополнит выработанные в данном исследовании тезисы.

Дальнейшее изучение проблемы балансирования малых государств, равно как и изучение механизма принятия ими

внешнеполитических решений, представляет большой интерес и для Российской Федерации, у которой есть возможность освоить новые рынки сбыта и объекты приложения инвестиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балдоо Б. Монгол улс, Зуун хойт Ази: улс тор-аюулгуй байдал, эдийн засаг, соёлын хамтын ажиллагаа. Монгол улсын гадаад харилцаа: Туух, орчин Үе / Б. Балдоо. – Улан-Батор: Академия Наук Монголии, 2018. – 682 с.
2. Баясах Ж. Монгол Улс, БНХАУ-ын харилцаа: Стратегийн туншлэлээс иж бурэн стратегийн туншлэлийн зугт. Монгол улс ба хорш орны гадаад бодлого (эмхэтгэл) / Ж. Баясах. – Улан-Батор: Академия Наук Монголии, 2015. – 571 с.
3. Болд Р. Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США–Россия–Китай, 1910–1973 / Р. Болд. – М.: Весь мир, 2015. – 400 с.
4. Бэгзжав Л. Современные монголо-китайские отношения на этапе стратегического партнёрства. Россия, Китай и Монголия: вместе навстречу вызовам современности. Материалы III Международного научного форума / Л. Бэгзжав. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2013. – 224 с.
5. Грайворонский В.В. Китайский мега-проект «Экономический пояс Шелкового пути»: место и роль Монголии / В.В. Грайворонский // Восточная аналитика. – 2018. – №3. – С. 51–64.
6. Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике / И. А. Истомин. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 296 с.
7. Ледков А.А. История Непала. XX век. / А.А. Ледков, С.И. Лунёв. – М., Институт востоковедения РАН, 2011. – 382 с.
8. Лунев С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия / С.И. Лунев. – М.: Юрайт, 2019. – 304 с.
9. Макаров А.В. Внешнеэкономические отношения Монголии на современном этапе / А.В. Макаров, Е.В. Макарова, А.Б. Андреев // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – №7. – С. 82–89.
10. Россия и Монголия на пути стратегического партнёрства. Коллективная монография группы российских и монгольских авторов. – М.: Институт востоковедения РАН, 2011. – 440 с.

11. Рощин С.К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.) / С.К. Рощин. – М.: Институт Востоковедения РАН, 1999. – 326 с.
12. Ставров И.В. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия в стратегии социально-экономического развития провинции Хэйлунцзян / И.В. Ставров // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2017. – №2 (79). – С. 40–49.
13. Тувшинтогс А. Хуйтэн дайны дараах монголын аюулгүй байдлын гадаад орчин (судалгааны бүтээлийн туувэр) / А.Тувшинтогс. – Улан-Батор: Национальная академия разведки Монголии, 2012. – 468 с.
14. Adhikari I. Nepalko parrashtra niti: karyanvayanma chunauti / Naya Patrika: site. – 22 Poush 2077. – URL: <https://www.nayapatrikadaily.com/news-details/57531/2020-12-29> (Дата обращения: 25.03.2022)
15. Baral Bhim Nath. Changing Dynamics of Nepalese Foreign Policy: Patterns and Trends. / Bhim Nath Baral // Journal of Political. Science. – 2018. – Vol. 18. – PP. 25–45.
16. Cottam R.W. Foreign Policy Motivation: A General Theory and a Case Study / R.W.Cottam. – Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 1977. – 374 p.
17. Efremova K. Small States in Great Power Politics: Understanding the «Buffer Effect» / Ksenia Efremova // Central European Journal of International and Security Studies. – 2019. – Vol. 13, №1. – PP. 100–121.
18. Elman M.F. The Foreign Policies of Small States: Challenging Neorealism in Its Own Backyard. / M.F.Elmán // British Journal of Political Science. – 1995. – 25 (2) – PP. 171–217.
19. Gaida's Dance with Tiger and Dragon / Edited by Chandra D. Bhatta and Jonathan Menge. – Friedrich-Ebert-Stiftung Nepal Office, 2021. – 239 p.
20. Gokhale V. India's Fog of Misunderstanding Surrounding Nepal-China Relations. / V. Gokhale // Carnegie India: site. – 04.10.2020. – URL: <https://carnegieindia.org/2021/10/04/india-s-fog-of-misunderstanding-surrounding-nepal-china-relations-pub-85416> (Дата обращения: 25.03.2022).
21. Hey J.A.K. Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behavior / J.A.K. Hey. – Lynne Rienner Publications, 2003. – 230 p.
22. Keohane R.O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics. / R. O. Keohane // International Organization. – 1969. – №23(2). – PP. 291–310.

23. Nepalko parrashtra niti 2077. – Ministry of Foreign Affairs of Nepal: site. – URL: <https://mofa.gov.np/wp-content/uploads/2020/12/परराष्ट्र-नीति-२०७७.pdf> (Дата обращения: 25.03.2022)

24. Niskiye Prachand Bharat bhramanma: aakhir ke ke chhan ejenda? / Kusenews: site. – 22 Bhadr 2074. – URL: <https://kusenews.com/2018/09/07/निस्किए-प्रचण्ड-भारत-भ/> (Дата обращения: 25.03.2022)

25. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy / Gideon Rose // World Politics. – 1998. – Vol. 51, No. 1. – PP. 144-172.

26. Schweller R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back / R. Schweller // International Security. – 1994. – Vol. 19:1. – PP. 72-107.

27. Stiller L.F. Prithwinarayan Shah in the Light of Dibya Upadesh. / L.F. Stiller. – Kathmandu, 1968. – 74 p.

REFERENCES

1. Adhikari I. Nepalko parrashtra niti: karyanvayanma chunauti [Foreign Policy of Nepal: Challenges in Its Implementation] / Naya Patrika: site. – 22 Poush 2077. – URL: <https://www.nayapatrikadaily.com/news-details/57531/2020-12-29>

2. Baldoo B. Mongol uls, Zuun hojt Azi: uls tor-ayulguj bajdal, edijn zasag, soyolyn hamtyn azhillaga. Mongol ulsyn gadaad harilcaa: Tuuh, orchin Ye [The National Security of Mongolia: Economic, Political and Cultural Cooperation in Asia.] / B. Baldoo. – Ulan-Bator: Akademiya Nauk Mongolii, 2018. – 682 p.

3. Baral Bhim Nath. Changing Dynamics of Nepalese Foreign Policy: Patterns and Trends. / Bhim Nath Baral // Journal of Political. Science. – 2018. – Vol. 18. – P. 25-45.

4. Bayasah ZH. Mongol Uls, BNHAU-yn harilcaa: Strategijn tunshlelees izh bureн strategijn tunshlelijn zugt. Mongol uls ba horsh orny gadaad bodlogo (emhetgel) [The Relations Between Mongolia and China: On the Way to Strategic Partnership. Mongolia and the Foreign Policy of Neighboring Countries. Digest of Articles] / ZH. Bayasah. – Ulan-Bator: Akademiya Nauk Mongolii, 2015. – 571 p.

5. Begzhav L. Sovremennye mongolo-kitajskie otnosheniya na etape strategicheskogo partnyorstva. Rossiya, Kitaj i Mongoliya: vmeste navstrechu vyzovam sovremennosti. Materialy III Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma [Contemporary Mongolian-Chinese Relations at the Stage of Strategic Partnership. Russia, China and Mongolia Together Facing Modern Challenges. Materials of the 3rd International Scientific Forum] / L. Begzhav – М.: Institut Vostokovedeniya RAN, 2013. – 224 p.

6. Bold R. Nezavisimost' i priznanie. Mongoliya v treugol'nike interesov: SSHA–Rossiya–Kitaj, 1910–1973 [Independence and Recognition. Mongolia in the Triangle of Interests: USA-Russia-China, 1910-1973] / R. Bold. – M.: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2015. – 400 p.
7. Cottam R.W. Foreign Policy Motivation: A General Theory and a Case Study / R.W.Cottam. – Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 1977. – 374 p.
8. Efremova K. Small States in Great Power Politics: Understanding the «Buffer Effect» / Ksenia Efremova // Central European Journal of International and Security Studies. – 2019. – Vol. 13, №1. – P. 100-121.
9. Elman M.F. The Foreign Policies of Small States: Challenging Neorealism in Its Own Backyard / M.F.Elmán // British Journal of Political Science. – 1995. – 25 (2). – P. 171–217.
10. Gaida's Dance with Tiger and Dragon / Edited by Chandra D. Bhatta and Jonathan Menge. – Friedrich-Ebert-Stiftung Nepal Office, 2021. – 239 p.
11. Gokhale Vijay. India's Fog of Misunderstanding Surrounding Nepal-China Relations. / Vijay Gokhale // Carnegie India: site. – 04.10.2020. – URL: <https://carnegieindia.org/2021/10/04/india-s-fog-of-misunderstanding-surrounding-nepal-china-relations-pub-85416>
12. Grajvoronskij V.V. Kitajskij mega-proekt «Ekonomicheskij poyas SHeikovogo puti»: mesto i rol' Mongolii [Chinese Mega Project One Belt One Road: the Role of Mongolia] / V.V. Grajvoronskij // Vostochnaya analitika. – 2018. – №3. – PP. 51–64.
13. Hey J.A.K. Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behavior. / J.A.K. Hey. – Lynne Rienner Publications, 2003. – 230 p.
14. Istomin I.A. Logika povedeniya gosudarstv v mezhdunarodnoj politike [The Logic of States' Behavior in the World Politics] / I. A. Istomin. – Moskva: Aspekt Press, 2018. – 296 p.
15. Keohane Robert O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics. / Robert O. Keohane // International Organization. – 1969. – №23(2). – PP. 291–310.
16. Ledkov A.A., Lunyov S.I. Istoriya Nepala. XX vek. [The History of Nepal. 20th Century] / A.A.Ledkov, S.I.Lunyov. – M., Institut vostokovedeniya RAN, 2011. – 382 p.

17. Lunev S.I. Regionalizaciya i integraciya: Indiya i YUzhnaya Aziya [Regionalisation and Integration: India and South Asia]/ S.I.Lunev. - M.: YUrajt, 2019. — 304 p.

18. Makarov A.V. Vneshneekonomicheskie otnosheniya Mongolii na sovremennom etape [Foreign Economic Relations of Mongolia at the Current Stage]/ A.V. Makarov, E.V. Makarova, A.B. Andreev. // Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik. – 2020. – №7. – P. 82–89.

19. Nepalko parrashtra niti 2077 [Foreign policy of Nepal 2020] / Ministry of Foreign Affairs of Nepal: site. – URL: <https://mofa.gov.np/wp-content/uploads/2020/12/पराष्ट्र-नीति-२०७७.pdf>

20. Niskiye Prachand Bharat bhramanma: aakhir ke ke chhan ejenda? [Pachand visiting India: what is on the agenda?] / Kusenews: site. – 22 Bhadr 2074. – URL: <https://kusenews.com/2018/09/07/निस्किए-प्रचण्ड-भारत-भ/>

21. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy / Gideon Rose // World Politics. – 1998. – Vol. 51, No. 1. – PP. 144–172.

22. Roshchin S. K. Politicheskaya istoriya Mongolii (1921–1940 gg.) [Political History of Mongolia: 1921–1940]/ S. K. Roshchin – M.: Institut Vostokovedeniya RAN, 1999. – 326 p.

23. Rossiya i Mongoliya na puti strategicheskogo partnyorstva [Russia and Mongolia on the Way to the Strategic Parnership] / M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2011. – 440 p.

24. Schweller R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back / R. Schweller // International Security. – 1994. – Vol. 19:1. – PP. 72–107.

25. Stavrov I.V. Ekonomicheskij koridor Kitaj – Mongoliya – Rossiya v strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya provincii Hejlunczyan [Economic Corridor between China, Mongolia and Russia in the Strategy of the Social and Economic Development of Heilongjiang Province]/ I.V. Stavrov // Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke. – 2017. – №2 (79). – P. 40–49.

26. Stiller L.F. Prithwinarayan Shah in the Light of Dibya Upadesh / L.F.Stiller. – Kathmandu, 1968. – 74 p.

27. Tuvshintogs A. Hujten dajny daraah mongolyn ayuulguj bajdlyn gadaad orchin [The International Environment After The Cold War And Its Impact On Mongolian Security] / A.Tuvshintogs. – Ulan-Bator: Nacional'naya akademiya razvedki Mongolii, 2012. – 468 p.

Сетевое издание «Международный аспект International Aspect»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер
и дата принятия решения о регистрации: ЭЛ № ФС 77 - 80193 от 22 января 2021 г.

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

Компьютерная верстка *М.Е. Звонова*

Подписано в печать 8.10.2022. Формат 60×84¹/₈.
Усл. печ. л. 6,5. Тираж 25 экз. Заказ ХХ

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
И множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

The certificate of registration of mass media EL FS 77 - 80193, 22.01.2021
issued by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

